

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

- Анисимов А.Л.** Американский особоуполномоченный в Цинской империи Х. Маршалл (1852-1853 гг.):
борьба за пересмотр Вансянского договора и нейтралитет по отношению к Тайпинскому восстанию.....5
- Сущенко М.А.** Концепт традиционного и модернизационного политического развития современного Китая
в отечественной синологии.....13
- Петровский Д.И., Хатченков Ю.А.** Политика китайского руководства в религиозной сфере
и отношения с Ватиканом.....26

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

- Амоголонова Д.Д.** Хамбо лама Дамба Аюшеев и его роль в современном буддийском возрождении Бурятии.....33
- Крупянко А.А., Акуленко В.С.** Чучхейская теория этногенеза корейцев.....43

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

- Маклюков А.В.** Изучение водно-энергетических ресурсов Дальнего Востока России
в годы индустриализации.....52
- Ковалева Е.В., Яковенко И.М.** Социальный статус и материальное положение учительства Камчатки
в 1930-е – 1940-е гг.60
- Кищик Е.В.** Политико-просветительская работа театра Дальневосточного Военного Округа в 1930-е гг.67
- Гребенюк П.С.** Развитие учреждений культуры на Северо-Востоке России в 1950-е – 1960-е гг.75
- Слободин С.Б.** «...Научная помощь всем интересующимся историей нашего края»
(к 60-летию со дня выхода первого выпуска «Краеведческих записок»
Магаданского областного краеведческого музея).....89
- Чернавская В.Н., Волкова Е.С.** Рецензия на книгу «Общество и власть на российском Дальнем Востоке
в 1960-1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5)».
Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 940 с.98

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Гребешев И.В.** Вл. Соловьев и русский персонализм: спор с Л. Лопатиным.....103
- Дидык М.А., Ерыгин А.Н.** Философия права Б.Н. Чичерина в историческом контексте.....109
- Амкуаб (Миквабия) Г.А.** Концепция семиосферы Ю.М. Лотмана и ее значение
для исследований журналистики Абхазии.....118
- Шамис Д.А.** Значение аргумента Дж. Мура для философии морали.....124

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ф.Е. АЖИМОВ – доктор философских наук, профессор,
директор Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г.В. АЛЕКСЕЕВА	доктор искусствоведения, профессор кафедры изобразительного искусства Школы искусства, культуры и спорта Дальневосточного федерального университета
Н.Н. КРАДИН	член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, заведующий Центром политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук
М.Г. ЛЕБЕДЬКО	доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, заслуженный деятель науки РФ
А.В. ЛЫСОВА	доктор социологических наук, PhD, профессор Школы криминологии Университета Саймона Фрейзера (Simon Fraser University)
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Вопросы философии»
Н.Е.ХАРЛАМЕНКОВА	доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии посттравматического стресса Института психологии Российской академии наук
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор, директор Департамента философии и религиоведения Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

К.С. ЕРЕМЕНКО – кандидат исторических наук,
доцент Департамента истории и археологии Школы гуманитарных наук

Компьютерная вёрстка Е.А. ПРУДКОГЛЯД

Полное или частичное воспроизведение материалов
допускается только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г.
размещены в сети Интернет по адресам:
ДВФУ: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
РНЭБ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209

Подписано в печать 30.06.2017.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 15,58. Уч.-изд. л. 15,91.
Тираж 500 экз. Заказ

Адрес редакции:
690950, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, 8.
Тел. (423) 245 77 48.
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Отпечатано в типографии
Дальневосточного федерального университета
690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

HUMANITIES RESEARCH in the Russian Far East

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

ACADEMIC JOURNAL

№ 2 (40) 2017

dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-2

Sertificate
ПИ № ФС 77 32359
09.06.2008

TABLE OF CONTENTS

HISTORY AND CULTURE OF THE EAST

Anisimov A.L. Humphrey Marshall, US Commissioner to the Qing Empire (1852-1853): the struggle to revise the Treaty of Wanghia and neutrality towards Taiping rebellion.....	5
Sushchenko M.A. The concept of traditional and modernizing political development of modern China in Russian sinology.....	13
Petrovsky D.I., Khatchenkov Yu.A. Religious sphere and relations with the Vatican in the politics of Chinese leadership.....	26

ARCHAEOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOLOGY IN CIRCUM-PACIFIC

Amogolonova D.D. Hambo Lama Damba Ayusheev and his role in the present-day Buddhist revival of Buryatia.....	33
Krupyanko A.A., Akulenko V.S. Juche theory of ethnogenesis of Korean nation.....	43

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

Maklyukov A.V. The study of water energy resources in the Soviet Far East during the years of industrialization.....	52
Kovaleva E.V., Yakovenko I.M. Social status and financial situation of schoolteachers in Kamchatka, 1930s-1940s.....	60
Kishchik E.V. The role of Far Eastern Military District Theater in raising political awareness in the 1930s.....	67
Grebenyuk P.S. The development of cultural institutions in Northeast Russia, 1950s-1960s.....	75
Slobodin S.B. "... Scientific assistance to all those interested in the history of our region" (To the 60th anniversary of «Kraevedcheskie zapiski», a scholarly periodical of Magadan Regional Museum).....	89
Chernavskaya V.N., Volkova E.S. Review of the book «Society and power in the Russian Far East, 1960-1991. (History of the Russian Far East, Vol. 3, Book 5)». Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2016. 940 P.	98

PHILOSOPHIA PERENNIS

Grebeshev I.V. Vladimir Solovyov and Russian personalism: dispute with Lev Lopatin.....	103
Didyk M.A., Erygin A.N. Chicherin's philosophy of law in historical context.....	109
Amkuab (Mikvabia) G.A. Yu.M. Lotman's concept of semiosphere and its value for the study of journalism in Abkhazia.....	118
Shamis D.A. The importance of G. Moore's argument for moral philosophy.....	124

FOUNDED
IN 2008

FOUNDER:
FAR EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

PUBLISHED
QUARTERLY

EDITOR-IN-CHIEF

F.E. AZHIMOV – Doctor of Sc. (Philosophy), professor,
Director of the School of Humanities, Far Eastern Federal University

EDITORIAL STAFF

G.V. ALEKSEEVA	Doctor of Sc. (Arts), Far Eastern Federal University
N.N. KRADIN	Doctor of Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, corresponding member of Russian Academy of Sciences
M.G. LEBEDKO	Doctor of Sc. (Philology), Far Eastern Federal University
A.V. LYSOVA	Doctor of Sc. (Sociology), Ph.D., Simon Fraser University
B.I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
N.E. KHARLAMENKOVA	Doctor. Of Sc. (Psychology), Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences
T.G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University
S.E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University

EXECUTIVE SECRETARY

K.S. EREMENKO – Candidate of Sc. (History), associate professor,
School of Humanities, Far Eastern Federal University

Editorial office address:
8, Suhanova str., Vladivostok, Russia, 690950
Tel. (423) 245 77 48.
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:
DVFU: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

УДК 951.081:973.06

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-2/5-12

А.Л. Анисимов*

АМЕРИКАНСКИЙ ОСОБОУПНОМОЧЕННЫЙ В ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ Х. МАРШАЛЛ (1852-1853 ГГ.): БОРЬБА ЗА ПЕРЕСМОТР ВАНСЯНСКОГО ДОГОВОРА И НЕЙТРАЛИТЕТ ПО ОТНОШЕНИЮ К ТАЙПИНСКОМУ ВОССТАНИЮ

В статье анализируется деятельность американского дипломатического представителя в Цинской империи Х. Маршалла по реализации новых задач китайской политики США, поставленных госдепартаментом в начале 1850-х гг. Эти задачи не были решены из-за отсутствия возможности оказать силовое давление на Пекин и неготовности Англии начать новую войну с Китаем, плодами которой могли бы воспользоваться США, как это было в период Первой опиумной войны. Американский дипломат и правительство США пришли к выводу, что только сила может заставить Пекин пойти на новые уступки.

Ключевые слова: Китай, дальневосточная политика США, Цинская империя, опиумные войны, Тайпинское восстание

Humphrey Marshall, US Commissioner to the Qing Empire (1852-1853): the struggle to revise the Treaty of Wanghia and neutrality towards Taiping rebellion.
ALEXANDER L. ANISIMOV (Khabarovsk Border Institute of the Federal Security Service of the Russian Federation)

This article analyzes the activities of Humphrey Marshall, an American diplomatic representative in the Qing Empire, aimed at implementation of the new initiatives of the United States in China in the early 1850s. These tasks were not resolved because of the lack of the opportunity to put pressure on Beijing and England's unwillingness to start a new war with China, the fruits of which could be used by the US, as it was during the First Opium War. American diplomat and the US government came to the conclusion that only force can push China to further concessions.

Keywords: China, Far Eastern policy of the US, Qing Empire, Opium Wars, Taiping Rebellion

Политика США в отношении Цинской империи в 1840-х – 1860-х гг. достаточно хорошо изучена, но деятельность американских дипломатов в Китае этого периода во многом прошла мимо внимания исследователей. Повезло лишь немногим, внесшим наибольший вклад в реализацию

* АНИСИМОВ Александр Леонидович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Отечества Хабаровского пограничного института Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

E-mail: anisimov@email.kht.ru

© Анисимов А.Л., 2017

дальневосточной политики Вашингтона, добившимся заключения неравноправных договоров с Китаем [1; 7; 11; 13; 15; 22; 23]. Деятельность же других американских дипломатов, оставивших не столь яркий след в истории американо-китайских отношений, практически не изучалась. Среди них – Американский особополномоченный в Китае в 1852-1853 гг. Хамфри Маршалла¹, о котором написана одна статья, в которой анализируется позиция М.К. Перри и Х. Маршала в отношении Тайпинского восстания [9].

С учетом степени изученности проблемы, в данной статье поставлена задача проанализировать деятельность американского дипломатического представителя в Цинской империи Х. Маршалла по реализации новых задач китайской политики США, сформулированных Вашингтоном в начале 1850-х гг.

В начале 1850-х гг. в Вашингтоне был поставлен вопрос о пересмотре договора Ванся. С приходом в 1853 г. к власти администрации Ф. Пирса, пост особополномоченного в Цинской империи был предложен Р.Дж. Уолкеру, бывшему министру финансов и одному из самых решительных государственных деятелей США. Он выдвинул ряд условий, при которых он соглашался занять этот пост. Уолкер заявил, что новый американо-китайский договор должен предусматривать безусловную свободу торговли всеми товарами без исключения; право ведения американцами любой предпринимательской деятельности в Китае, в том числе торговли, строительства железных дорог и телеграфов, рыбной ловли у китайских берегов; открытия китайских рек для торговли и судоходства; уменьшение или даже уничтожение ввозных пошлин. Уолкер желал также получить полномочия на заключение договоров с тайпинами, Японией, Кореей, Кохинхиной и другими азиатскими государствами. Фактически Уолкер выступил с программой создания более благоприятных условий для американской экспансии на

Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Но посольство Уолкера не состоялось, так как Соединённые Штаты ещё не были готовы к реализации этой программы.

Дж. Бьюкенен, ставший президентом в 1857 г., ещё в начале 1850-х гг. пришёл к мысли о необходимости пересмотра договоров с Китаем. В 1853 г. в беседе с русским востоковедом и дипломатом К. Нейманом он заявил о необходимости полного изменения отношений Китая с западными странами [6, с. 243-244]. 4 августа 1852 г. новым американским особополномоченным в Цинской империи был назначен Хамфри Маршалл, который получил инструкции добиваться расширения торговли в соответствии с происходившими изменениями, связанными с возросшей экспансией американской республики, утверждением её на тихоокеанском побережье и возросшими американскими интересами на Востоке. Кроме того, Х. Маршалл должен был представить иски американских граждан маньчжурскому правительству. Для того чтобы придать «дополнительный вес» этим требованиям Вашингтона к Пекину, эскадре коммодора М. Перри, отправляемой в это же время на Дальний Восток, предписывалось «зайти в Гонконг или Макао и оставаться там так долго, как он сочтёт это необходимым» [10, р. 95; 21, р. 523].

Одним из важных принципов политики США на Дальнем Востоке в первой половине XIX в. был принцип опоры на военную силу как решающее средство урегулирования спорных международных проблем. Американцы, как и англичане, пришли к выводу, что «политика канонерок» была единственным средством заставить цинское правительство принять их требования. Х. Маршалл считал, что китайцы признают только силу, которая способна подкрепить «справедливые» требования США [14, р. 164]. Пример Англии, которая силой навязала Пекину свои требования, давал основание американским дипломатам и государственным деятелям полагать, что только сила заставит цинский двор пойти на изменение американо-китайских отношений, отказаться от китаеццентризма и признать в США равноправного партнёра.

В инструкциях, данных М. Перри военно-морским министром Дж. Кеннеди 13 ноября 1852 г., говорилось о намерении правительства увеличить военно-морскую эскадру в китайских водах. Перри вменялось в обязанность содействовать усилиям Х. Маршалла добиться от цинского правительства удовлетворения исков американских граждан.

Некоторые американские представители в Цинской империи с опасением смотрели на усиление активности России и Англии на Дальнем Востоке, считая, что это может привести к ущемлению интересов США в Китае. Х. Маршалл полагал, что Англия стремится к господству в Китае [14, р. 163].

Сенатор от Калифорнии У. Гуин отмечал, что США становятся опасным конкурентом Англии в торговле с Азией. В это время правящие круги США выступали за укрепление позиций и расширение экспансии США в Китае. У. Гуин во время дебатов в Конгрессе об учреждении почтовой паровой линии между Сан-Франциско и Шанхаем в выступлении 2 марта 1853 г. отмечал важность использовать благоприятную возможность для облегчения торговли и сношения с Азией. Он высказался за немедленное учреждение паровой линии между Сан-Франциско и пятью китайскими портами, что послужило бы прелюдией для торговли в недалёком будущем с внутренними районами Китая [19, р. 1013].

Меры Российской империи, направленные на присоединение Приамурского края в начале XIX в., не остались незамеченными в США. Обеспокоенность продвижением России на Восток и, в связи с этим, возможностью установления её контроля над Цинской империей выразил американский особополномоченный в Китае Х. Маршалл. Он считал, что США должны пойти на любые жертвы, чтобы сдержать расширение тихоокеанских границ России и отклонить её от вмешательства во внутренние дела Цинской империи [8, р. 322]. Но в Вашингтоне посчитали эти страхи безосновательными, тем более что российская сторона сама инициировала начало американской торговли на Амуре. В связи с этим правительство США высказало заинтересованность в создании благоприятных условий для американского бизнеса в Приамурье (Архив внешней политики Российской империи, далее – АВПРИ. Ф. СПб., Главный архив, I-9, 1857 г. Оп. 8. Д. 16. Ч. VII. Л. 189об. – 190об.).

Несмотря на все усилия, Х. Маршалл не смог за два года своего пребывания в Цинской империи встретиться с императорским особополномоченным в Южном Китае Е Минченом, который отказался иметь какие-либо отношения с американскими и английскими особополномоченными. Он был сторонником возвращения к политике самоизоляции Цинской империи и прекращения каких-либо официальных контактов с западными «варварами». Маршалл попытался заручиться поддержкой командующих

американскими военно-морскими силами в китайских водах – сначала коммодора Олика, а затем коммодора О.Х. Перри, чтобы заставить цинские власти пойти на уступки, но оба офицера отказались сотрудничать с Маршаллом [14, р. 88; 10, р. 96].

В политике США в отношении Тайпинского восстания можно выделить два этапа: 1) 1850 – 1859 гг. – период нейтралитета и 2) 1860 – 1864 гг. – период относительного нейтралитета, соучастия в интервенции и подавлении Тайпинского восстания.

На первом этапе правительство США, американские представители в Китае, миссионеры и предприниматели ещё до конца не определили своего отношения к тайпинам и заняли выжидательную позицию. В это время американское правительство, в условиях быстрого роста и успехов тайпинского движения, вынуждено было считаться с тайпинами как с реальной силой и вероятными претендентами на власть над всем Китаем, но наряду с этим пыталось оказывать новое давление на цинское правительство, добиваясь от него новых уступок.

Что касается тайпинов, то руководители повстанцев выступили против неравноправных договоров с западными державами. Это привело США и другие западные страны к отказу от политики нейтралитета, способствовало их интервенции против тайпинов. После того, как тайпины сделали Нанкин своей столицей, американские миссионеры попытались установить с ними связь с тем, чтобы выяснить их намерения, отношение к иностранцам, а также чтобы повлиять на руководителей восстания, сделать их орудием в руках иностранцев. Но американское правительство отрицательно отнеслось к этим попыткам, опасаясь, что вмешательство американцев во внутренние распри в Китае может вызвать недовольство других держав и будет способствовать обострению их борьбы за Китай.

Известия о Тайпинском восстании в Китае и кризисе Цинской империи вызвали в США радужные надежды, правительство которых решило использовать благоприятный момент для навязывания ей новых кабальных условий. Президент Соединённых Штатов Ф. Пирс заявил, что положение в Китае таково, что следует ожидать важные изменения, которые приведут к более неограниченным сношениям с Пекином [14, р. 182]. Госсекретарь У. Марси считал, что события в Китае грозят свергнуть маньчжурское господство и установить правительство, которое будет более соответствовать «принципам христианства» и

¹ Хамфри Маршалл (Humphrey Marshall) родился 13 января 1812 г. в Франкфорте, штат Кентукки, в семье потомственных политиков и юристов. Маршалл окончил военную академию в Вест-Пойнте, участвовал в военных действиях с индейцами, в Американо-мексиканской войне, в которой получил звание полковника (1846 г.). Изучал право, сельское хозяйство. Имел юридическую практику. Избирался в Конгресс США от штата Кентукки как представитель партии вигов. В период Гражданской войны Х. Маршалл в качестве бригадного генерала сражался на стороне конфедератов. После войны проживал в Новом Орлеане, затем в Луисвилле, где имел юридическую практику. Умер 28 марта 1872 г.

интересам США [12, р. 230]. Сенатор Сьюард, будущий госсекретарь, также утверждал, что Тайпинское восстание даст возможность добиться доступа американцев в любую часть китайской империи [19, р. 1566].

Первым американским посланником в Китае, который получил особые инструкции относительно этого восстания, был Хамфри Маршалл. В августе 1852 г. ему были предоставлены самые широкие полномочия, полная свобода действий по отношению к событиям в Китае [9, р. 259].

В мае-июне 1853 г. американский миссионер Ч. Тейлор предпринял попытку добраться до Чжэньцзяна, занятого повстанцами. Тайпинский генерал Ло Даган дружественно принял его, а затем дал письмо к «иностранным братьям» в Шанхае. Попытки Тейлора установить контакты с тайпинами вызвали большое неудовольствие американского посланника Х. Маршалла, который заявил, что миссионер совершил большое преступление, согласно закону 1848 г. [16, р. 583-584]. Х. Маршалл высказался и против визита в Нанкин другого миссионера – И. Робертса, рассматривая этот визит как нарушение нейтралитета США, закона 1848 г. и договора Ванся 1844 г. [16, р. 584; 17, р. 205].

Дело в том, что ещё в августе 1848 г. Конгресс США принял акт о наказании смертной казнью тех американских граждан, которые будут принимать участие в мятежах и восстаниях против цинского правительства с целью его свержения. Такие действия объявлялись законом тягчайшим преступлением. Эти законодательные акты поставили значительную преграду на пути контактов между американцами и тайпинами и должны были продемонстрировать нейтралитет США по отношению к внутривосточной борьбе в Китае.

В начале марта 1853 г., когда тайпины подошли к Нанкину, Х. Маршалл на пароходе «Саскеханна» попытался добраться до них. Перед отъездом из Макао в Нанкин американский представитель заявил, что он направляется к тайпинам с целью разведки состояния противоборствующих армий и получения информации о характере, целях и перспективах восстания. Маршалл надеялся, что успех восставших сможет заставить маньчжурское правительство обратиться к иностранцам и пойти на уступки в их пользу. Помимо этого, он попытался выяснить, не создаст ли продвижение тайпинов на север угрозу американским интересам в Китае. Но «Саскеханна» села на мель на р. Янцзы. Мар-

шалл был вынужден вернуться в Шанхай и ожидать удобного случая, чтобы снова отправиться в столицу Тайпинского государства.

В начале мая 1853 г. эскадра коммодора М. Перри по пути в Японию остановилась в Шанхае. Цинские власти обратились к коммодору с просьбой помочь им в борьбе с повстанцами, но Перри отказался предоставить суда своей эскадры шанхайским властям в связи с тем, что он не имел на это полномочий, а также потому, что цинские власти ещё не признали официально Х. Маршалла в качестве дипломатического представителя США в Китае. Перри попытался использовать вопрос о помощи в подавлении восстания для оказания давления на маньчжурское правительство, чтобы заставить его официально признать Маршалла. Правительство США вменило ему в обязанность оказывать помощь американскому представителю в Цинской империи. Коммодор подчеркнул, отвечая на просьбу шанхайских властей, что в качестве предварительного шага на пути к установлению сердечных отношений между США и Цинской империей необходимо, чтобы американский посланник был принят в Китае так, как того требуют сила и достоинство страны, которую он представлял. Кроме того, М. Перри больше занимала его собственная миссия в Японию, чем китайские дела.

Х. Маршалл не разделял мнение Перри. Он считал, что те выгоды, которые США могут извлечь из Японии, ничтожны по сравнению с теми, которые Соединённые Штаты могли бы извлечь в Китае, воспользовавшись восстанием тайпинов, в том числе добиться официального разрешения от цинского двора на постоянное пребывание американского посланника в Пекине. Несмотря на просьбы Х. Маршалла и американских торговцев в Шанхае остаться там для защиты их от повстанцев, М. Перри отплыл в Японию, оставив всё же один корабль в порту.

Несмотря на затруднения в деле сношения с цинскими властями, которые имели место в этот период, Х. Маршалл считал неразумным способствовать свержению Цинской династии. По его мнению, для США было необходимо объединиться с другими державами и направить своих дипломатов в Пекин и Нанкин и вовремя вмешаться, чтобы положить конец гражданской войне в Китае [9, р. 262-264]. Намерения Маршалла войти в сношения с тайпинами было вызвано лишь позицией, занятой императорским особоуполномоченным на Юге Китая Е Минченем, который отказывался принять американского представителя. Когда же он добился встречи с генерал-губернатором

провинции Цзянсу И Ляном, которая состоялась 4 июля 1853 г., Маршалл заявил, что США могут пойти на прямую интервенцию против тайпинов, если цинские власти удовлетворят требования Соединённых Штатов. Маршалл заверил И Ляна, что если иностранцам будет разрешено торговать в бассейне Янцзы, то они помогут вооружённой рукой подавить восстание. Одновременно американский представитель пригрозил, что если цинское правительство отвергнет домогательства американцев, то они могут обратиться к тайпинам [20, р. 206].

Маршалл опасался также, что Россия и Англия могут вмешаться во внутренние дела Китая, чтобы укрепить своё положение на Дальнем Востоке. В связи с этим он рекомендовал правительству США помогать маньчжурскому правительству, при условии, что цинский двор предоставит иностранцам свободу вероисповедания, торговли и передвижения, откроет Янцзы для парового судоходства и предоставит амнистию восставшим.

В отличие от Х. Маршалла, М. Перри считал, что дни Цинской династии сочтены и вскоре тайпины захватят власть во всём Китае. В связи с этим коммодор в августе 1853 г. писал, что США должны спокойно выжидать, когда победит одна из двух противоборствующих сил, а затем предъявить той из них, которая одержит победу, требования предоставить более широкие привилегии в области коммерции и право проживания американского посла в Пекине. Перри считал, что США только выиграют, если не будут оказывать помощь ни той, ни другой стороне.

В ответ на сообщения Х. Маршалла о необходимости защиты жизней и собственности американских граждан в открытых портах и его жалоб на то, что командующие американской эскадрой в китайских водах – сначала Олик, а затем М. Перри – отказывались сотрудничать с ним в деле защиты американских граждан в Китае, хотя госсекретарь У. Марси заверил Маршалла, что военно-морские силы США в районе Китая будут решать и эту задачу [9, р. 264-266].

Получив ответ из Вашингтона, Х. Маршалл обратился к коммодору М. Перри выделить корабли из его эскадры для защиты американских граждан и их собственности от тайпинов в Амое, Фучжоу, Шанхае и Гуанчжоу. Но Перри считал, что американцам ничего не угрожает, а в Амое, Фучжоу и Нинбо была собственность только американских миссионеров, которые не просили о помощи. Перри был очень недоволен вмешательством Маршалла в его прерогативы. Поэтому он в

резкой форме ответил, что сам будет решать, кого и как защищать. Перри посоветовал американскому дипломату воздержаться от вмешательства во внутренние дела Китая и соблюдать нейтралитет, спокойно ожидая развития событий, так как, если бы пала маньчжурская династия, то все старания Маршалла оказались бы безрезультатными [9, р. 267-268].

Позиция Перри по вопросу о сотрудничестве с Х. Маршаллом вызвала осуждение правительства США. Военно-морской министр Дж. Доббин подчёркивал в письме к М. Перри, что Китай переживает переломный момент, и приказал отправить один военный пароход в Макао для встречи нового американского особоуполномоченного – Р.М. Маклейна. При этом Доббин подчёркивал, что «революция в Китае, кажется, требует большего внимания», чем уделял ей ранее Вашингтон [9, р. 269; 21, р. 590]. Х. Маршалла отозвали из Китая в связи с тем, что он не смог решить практически ни одной задачи, поставленной перед ним федеральным правительством.

В сентябре 1853 г. в Шанхае произошло восстание «Союза малых мечей». Англия, Франция и США приняли активное участие в его подавлении, что было, по мнению российского историка В.С. Кузеса, специально исследовавшего эту проблему, своего рода «репетицией» вооружённой интервенции западных держав против тайпинов в 1862-1864 гг. [5, с. 103]

Когда американскому консулу Каннигхэму стало известно о восстании и пленении шанхайского даотая У Цзяньчжана, он предпринял активные усилия, чтобы вызволить даотая. Маршалл под угрозой бомбардировки потребовал его освобождения. Американцы были настроены решительно и предложили послать отряд численностью 200 человек, чтобы силой отбить даотая у повстанцев, но этот план встретил возражение консулов других западных держав. Тогда американский посланник обратился с просьбой к вождю восставших Лю Личуаню передать У Цзяньчжана под его надзор. В результате демарша американцев повстанцы ослабили охрану даотая, что позволило американцам выкрасть даотая и укрыть его в резиденции американского консула, который занимал помещение фирмы «Расселл энд К°».

Бежавшему даотаю американцы стали помогать в борьбе против повстанцев. Консул Каннигхэм передал У Цзяньчжану оснащённое для военных действий судно. Американские граждане помогали цинским властям сооружать артиллерийские форты, изготавливать под-

вижные артиллерийские лафеты, обучать солдат [4, с. 60-66].

В ответ на эти действия руководитель шанхайских повстанцев обратился с официальным письмом ко всем иностранным консулам, выразив протест против действий американских дипломатов. Лю Личуань заявил, что, несмотря на достижения взаимопонимания между ним и иностранными купцами и договорённости о том, что иностранцы будут соблюдать нейтралитет, американский посланник Маршалл и консул Каннингхэм «совершают противозаконные действия» [3, с. 178-179]. Но протесты повстанцев не повлияли на действия американцев, которые продолжали активно помогать цинским властям, полагая, что те смогут лучше защитить интересы американцев в этом порту и Китае в целом.

Одновременно американцы не брезговали и торговыми сделками с повстанцами, продавая им оружие и порох. Это вызвало протест цинских властей, которые в октябре 1853 г. направили иностранным консулам в Шанхае специальный циркуляр с требованием запретить своим соотечественникам продавать повстанцам оружие и боеприпасы [3, с. 82].

Получив несколько судов от европейцев и американцев, даотай попытался комбинированной атакой с суши и воды выбить восставших из Шанхая, но безуспешно [2, с. 53].

Американская администрация первоначально питала большие надежды на использование восстания тайпинов для дальнейшего проникновения в Китай, но эти надежды не оправдались. Уже первые контакты показали, что тайпинские руководители не собираются подтверждать договоры, навязанные Китаю силой в результате Первой опиумной войны. Это вызвало охлаждение американского правительства к тайпинам и склонило его к поддержке Цинской династии. Но формально Вашингтон не отказался от политики нейтралитета, проявил осторожность, стремясь ничем не навредить американским интересам в Китае в этот сложный период, когда никто не мог точно определить какая из противоборствующих сторон победит.

В октябре 1853 г. особоуполномоченным США в Цинской империи вместо Х. Маршалла был назначен Роберт М. Маклейн.

Таким образом, несмотря на все усилия, Х. Маршалл не смог не только добиться от цинских властей пересмотра договора Ванся, но даже начать переговоры по этому вопросу. Не смог он решить и задачу удовлетворения исков американских граждан к цинским властям. Это было

связано как с позицией цинских властей, которые выступали против новых уступок иностранцам, за возвращение к политике самоизоляции страны, так и с отсутствием поддержки со стороны командующих американскими военно-морскими силами в китайских водах. Не встретила в Вашингтоне поддержку идея Х. Маршалла не допустить усиления влияния Англии и России в Цинской империи.

Получив полную свободу действий по отношению к антицинским восстаниям, Х. Маршалл запретил американским гражданам сноситься с тайпинами, но сам пытался использовать Тайпское восстание и восстание «Союза малых мечей» для оказания давления на цинские власти с целью заставить их пойти на уступки, предоставить американцам новые привилегии. Но и в этом вопросе он потерпел неудачу, и здесь его не поддержали представители ВМФ США в китайских водах. Задачи, поставленные перед Х. Маршаллом госдепартаментом, не были решены. Американский дипломат и правительство США пришли к выводу, что только сила может заставить Пекин пойти на новые уступки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов А.Л. «Самый большой патриот империи» (американский миссионер П. Паркер в Китае в XIX в.) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Иркутск: Иркутский госуд. пед. ун-т, 1997. С. 25-48.
2. Всеподданнейший отчёт генерал-адъютанта гр. Путятин о плавании отряда военных судов наших в Японию и Китай. 1852-1855 год // Морской сборник. 1856. Т. 24. № 10 (август). С. 22-104.
3. Кузес В.С. Шанхайское восстание «Союза малых мечей» 1853-1855 гг. / В.С. Кузес. М.: Наука, 1980. 200 с.
4. Кузес В.С. Шанхайское восстание «Союза малых мечей» в Шанхае (1853 – 1855 гг.): Дис... докт. ист. наук / В.С. Кузес. М., 1978. 303 с.
5. Кузес В.С. Шанхайское восстание 1853-1855 гг. и иностранцы / В.С. Кузес // Китай: государство и общество: Сборник статей / Под ред. Л.П. Делюсина и др. М.: Наука, 1977. С. 103-120.
6. Нейман К. Современное положение Китая и его отношение к союзникам / К. Нейман // Русский вестник. 1858. Т. 16. № 15. Кн. 1. С. 233-246
7. Халфин Н.А. Миссия Роберта / Н.А. Халфин // Проблемы востоковедения. 1960. № 1. С. 183-189.

8. Godshall, W.L. ed., 1937. American foreign policy. Formulation and practice. Ann Arbor: Edwards Brothers, inc.

9. Bain, C.A., 1951. Commodore Matthew Perry, Humphrey Marshall, and the Taiping Rebellion. The Far Eastern Quarterly, Vol. X, no. 3, pp. 259-270.

10. Callahan, J.M., 1954. Early American relation and policy in Chinese Orient. The World Affairs Interpreter, Vol. 25, no. 1, pp. 91-101.

11. Chien, K., 1939. Cushing mission, was it necessary? The Chinese Social and Political Review, Vol. 23, no. 1, pp. 3-14.

12. De Conde, A., 1963. A History of American foreign policy. New York: Charles Scribner's Sons.

13. Fuess, C.M., 1923. The life of Caleb Cushing. New York: Harcourt, Brace and Co.

14. Holt, E., 1964. The Opium Wars in China. London: Putman.

15. Kuo, P.C., 1933. Caleb Cushing and the Treaty of Wanghia, 1844. Journal of Modern History, Vol. 5, no. 1, pp. 34-54.

16. Littell, J.B., 1928. Missionaries and politics in China – The Taiping Rebellion. Political Science Quarterly, Vol. XLIII, no. 4, pp. 566-598.

17. Spence, J.D., 1966. God's Chinese son: the Taiping Heavenly Kingdom of Hong Xiuquan. New York-London.

18. The Congressional Globe. Vol. XXVI. Part 1. Washington: The Globe Office, 1853.

19. The Congressional Globe. Vol. XXVIII. Part II. Washington: The Globe Office, 1854.

20. The executive documents, printed by order of the Senate of the United States. Second Session of the Thirty-Fifth Congress. Vol. 9. Washington, 1859.

21. Miller, H. ed., 1942. Treaties and other international acts of the United States of America. Vol. 6. Washington: United States Government Printing Office.

22. Williams, F.W., 1912. Anson Burlingame and the first Chinese mission to foreign powers. New York: Charles Scribner's sons.

23. Williams, F.W., 1889. The life and letters of Samuel Wells Williams, L.L.D. missionary, diplomatist, sinologue. New York: G.P. Putnam's Sons.

REFERENCE

1. Anisimov, A.L., 1997. "Samyi bolshoy patriot imperii" (amerikanskiy missioner P. Parker v Kitae v XIX v. ["The greatest patriot of the empire"] (American missionary P. Parker in China in the XIX century). In: Vzaimootnosheniya narodov Rossii, Sibiri i stran Vostoka: istoriya i sovremennost'. Irkutsk: Irkutskiy gosud. un-t, pp. 25-48. (in Russ.)

2. Vsepoddanneishiy otchet general-adyutanta gr. Putyatina o plavanii otryada voennykh sudov nashih v Yaponiyu i Kitay. 1852-1855 god [Report of the Adjutant General, count Putyatina about the sailing of the detachment of Russian navy to Japan and China, 1852-1855], Morskoy sbornik, 1856, T. 24, no. № 10, pp. 22-104. (in Russ.)

3. Kuzes, V.S., 1980. Shankhayskoe vosstanie "Soyuza malykh mechey" 1853-1855 gg. [Shanghai rebellion of Small Swords Society, 1853-1855]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

4. Kuzes, V.S., 1978. Shankhayskoe vosstanie "Soyuza malykh mechey" v Shankhae (1853-1855 gg.) [Shanghai rebellion of Small Swords Society (1853-1855)], dissertatsiya doktora istoricheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)

5. Kuzes, V.S., 1977. Shankhayskoe vosstanie 1853-1855 gg. i inostrantsy [Shanghai rebellion of 1853-1855 and the foreigners]. In: Delyushin, L.P. et al. eds., 1977. Kitay: gosudarstvo i obshestvo. Moskva: Nauka, pp. 103-120. (in Russ.)

6. Neyman, K., 1858. Sovremennoe polozhenie Kitaya i ego otnoshenie k soyuznikam [The current situation of China and its attitude towards the allies], Russkiy vestnik, T. 16, no. 15, kn. 1, pp. 233-246. (in Russ.)

7. Halfin, N.A., 1960. Missiya Robertsa [Roberts' mission], Problemy vostokovedeniya, no. 1, pp. 183-189. (in Russ.)

8. Godshall, W.L. ed., 1937. American foreign policy. Formulation and practice. Ann Arbor: Edwards Brothers, inc.

9. Bain, C.A., 1951. Commodore Matthew Perry, Humphrey Marshall, and the Taiping Rebellion. The Far Eastern Quarterly, Vol. X, no. 3, pp. 259-270.

10. Callahan, J.M., 1954. Early American relation and policy in Chinese Orient. The World Affairs Interpreter, Vol. 25, no. 1, pp. 91-101.

11. Chien, K., 1939. Cushing mission, was it necessary? The Chinese Social and Political Review, Vol. 23, no. 1, pp. 3-14.

12. De Conde, A., 1963. A History of American foreign policy. New York: Charles Scribner's Sons.

13. Fuess, C.M., 1923. The life of Caleb Cushing. New York: Harcourt, Brace and Co.

14. Holt, E., 1964. The Opium Wars in China. London: Putman.

15. Kuo, P.C., 1933. Caleb Cushing and the Treaty of Wanghia, 1844. Journal of Modern History, Vol. 5, no. 1, pp. 34-54.

16. Littell, J.B., 1928. Missionaries and politics in China – The Taiping Rebellion. Political Science Quarterly, Vol. XLIII, no. 4, pp. 566-598.

17. Spence, J.D., 1966. God's Chinese son: the Taiping Heavenly Kingdom of Hong Xiuquan. New York-London.
18. The Congressional Globe. Vol. XXVI. Part 1. Washington: The Globe Office, 1853.
19. The Congressional Globe. Vol. XXVIII. Part II. Washington: The Globe Office, 1854.
20. The executive documents, printed by order of the Senate of the United States. Second Session of the Thirty-Fifth Congress. Vol. 9. Washington, 1859.
21. Miller, H. ed., 1942. Treaties and other international acts of the United States of America. Vol. 6. Washington: United States Government Printing Office.
22. Williams, F.W., 1912. Anson Burlingame and the first Chinese mission to foreign powers. New York: Charles Scribner's sons.
23. Williams, F.W., 1889. The life and letters of Samuel Wells Williams, L.L.D. missionary, diplomatist, sinologue. New York: G.P. Putnam's Sons.



УДК 323.2
DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-2/13-25

М.А. Сущенко*

КОНЦЕПТ ТРАДИЦИОННОГО И МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИНОЛОГИИ

В статье рассматриваются основные проблемы взаимодействия традиционных и модернизационных аспектов политического развития современного Китая, их методологические и теоретические основания в отражении отечественной синологии. Автор выделяет и анализирует основные научные подходы к исследованию политических традиций КНР в советской и постсоветской историографии.

Ключевые слова: традиции, модернизация, КНР, реформа, КПК, синология, конфуцианство

The concept of traditional and modernizing political development of modern China in Russian sinology. MAXIM A. SUSHCHENKO (Kemerovo State University)

The article considers how Russian sinologists view the problem of interaction of traditional and modernizing aspects in the political development of modern China, focusing on their methodological and theoretical grounds. The author classifies and analyzes the main theoretical approaches to the study of Chinese political traditions in Soviet and post-Soviet historiography.

Keywords: traditions, modernization, PRC, reform, CPC, sinology, Confucianism

Идейно-политические ценности и традиции всегда играли важную роль в сфере осуществления государственного строительства КНР. Богатый потенциал и опыт национального политического развития использован властью современного Китая. Проблема соотношения традиционного и модернизационного в китайской политике давно привлекала внимание отечественных востоковедов. Вследствие господства формационного подхода в советском китаеведении у учёных сложилось двойственное отношение к проблеме развития китайских политических традиций в современном обществе КНР. Несмотря на то, что общественная наука СССР, развитая под влиянием марксистско-ленинской методологии, отличалась

политизированностью и идеологизированностью, в отечественной синологической школе были заложены теоретико-методологические основы изучения национальных традиций в политической жизни КНР.

В советской научной школе доминировал политико-идеологический подход к исследованиям политических процессов в КНР в 1970-1980 гг. Рост количества работ, посвящённых изучению традиционной составляющей маоистского режима, в СССР в 1970-е гг. был связан со стремлением разоблачить «ревизионистскую» сущность политики Мао Цзэдуна, а впоследствии – подвергнуть критике реформы Дэн Сяопина. В политической науке подобный подход укладывается в рамки из-

* СУЩЕНКО Максим Алексеевич, соискатель кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета.

E-mail: spacemirror@mail.ru

© Сущенко М.А., 2017

учения субъективной стороны политической действительности.

В контексте политико-идеологического подхода российскими синологами было изучено место конфуцианской культуры во взаимодействии со структурой политической системы КНР. Конфуцианские традиции рассматривались в качестве фактора модернизации восточноазиатских обществ в соотношении долгосрочной и краткосрочной перспектив [48, с. 146]. В отечественной синологии существует множество подходов к определению политико-идеологической сущности китайской модернизации. В работах Л.С. Переломова исследованы некоторые традиционные аспекты китайской модернизации, формально соотнесённые автором с «социализмом с китайской спецификой» [47, с. 213]. А.В. Ломановым выявлены исторический, институциональный и культурный аспекты политико-идеологического направления развития китайской модернизации [39].

Л.С. Васильевым всесторонне исследовались традиции в различных аспектах политико-идеологического развития общественной жизни Китая – в истории, экономике, культуре. Одним из достижений отечественной синологической науки в сфере изучаемой проблемы является подтверждение тезиса о том, что «культ традиций и консерватизм в конфуцианском Китае стояли на страже незыблемости существующего строя и являлись надёжным залогом стабильности, выступая в качестве определённых требований социально-политической системы» [16, с. 62].

Советские учёные разрабатывали политико-идеологический подход к изучению национальных политических традиций как ресурса власти для политической мобилизации граждан КНР (например, П. Кожин, А. Дронов, Н. Андреев, Л. Переломов). Были сделаны важные выводы о воздействии национальных традиций на общественно-политические процессы КНР. Была предложена оригинальная трактовка понятия «политические традиции» как элемента политического сознания и продукта общественно-исторического развития [49, с. 12].

В советской синологии особое внимание было уделено влиянию традиций Древнего Китая на способы политической мобилизации граждан КНР эпохи «Культурной революции». Исследовалась маоистская мобилизующая концепция «ставить древнее на службу современности». Отмечалось, что в периоды кризиса власти сфера действия «истории» резко и целенаправленно расширяется. Сформулирован вывод о развитии в политической жизни КНР института «историческое

наследие – политика» [45]. Так, например, А. Дроновым было определено использование в ходе политических кампаний в КНР традиционных для Китая методов иносказаний, аллегорий, намёков и т.д. Было установлено, что народу, воспитанному на традициях древнекитайской культуры, привычна форма изложения мыслей в общественной жизни с использованием аллегорий и иносказаний [28]. А. Салтыков исследовал происхождение китайских политических традиций в форме национализма, патриотизма, образа иностранцев в китайском обществе и др. [51].

Отмечалось влияние политических традиций Древнего Китая на политический процесс в КНР. Советская наука в 1973-1974 гг. живо реагировала на кампанию «Критики Линь Бяо и Конфуция». В этой связи, учёными был сделан вывод, что маоизм «столь созвучно переключался с легизмом» [29, с. 213]. Специфической чертой идеологических кампаний в КНР в 1960-е – 1970-е гг. провозглашалось ретроспективное видение истории, культуры и идеологии древнего и средневекового Китая, отражённое в лозунге-афоризме: «ставить древнее на службу современному» [43, с. 141].

Е.Ц. Прушеновой и Ц.Ц. Чойроповым высказана и обоснована гипотеза, что конфуцианская традиция в Китае на каждом этапе исторического развития, реагируя на все мировые изменения в политике и экономике, помогала принять необходимое для дальнейшего развития и откинуть ненужное, сохраняя свою традицию. [50, с. 196].

В отечественной науке в 1970-х гг. происходит постепенный переход от политически мотивированной критики маоизма к научному подходу в изучении политических процессов в Китае. В ходе исследования китайских традиций возникла научная ниша для рассмотрения проблем традиционного и модернизационного в политическом процессе КНР. Развитию данного направления в советской синологии 1970-х – 1980-х гг. мы обязаны целой плеяде востоковедов – прежде всего Л.С. Васильеву, Л.П. Делюсину, П.М. Кожину, М.В. Крюкову, Л.С. Переломову.

Отечественным востоковедам удалось исследовать влияние личностного фактора на процессы общественного развития КНР. При этом воздействие субъективного фактора рассматривалось на двух уровнях – личностей руководителей КНР и политических элит. Субъективизм исследований данной проблемы на личностном уровне проявился в советской идеологической критике, направленной на «разоблачение» маоизма.

В работах советских востоковедов содержалась оценка взглядов лидеров КНР, отражающая посте-

пенные перемены в отношении к реформистскому курсу КНР в 1980-е гг. П.М. Кожиным отмечался переход от резкой критики «феодалного наследия» и «феодалных пережитков» к положительной оценке элементов национальной духовной культуры в политической жизни. Такие перемены исследователи связывали с возникшими трудностями во время политики «четырёх модернизаций» в начале 1980-х гг. [30, с. 8].

Утрата господствующего положения формационного подхода в общественных науках в СССР привела к переменам во взглядах многих отечественных сиологов в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Начали развиваться разнообразные научные подходы к исследованию влияния национальных политических традиций на общественную жизнь КНР.

Кризис мировой социалистической системы во второй половине 1980-х гг. привёл к переменам в странах бывшего социалистического лагеря. Руководство Китая, не изменив основ политического строя, инициировало модернизационные процессы в экономике. В связи с этим в отечественной науке возник интерес к китайскому опыту модернизационного развития при участии традиций китайской государственности. В изучении китайских политических традиций в отечественной науке конца 1980-х – начала 1990-х гг. можно отметить несколько тенденций. Происходит постепенный отказ от методологических основ формационного подхода. Развивается многообразие направлений в исследованиях китайских традиций. Намечается конкретизация изучения отдельных типов традиций: политических, религиозных, философских, культурных, что способствует углубленному изучению участия элементов традиционной культуры в развитии современного китайского государства. Изучение роли традиций в процессах китайской модернизации выходит за рамки отечественной политической науки. Появляется множество работ в разных сферах, оценивающих влияние китайских традиций на ход китайских реформ.

Таким образом, 1990-е гг. явились важным рубежом в развитии отечественной синологии. В основу исследования политических традиций китайского общества в отечественной науке 1990-х гг. легли следующие концепции:

1. Согласно подходу Я.М. Бергера, трансформация традиционных обществ начала восприниматься в качестве сложного и нелинейного процесса, охватывающего все стороны общественной жизни, испытывающего уже существующие модели и направления развития [5, с. 60].

2. В соответствии с подходом В.Г. Гельбрасса, культурно-исторический базис понимается в форме политических традиций, определяющих общее направление социально-политического развития современного Китая [23, с. 32].

3. Благодаря исследованию К.М. Тертицкого в отечественной науке утвердилось представление о нравственных нормах, способствовавших утверждению в обществе конфуцианской этической модели [54, с. 11].

Отечественные востоковеды, продолжают изучать влияние традиционной политической доктрины в современном политическом дискурсе КНР. А.В. Бояркина считает, что официальные политические круги КНР могут уже и не использовать механизм правления, основанный на политической доктрине марксизма-ленинизма, однако они никогда не откажутся от конфуцианской традиции [11, с. 133].

По нашему мнению, общественно-политические традиции КНР выполняют важную функцию мобилизации ресурсов в период перестройки и трансформации экономической и политической структуры общества. Они находят проявление в нескольких трансформационных направлениях политического развития КНР:

- в поддержке реализации долгосрочного проекта китайских социально-экономических реформ;
- в обеспечении социально-политической стабильности в обществе;
- в закреплении политической устойчивости правящего режима.

Политико-идеологический научный подход к изучению традиционных и модернизационных составляющих в политическом развитии КНР обладает определёнными достоинствами. Политическое развитие понимается сквозь призму идей и ценностей, которые играют роль идейного культурного образца и социального регулятора. Однако данный подход является ограниченным, не раскрывает всей полноты характеристики элементов китайской политической системы.

С помощью институционального подхода политический процесс изучается в контексте взаимодействия и развития политических институтов. Среди отечественных сиологов институциональный подход к исследованию традиционных истоков современной китайской бюрократии разрабатывался А.В. Островским. Автором изучены национальные политические традиции в бюрократической системе КНР [44, с. 88].

По мнению российских авторов, влияние национальных политических традиций прослежива-

ется в процессе функционирования современной политической системы КНР. Отечественными учёными исследованы различные направления внутренней политики современного Китая. Булдаковой В.Г. исследовано влияние традиций в структуре китайской национальной политики. Автором было сформулирована гипотеза, согласно которой традиции имперского Китая остаются устойчивыми и служат основными факторами консолидации китайского этноса [12, с. 79].

С помощью институционального подхода к исследованию политических процессов КНР по степени важности ранжируются различные структурные элементы политической системы. Наиболее изученными в рамках данного подхода являются институты государства и партии, в то время как элементам культурного, нормативного, коммуникативного и функционального компонентов политической системы уделяется меньшее внимание, что составляет ограниченность данного подхода.

Влияние национальных традиций на развитие современного государства в Китае изучается в правовой сфере с помощью нормативного научного подхода. Возникло научное направление, исследующее традиционное правосознание китайцев в национальной правовой культуре [55]. В энциклопедии «Духовная культура Китая» отмечается, что среди факторов правового развития современного Китая важную роль играет исторически сложившееся в обществе отношение к праву. Указывается, что современную правовую культуру в Китае нельзя понимать вне соотнесения традиционализма с новейшими установками относительно роли права в КНР [28, с. 406].

В работах отечественных правоведов-синологов подробно изучены регуляторы политической деятельности, позволяющие рассматривать законодательство КНР как систему институтов права, имеющих свои структуры и правила функционирования. Особенную роль в работах правоведов-синологов играет институциональный подход к исследованию. Отмечается, что правовая система КНР является уникальным явлением, включающим в себя характерные черты права стран социалистической системы, норм древнекитайского (традиционного) права и некоторые нормы и принципы международного права [25, с. 4].

Исследователями изучено влияние традиционных и современных факторов политического развития КНР при помощи политико-культурного подхода. У отечественных учёных (например, Л.С. Переломов, Я.М. Бергер) сформировалась

устоявшаяся научная позиция о китайской политической культуре, важной чертой которой является тесная связь политики и истории.

Л.П. Делюсин определил, что «изучение роли и влияния традиционных идей, взглядов, форм политического поведения помогает лучше понять если не главные, то боковые пружины, приводящие в действие социальный механизм каждого общества, в том числе и китайского» [26, с. 4].

Изучение культурно-исторического процесса и национальных социально-психологических особенностей в сознании и поведении субъектов политики КНР в работах отечественных учёных нашло отражение в характеристике преемственности политических традиций. При изучении Китая отмечалась роль конфуцианских традиций в политической жизни КНР в качестве решающего фактора китайского исторического процесса [46].

В.Ф. Бородич исходит из понимания традиции в Китае как компонента политической культуры, которая используется в интересах развития всей общественной системы [9, с. 166].

Российские исследователи обратили внимание на возрастающую роль исторического фактора в политике КНР в качестве уникальной культурной специфики. Учёными определён подход к прошлому страны, во многом отличающий политику набирающего мощь Китая от политики малых стран, использующих историческую аргументацию для создания образа жертвы и доказательства вины соперника. «Китай же опирается на историческую политику с целью показать рост своего потенциала и влияния» [24, с. 258].

Во время руководства КПК политиками из четвёртого поколения актуальным для российских учёных становится изучение китайских политических традиций в контексте культурно-цивилизационной специфики как части политического дискурса КНР в начале XXI в. [2].

Современный процесс политических преобразований в КНР связывается со спецификой традиционного культурного влияния. В китайской политической культуре отмечены те ценности, установки, ориентации и стереотипы, которые направлены на сохранение существующей политической системы [56, с. 151].

Важные выводы о влиянии национальных традиций на политическое развитие современного Китая отечественные синологи сделали в том числе и благодаря знакомству с переводами классических древнекитайских философских и политических трактатов. Конфуцианство является доминантной составляющей китайской политической культуры. В отечественной синологии

сложилось научное направление, изучающее конфуцианский корпус источников. Конфуцианские тексты использованы советскими и российскими китаеведами при характеристике роли традиций в политических процессах современного Китая.

Особенное значение в исследованиях политического развития КНР имеют основополагающие конфуцианские тексты. Прежде всего, «Лунь юй» Конфуция. Всего отечественными учёными было выполнено несколько переводов классического трактата, важнейшими из которых явились работы В.А. Кривцова (1972), Л.И. Головачева (1992), И.И. Семенов (1995), Л.С. Переломова (2000), А.Е. Лукьянова (2001).

Перевод Л.С. Переломова снабжён комментариями автора, характеризующих значение ресурсов конфуцианской культуры в политическом развитии КНР. В частности, синологом изучена роль «Лунь Юй» в политических кампаниях эпохи Культурной революции [33, с. 148].

Проблемы возрождения конфуцианской культуры и модернизации Китая исследованы в коллективном издании на русском языке конфуцианского «Четверокнижия («Сы Шу»») под редакцией Л.С. Переломова.

В исследовании, кроме переводов классических текстов «Сы Шу», представлено исследование влияния конфуцианских традиций на процессы политического развития Китая в различные эпохи. Л.С. Переломов установил сходство социально-политических разработок конца XX в. с политико-философскими доктринами Древнего Китая [32, с. 56-59].

Важнейшим звеном в исследованиях влияния конфуцианского наследия на современность является трактат «План обогащения государства» Ли Гоу. В средневековом конфуцианском трактате китайскому учёному удалось соединить два значения термина – «экономика» (или обогащение государства) и «политика». Изучив традиции политической экономии средневекового Китая, З.Г. Лапина актуализировала их и для исследования современной политики [37].

В отечественной синологии ещё в 1990-е гг. был предложен подход к преодолению контрреформистского потенциала китайской духовной традиции на уровне социально-философского анализа. Я.М. Бергером исследовалось влияние конфуцианства в современном политическом развитии Китая, проходящего по пути создания новой научно-практической этической дисциплины – «прикладного конфуцианства» [5, с. 76]. А.В. Виноградов объяснил развитие данного явления результатом разделения марксизма в КНР на

основные и неосновные положения, что позволило придать китайской традиции важное прикладное значение [18, с. 372].

В современном востоковедении возникли исследования, в которых изучено влияние культурно-исторических явлений и национальных социально-психологических особенностей общества на сознание и поведение политических субъектов в Китае.

В.Ф. Бородич изучил причины и движущие силы китайских реформ [9]. С позиции политико-культурного подхода автор отметил некоторые конфуцианские идеи в политическом развитии КНР XXI в. в качестве важного атрибута социализма с китайской спецификой [10].

Особенное влияние традиционного фактора на современном этапе развития китайской общественно-политической жизни КНР отечественными учёными установлено в «Китайской мечте», в новой политической концепции пятого поколения китайских лидеров. За непродолжительный срок существования нового лозунга китайской политики отечественными учёными была дана его широкая характеристика. В процессе усиления института государственности за счёт идейно-теоретического поиска в китайской истории даны оценки достижениям власти [27, с. 113-114].

Учёными проводился анализ новых стойких общественных идеалов, которые были бы привлекательны для современного китайского общества. Так, например, Д.А. Смирновым сформулирована гипотеза, согласно которой сильная авторитарная власть в государствах Юго-Восточной Азии при соучастии конфуцианских традиций способствует быстрому достижению всестороннего социально-экономического прогресса общества [52, с. 253].

Сложилась оценка, данная А.В. Ломановым, перспективам «Китайской мечты», как инструмента «мягкой силы», вносящего вклад в формирование обновлённого восприятия Китая во внешнем мире [38, с. 50]. Л.И. Кондрашовой определена суть проекта социалистической направленности, синтезирующего «модернизационные требования с сохранением основ собственной культурной идентичности, совмещающего экономическую эффективность и социальную справедливость, правовой порядок и установившиеся моральные нормы» [31, с. 33].

При этом ведущими российскими синологами рассматриваются основные группы китайских традиций и обращается внимание на возрождение традиционных политических явлений, особое внимание уделяется тематике морали [3, с. 25].

На наш взгляд, воздействие культурно-исторических явлений и национальных социально-психологических особенностей и черт национальной культуры на сознание и поведение политических субъектов в Китае заключается в следующем:

– в высокой степени влияния традиционных политических ориентаций на субъекты политической деятельности КНР;

– во влиянии политических традиций национальной духовной культуры на различные формы общественного сознания.

При анализе закономерностей развития КНР отечественные китаеведы начали отмечать специфический китайский путь с обращением к традициям духовной культуры в качестве гармонизирующего фактора общественного развития [15, с. 168] и инструмента достижения политической стабильности правящего режима [19, с. 292-293]. Он начинает восприниматься в качестве амортизатора и анестезатора, сглаживающего изъёмы перехода к рынку. Элементы культурного наследия интерпретируются авторами в качестве социально-политических факторов, смягчающих социальные противоречия [34]. Исследовано понятие «социальная гармония», в качестве фактора консолидации общества на основе традиций китайской культуры [42], способных смягчить общественные противоречия и предотвратить разрастание очагов социальных конфликтов [22, с. 91]. Российскими учёными было установлено, что обращение китайского руководства к идеям социальной гармонии неслучайно. В условиях китайских реформ благосостояние населения в целом повысилось, но появились и серьезные проблемы – имущественное расслоение, разрыв в уровне развития между различными регионами, значительное число безработных и т.д., поэтому и возникла необходимость в гармонизации социальных отношений. Эта политическая практика носит, по мнению В.Г. Булова, традиционную окраску [13, с. 13].

Российскими учёными-востоковедами было установлено, что развитие модернизационных процессов в КНР в 1980-е – 1990-е гг. обнажило нарастающее сходство КНР и традиционного Китая в принципах управления и в понимании национальных интересов. По утверждению А.В. Виноградова, «одержав победу над буржуазным загрязнением, компартия объективно содействовала возрождению традиционных ценностей и форм общественной жизни» [20, с. 27-28].

В рамках научной системной классификации трансформирующееся общество КНР было отнесено А.В. Виноградовым и А.Д. Богатуровым

к конгломеративному типу, для которого характерно продолжительное по времени развитие и воспроизводство своеобразных моделирующих элементов и их отношений. Эти пласты формируют внутри общества анклав, организационная эффективность которых позволяет им выжить в рамках общества-конгломерата, эффективно сочетающего традиционное и современное [8, с. 60-61].

Российскими исследователями было доказано, что в духовной жизни современного Китая существует чрезвычайно значимая традиционная идея, суть которой состоит в том, что все усилия должны быть сосредоточены на развитии государства. Любые ценностные представления китайской цивилизации должны соответствовать эпохальным переменам, таким как китайская модернизация [4, с. 106]. Главной задачей государства является гармонизация модернизаторских процессов с опорой на ценности духовной культуры [35, с. 143].

С момента перехода власти в КНР к четвёртому поколению руководителей синологами была констатирована расстановка новых акцентов в политике. Было отмечено расширение социальной базы реформ и возрождение традиции опоры на народные массы. Причины усиления традиционного фактора связывается с тем, что имущественная дифференциация в Китае приблизилась к критической точке, что может привести к подрыву внутренней стабильности. В зоне социального риска исследователи видят крестьянство, которое «издревле служило опорой всех китайских руководителей – от императоров до генеральных секретарей» [53, с. 167].

Учёные отметили всё более заметное место специфических китайских традиций, отражённых в заявлениях нового руководства Китая. Изучены многие высказывания Си Цзиньпина на различных международных политических площадках и форумах. В частности, А.В. Ломановым было определено, что темы китайской культуры и истории становятся частью современной внешней политики КНР [40].

Исследования политической системы КНР в рамках политико-культурного подхода способствуют определению её новых особенностей и качественных характеристик. Но в то же время данный подход препятствует формированию целостного представления о развитии китайской политической системы. Совокупность взаимодействий политических субъектов, связанных с осуществлением власти и управлением обществом, представляет собой устойчивую систему. Полити-

ко-культурный подход нацелен, прежде всего, на исследования политической культуры как одного из элементов данной системы, что ограничивает её всестороннее изучение.

Влияние традиционных и модернизационных элементов на политическое развитие КНР исследовано на основе раскрытия связей политики и социальных отношений. Данное взаимодействие исследуется учёными с позиции социологического подхода.

В сфере изучения общественных отношений в современном Китае исследователи обращают внимание на возникающие трудности совмещения идеологии социализма с реальной жизнью в условиях рыночной экономики. Н.А. Абрамовой изучена диалектика взаимодействия национальных традиций и рыночных факторов в развитии КНР. Был сделан вывод о противоречивости этого процесса. Рыночные механизмы способствуют усилению одних и ослаблению других традиций, но в целом они укрепляют институты рыночной экономики с помощью морально-этических ценностей и принципов традиционной культуры [1].

Г.А. Кубышиной было установлено, что умелое органичное сочетание традиций с современными экономическими идеями отражается в теории социализма с китайской спецификой, а также политическом лозунге о превращении Китая в передовое процветающее государство [36].

Феноменальный экономический взлёт КНР привлёк внимание к этой теме учёных из различных наук. Обусловленность политических процессов в КНР тенденциями развития экономики вызывает интерес к своеобразию модели китайского современного менеджмента. Развиваются исследования китайских традиций предпринимательства и управления. Исследуются разнообразные теории традиционной системы управления обществом [41, с. 100-112]. Некоторыми востоковедами, наоборот, отмечался в качестве фактора экономических успехов отказ от «тысячелетней конфуцианской традиции пренебрежения коммерцией как низкой сферой человеческой деятельности» [7, с.5].

По нашему мнению, опора на китайские цивилизационные ценности способствовала не только экономическому прогрессу, но и определённым социально-политическим последствиям, для регуляции которых элита КНР вынуждена обращаться к традиционным способам и средствам управления обществом. Связь экономики и традиций КНР проявляется в следующем:

– аспекты научно-технического прогресса тесно соотношены с традиционной функцией эконо-

мического развития, связанного в китайской культуре с институтом государства;

– апелляция к моральным качествам китайской системы менеджмента нашла проявление в повышенных требованиях к уровню профессионализма управленческих кадров.

Влияние традиций на механизм функционирования политической системы КНР выражено в следующих формах. Во-первых, поведенческие нормы, содержащиеся в национальных традициях, обеспечивают закрытый тип политического поведения субъектов властных отношений в КНР. Во-вторых, конфуцианские традиции оказывают ценностно-нормативное воздействие на политическую систему государства в виде политических, моральных и правовых норм и ценностей современного китайского общества. Прежде всего, в политической жизни КНР оказывают влияние на власть и общество такие ценности как «сильное государство», «политический порядок», «политическая стабильность», «патриотизм», «народное единство» и некоторые другие.

В коллективном труде «Основные направления и проблемы российского китаеведения» под ред. Н.Л. Мамаевой представлены различные направления в отечественной синологической науке. Оценки, данные отечественными учёными различным аспектам современных китайских реформ, представлены в разделе «Отечественное китаеведение о проблемах модернизации и моделях развития Китая». В разделе представлены также точки зрения на участие китайских политических традиций в современных модернизационных процессах КНР [21, с. 291-310].

В 2015 г. было опубликовано труд под редакцией Н.Л. Мамаевой и И.Н. Сотниковой, подготовленный Центром новейшей истории Китая Института Дальнего Востока РАН, посвящённый проблемам историографии КНР. В сборнике представлено малоизученная в историографии Китая проблема влияния традиций на повседневную жизнь китайского народа [17, с. 221-259].

Таким образом, многими учёными было установлено, что модернизация КНР проходит с опорой на ценности традиционной культуры, что нашло проявление в следующем:

– разработка планов и проектов современных реформ, заявленных в официальных политических документах КНР;

– построение «социалистической духовной цивилизации», которая развивается на базе национальных традиций;

– в контексте реализации курса реформ происходит адаптация заимствованных политических институтов и принципов к специфике национальной духовной культуры, выраженной в лозунге «использовать древность на благо современности».

Таким образом, проблема влияния национальных традиций на современные процессы политического развития КНР нашла широкое освещение в отечественном китаеведении. Исследования в рамках данной проблематики проходили и продолжают проходить по следующим направлениям:

– определение специфики и анализ традиций китайской государственности в современной культуре КНР;

– выявление конфуцианских традиций китайской государственности в контексте духовной составляющей социализма с китайской спецификой;

– изучение влияния национальных традиций на конкретные сферы, предметные области и направления современной китайской политики: культурная политика, экономика, национальные отношения, государственное управление, право и некоторые другие;

– анализ проблемы приспособляемости конфуцианских традиций к реалиям общественно-политической и экономической жизни КНР;

– идентификация политических традиций в КНР в рамках теоретико-методологических классификаций в отечественной синологии;

– исследование традиционных политических подходов к государственному управлению современными социально-экономическими и политическими процессами в КНР.

Традиция продолжает занимать важное место в современном политическом процессе КНР, когда стабильность политической системы рассматривается в качестве главного условия утверждения политического порядка в обществе. Традиционный компонент выступает в качестве фактора политического развития и зафиксирован в устойчивых национальных этических и социально-политических идеях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова Н.А. Конфуцианство в духовной культуре Китая. Традиции и современность (социально-философский аспект): автореф. дисс. ... канд. филос. н. Чита, 1999.

2. Абрамова Н.А., Морозова В.С. Некоторые категории традиционной китайской культуры в современных интерпретациях: ценностный аспект // Вестник Читинского государственного университета. 2007. № 2. С. 114-120.

3. Абрамова Н.А. Политическая культура Китая: традиции и современность: автореф. дисс. ... д-ра филос. н. Чита, 2002.

4. Абрамов В.А., Абрамова, Н.А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития. М.: Восточная книга, 2014.

5. Бергер Я.М. Модернизация и традиция в современном Китае // Полис. 1995. № 5. С. 60-77.

6. Бергер Я.М. Перспективы политической реформы в современном Китае // Отечественные записки. 2008. № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2008/3/perspektivy-politicheskoy-reformy-v-sovremennom-kitae>

7. Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. М.: ИД «Форум», 2009.

8. Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Модель равноположенного развития: варианты «сберегающего» обновления // Полис. 1999. № 4. С. 60-69.

9. Бородич В.Ф. Проблемы трансформации политических систем России и Китая. М.: Наука, 2008.

10. Бородич В.Ф. Идеино-теоретическая платформа нового руководства КПК / История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. Т. 9: Реформы и модернизация (1976-2009) / отв. ред. А.В. Виноградов. М., 2016.

11. Бояркина А.В. Идеи конфуцианства в государственной идеологии КНР // Россия и АТР. 2011. № 4. С. 126-134.

12. Булдакова В.Г. Национальная политика КНР в отношении малочисленных народов // Россия и АТР. 2011. № 4. С. 77-81.

13. Буров В.Г. В Китае возрождается культ Конфуция или о духовной составляющей социализма с китайской спецификой // Азия и Африка сегодня. 2011. № 4. С. 8-14.

14. Васильев Л.С. Конфуцианские традиции и современный Дальний Восток // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 107-171.

15. Васильев Л.С. Некоторые особенности системы мышления, поведения и психологии в традиционном Китае // Китай: традиции и современность. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1976. С. 52-82.

16. Верченко А.Л. Советская/российская историография о влиянии традиций на повседневную жизнь китайского народа / Отечественная историография КНР. Некоторые направления / под ред. Н.Л. Мамаевой и И.Н. Сотниковой. М., 2015. С. 221-258.

17. Виноградов А.В. Дискуссия о марксизме // История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. Т. 9. Реформы и модернизация

(1976-2009) / отв. ред. А.В. Виноградов. М., Наука, 2016.

18. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М., 2005.

19. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации: социально-политические и социокультурные аспекты: автореф. дисс. ... д-ра полит. н. М., 2006.

20. Виноградов А.В. Отечественное китаеведение о проблемах модернизации и моделях развития Китая / Основные направления и проблемы российского китаеведения / отв. ред. Н.Л. Мамаева. М.: Памятники исторической мысли, 2014. С. 291-317.

21. Галенович Ю.М. Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. М., 2006.

22. Гельбрас В.Г. Китай после Дэн Сяопина: проблемы устойчивого развития // Полис. 1995. №1. С. 28-38.

23. Герман Р.Э. Историческая политика Китая: сюжеты, векторы, инструменты // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы IV международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ - Харбин, 14-19 мая 2014 г.). Вып. 4. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. С. 256-259.

24. Гудошников Л.М., Трошинский П.В. Современное право Китайской Народной Республики (Обзор законодательства 1978-2010 гг.). Ч. 1. М., 2012.

25. Китай – традиции и современность / отв. ред. Л.П. Делюсин. М., 1976.

26. Денисов И.Е. Об основах сициньпинизма. Идеологический портрет «пятого поколения» руководителей КНР // Тетради по консерватизму. 2015. № 5. С. 112-119.

27. Дронов А. О влиянии традиций на формы внутривластной борьбы в КНР // Политические традиции в КНР. Информационный бюллетень Института Дальнего Востока АН СССР. 1980. № 20. С. 94-100.

28. Духовная культура Китая. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М., 2009.

29. Китай после «культурной революции»: (политическая система, внутривластное положение) / Л.М. Гудошников, Б.П. Барахта, В.Г. Карымов, Р.М. Неронов. М.: Мысль, 1979.

30. Кожин П.М. Проблемы изучения традиций КНР // Информационный бюллетень Института Дальнего Востока. 1982. № 32. С. 164-172.

31. Кондрашова Л.И. Китайская мечта о национальном возрождении. М., Институт экономики, 2014.

32. Конфуцианское четверокнижие. Пер. с кит. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова. М.: Восточная литература, 2004.

33. Конфуций. Лунь Юй. Пер. с кит. Л.С. Переломова. М.: Восточная литература, 2000.

34. Корсун В.А. Модернизация с «китайской спецификой»: опыт трансформации китайского социума в XIX-XX вв. // Глобализация и поиски национальной идентичности в странах Востока / отв. ред. Л.М. Ефимова, Л.Б. Алаев. М.: МГИМО. 1999. С. 200-216.

35. Кремнев Е.В. Управление формированием культуры госаппарата КНР на современном этапе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 16. №2. С. 142-144.

36. Кубышина Г.А. Роль политических институтов России и Китая в организации и проведении современных реформ (сравнительный анализ): автореф. дисс. ... д-ра полит. н. М., 2008.

37. Ли Гоу. План обогащения государства // Лапина З.Г. Учение об управлении государством в средневековом Китае. М., 1985.

38. Ломанов А.В. «Китайская мечта» как идеологический символ руководства Си Цзиньпина // Китайская Народная Республика. Политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. М.: ИД «Форум», 2014. С. 40-57.

39. Ломанов А.В. Модернизация и традиция // Современные проблемы развития. Материалы теоретического семинара. Вып. II. Т. 1. М., 2016. С. 125-127.

40. Ломанов А.В. Си Цзиньпин об истории и традициях в современной политике Китая // 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва: новое руководство и стратегия реформ. Вып. 29. М., 2014. С. 244-257.

41. Малявин В.В. Китай управляемый. Старый добрый менеджмент. М., 2007.

42. Морозова В.С. Ценностно-идеологический фактор в условиях социальных преобразований КНР // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 11. № 32. С. 147-151.

43. Никольский А.В. КНР. Краткий исторический очерк (1949-1979). М.: Издательство политической литературы, 1980.

44. Островский А.В. Проявление традиционных особенностей при формировании социального слоя ганьбу // Политические традиции в КНР. Информационный бюллетень Института Дальнего Востока АН СССР. 1980. № 20. С. 81-94.

45. Переломов Л.С. История и политика в КНР // Политические традиции в КНР. Информа-

ционный бюллетень Института Дальнего Востока АН СССР. 1980. № 20. С. 33-57.

46. Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая (VI в. до н.э. – 80-е годы XX в.). М.: Наука, 1981.

47. Переломов Л.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М.: Издательство ЛКИ, 2007.

48. Пивоваров С.Э., Максимцев И.Л. Сравнительный менеджмент. СПб.: 2008.

49. Политические традиции в КНР. Информационный бюллетень Института Дальнего Востока АН СССР. 1980. № 20.

50. Прушенова Е.Ц., Чойропов Ц.Ц. Конфуцианство и проблема культурного взаимодействия стран Восточной и Юго-Восточной Азии // Трансформация общества и партийно-политической системы России и Китая в XXI в. Сравнительный анализ / под ред. Н.Г. Скворцова, Юй Кэпина. СПб.: Астерион, 2007. С. 190-197.

51. Салтыков Г. Социально-психологические традиции национализма в Китае // Политические традиции в КНР. Информационный бюллетень Института Дальнего Востока АН СССР. 1980. № 20. С. 143-155.

52. Смирнов Д.А. Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005.

53. Сысоев Л.И. Социально-политическая система КНР. Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2008.

54. Тертицкий К.М. Китайцы: традиционные ценности в современном мире. М., 1994.

55. Трошинский П.В. Право и традиция современного Китая // Материалы Всероссийской научной конференции Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией. Вып. 3. Исторические события в жизни Китая и современность. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 50-63.

56. Шарко С.В. Культурно-идеологический аспект в современной политике Китая // Ориентиры. 2010. № 6. С. 146-158.

REFERENCES

1. Abramova, N.A., 1999. Konfutsianstvo v dukhovnoy kulture Kitaya. Traditsii i sovremennost (sotsialno-filosofskiy aspekt) [Confucianism in the spiritual culture of China. Traditions and modernity (socio-philosophical aspect)]: avtoreferat dissertatsii kandidata filosofskikh nauk. Chita. (in Russ.)

2. Abramova, N.A. and Morozova, V.S., 2007. Nekotorye kategorii traditsionnoy kitayskoy kultury v sovremennykh interpretatsiyakh: tsennostnyy aspekt [Some categories of traditional Chinese culture in

modern interpretations: the value aspect], Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 2, pp. 114-120. (in Russ.)

3. Abramova, N.A., 2002. Politicheskaya kultura Kitaya: traditsyi i sovremennost [Political culture of China: traditions and modernity]: avtoreferat dissertatsii doktora filosofskikh nauk. Chita. (in Russ.)

4. Abramov, V.A. and Abramova, N.A., 2014. Tsennostnyy potentsial kitaiskogo «mogushchestvennogo kulturnogo gosudarstva» v proektsiyakh globalnogo razvitiya [The value potential of the Chinese «powerful cultural state» in the projections of global development]. Moskva: Vostochnaya kniga. (in Russ.)

5. Berger, Ya.M., 1995. Modernizatsiya i traditsiya v sovremennom Kitae [Modernization and tradition in modern China]. In: Polis, Moskva, №5, pp. 60-77. (in Russ.)

6. Berger, Ya. M., 2008. Perspektivy politicheskoy reformy v sovremennom Kitae [Perspectives of political reform in modern China], Otechestvennye zapiski, no. 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/2008/3/perspektivy-politicheskoy-reformy-v-sovremennom-kitae> (in Russ.)

7. Berger, Ya.M., 2009. Ekonomicheskaya strategiya Kitaya [China's economic strategy]. Moskva: ID «Forum». (in Russ.)

8. Bogaturov, A.D. and Vinogradov, A.V., 1999. Model' ravnopolozhennogo razvitiya: varianty «sberegayushchego» obnoveniya [The model of equal development: options of a «saving» update], Polis, no. 4, pp. 60-69. (in Russ.)

9. Borodich, V.F., 2008. Problemy transformatsii politicheskikh sistem Rossii i Kitaya [The problems of transformation of the political systems of Russia and China]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

10. Borodich, V.F., 2016. Ideino-teoreticheskaya platforma novogo rukovodstva KPK [Ideological and theoretical platform of the new leadership of the CPC]. In: Vinogradov, A.V. ed., 2016. Istoriya Kitaya s drevneishikh vremen do nachala XXI veka: v 10 t. IX. Reformy i modernizatsiya (1976-2009). Moskva. (in Russ.)

11. Boyarkina, A.V., 2011. Idei konfutsianstva v gosudarstvennoy ideologii KNR [Ideas of Confucianism in the state ideology of the PRC], Rossiya i ATR, no. 4, pp. 126-134. (in Russ.)

12. Buldakova, V.G., 2011. Natsionalnaya politika KNR v otnoshenii malochislennykh narodov [National policy of the PRC in relation to small nations], Rossiya i ATR, no. 4, pp. 77-81. (in Russ.)

13. Burov, V.G., 2011. V Kitae vozrozhdaetsya kult Konfutsiya ili o dukhovnoy sostavlyayushchei sotsializma s kitayskoy spetsifikoy [The cult of

Confucius is reborn in China, or on the spiritual component of socialism with Chinese specifics], Aziya i Afrika segodnya, no. 4, pp. 8-14. (in Russ.)

14. Vasilev, L.S., 1994. Konfutsianskie traditsii i sovremennyy Dalniy Vostok [Confucian traditions and the modern Far East], Obshchestvennye nauki i sovremennost, no. 6, pp. 107-171. (in Russ.)

15. Vasilev, L.S., 1976. Nekotorye osobennosti sistemy myshleniya, povedeniya i psikhologii v traditsionnom Kitae [Some features of the system of thinking, behavior and psychology in traditional China]. In: Kitay: traditsii i sovremennost. Moskva: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, pp. 52-82. (in Russ.)

16. Verchenko, A.L., 2015. Sovetskaya/rossiiskaya istoriografiya o vliyaniy traditsiy na povsednevnyuyu zhizn kitaiskogo naroda [Soviet / Russian historiography on the influence of traditions on the daily life of the Chinese people]. In: Mamaeva, N.L. and Sotnikova, I.N. eds., 2015. Otechestvennaya istoriografiya KNR. Nekotorye napravleniya. Moskva: Nauka, Vostochnaya literatura, pp. 221-258. (in Russ.)

17. Vinogradov, A.V., 2016. Diskussiya o marksizme [Discussion about Marxism]. In: Vinogradov, A.V. ed., 2016. Istoriya Kitaya s drevneishikh vremen do nachala XXI veka: v 10 t. IX. Reformy i modernizatsiya (1976-2009). Moskva: Nauka. (in Russ.)

18. Vinogradov, A.V., 2005. Kitaiskaya model modernizatsii. Poiski novoi identichnosti [The Chinese model of modernization. The search for a new identity]. Moskva. (in Russ.)

19. Vinogradov, A.V., 2006. Kitaiskaya model modernizatsii: sotsialno-politicheskie i sotsiokulturnye aspekty [Chinese model of modernization: socio-political and socio-cultural aspects], avtoreferat dissertatsii doktora politicheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)

20. Vinogradov, A.V., 2014. Otechestvennoe kitaevedenie o problemakh modernizatsii i modelyakh razvitiya Kitaya [Russian sinology on the problems of modernization and models of development of China]. In: Mamaeva, N.L. ed., 2014. Osnovnye napravleniya i problemy rossiiskogo kitaevedeniya. Moskva: Pamyatniki istoricheskoi mysli, pp. 291-317. (in Russ.)

21. Galenovich, Yu.M., 2006. Deviz Hu Jintao: sotsialnaya garmoniya v Kitae [Hu Jintao's motto: social harmony in China]. Moskva. (in Russ.)

22. Gelbras, V.G., 1995. Kitay posle Den Syaopina: problemy ustoichivogo razvitiya [China after Deng Xiaoping: the problems of sustainable development], Polis, no. 1, pp. 28-38. (in Russ.)

23. German, R.E., 2014. Istoricheskaya politika Kitaya: syuzhety, vektory, instrumenty [China's historical policy: plots, vectors, tools]. In: Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy IV mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Blagoveshchensk – Heihe - Haerbin, 14-19 maya 2014 g.). Vyp. 4. Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU, pp. 256-259. (in Russ.)

24. Gudoshnikov, L.M. and Troshchinskiy, P.V., 2012. Sovremennoe pravo Kitayskoy Narodnoy Respubliki (obzor zakonodatelstva 1978-2010 gg.) [The modern law of the People's Republic of China (review of legislation, 1978-2010)]. Ch. 1. Moskva. (in Russ.)

25. Delyusin, L.P. ed., 1976. Kitay – traditsii i sovremennost [China – traditions and modernity]. Moskva. (in Russ.)

26. Denisov, I.E., 2015. Ob osnovakh sitszinpinizma. Ideologicheskii portret «pyatogo pokoleniya» rukovoditelei KNR [On the foundations of sijnpinism. Ideological portrait of the «fifth generation» of the leaders of the PRC], Tetradi po konservatizmu, no. 5, pp. 112-119. (in Russ.)

27. Dronov, A., 1980. O vliyaniy traditsiy na formy vnutripoliticheskoy borby v KNR [On the influence of traditions on the forms of internal political struggle in China]. In: Politicheskie traditsii v KNR. Informatsionniy byulleten Instituta Dalnego Vostoka AN SSSR, no. 20, pp. 94-100. (in Russ.)

28. Dukhovnaya kultura Kitaya. T. 4. Istoricheskaya mysl. Politicheskaya i pravovaya kultura [Spiritual culture of China. Vol. 4. Historical thought. Political and legal culture]. Moskva, 2009. (in Russ.)

29. Gudoshnikov, L.M., Barakhta, B.P., Karymov, V.G., Neronov, R.M. eds., 1979. Kitay posle «Kulturnoy revolyutsii»: (politicheskaya sistema, vnutri-politicheskoe polozhenie) [China after the «cultural revolution»: political system, internal political situation]. Moskva: Mysl. (in Russ.)

30. Kozhin, P.M., 1982. Problemy izucheniya traditsii KNR [Problems of studying the traditions of the PRC]. In: Informatsionniy byulleten Instituta Dalnego Vostoka AN SSSR, no. 32, pp. 164-172. (in Russ.)

31. Kondrashova, L.I., 2014. Kitaiskaya mechta o natsionalnom vozrozhdenii [Chinese dream of national revival]. Moskva: Institut ekonomiki. (in Russ.)

32. Konfutsianskoe chetveroknizhie [Confucian foursquare]. Moskva: Vostochnaya literatura, 2004. (in Russ.)

33. Confucius, 2000. Lun Yu [Lun Yu]. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)

34. Korsun, V.A., 1999. Modernizatsiya s «kitayskoy specifikoy»: opyt transformatsii kitayskogo sotsiuma XIX-XX vv. [Modernization with «Chinese specifics»: the experience of transformation of the Chinese society in XIX-XX centuries]. In: Efimova, L.M. and Alaev, L.B. eds., 1999. Globalizatsiya i poiski natsionalnoy identichnosti v stranakh Vostoka. Moskva: MGIMO, pp. 200-216. (in Russ.)
35. Kremnev, E.V., 2007. Upravlenie formirovaniem kultury gosapparata KNR na sovremennom etape [Management of the formation of culture of the state apparatus of the PRC at the present stage]. Izvestiya rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena, Vol. 16, no. 2, pp. 142-144. (in Russ.)
36. Kubyshina, G.A., 2008. Rol' politicheskikh institutov Rossii i Kitaya v organizatsii i provedenii sovremennykh reform (sravnitelnyy analiz) [The role of political institutions in Russia and China in the organization and implementation of modern reforms (comparative analysis)]: avtoreferat dissertatsii doktora politicheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)
37. Li Gou, 1985. Plan obogashcheniya gosudarstva [Plan for enriching the state]. In: Lapina, Z.G., 1985. Uchenie ob upravlenii gosudarstvom v srednevekovom Kitae. Moskva: Nauka. (in Russ.)
38. Lomanov, A.V., 2014. «Kitayskaya mechta» kak ideologicheskii simvol rukovodstva Si Tszinpinga [«Chinese dream» as an ideological symbol of the leadership of Xi Jinping]. In: Kitayskaya narodnaya respublika. Politika, ekonomika, kultura. K 65-letiyu KNR. Moskva: ID «Forum», pp. 40-57. (in Russ.)
39. Lomanov, A.V., 2016. Modernizatsiya i traditsiya [Modernization and tradition]. In: Sovremennyye problemy razvitiya. Materialy teoreticheskogo seminar. Vyp. II. T. 1. Moskva, pp. 125-127. (in Russ.)
40. Lomanov, A.V., 2014. Si Tszinpin ob istorii i traditsiyakh v sovremennoy politike Kitaya [Xi Jinping on the history and traditions in China's modern politics]. In: 3-iy plenum TSK KPK 18-go sozyva: novoe rukovodstvo i strategiya reform. Vyp. 29. Moskva, pp. 244-257. (in Russ.)
41. Malyavin, V.V., 2007. Kitay upravlyaemy. Stariy dobryy menedzhment [China the manageable. Good old management]. Moskva: «Evropa». (in Russ.)
42. Morozova, V.S., 2007. Tsennostno-ideologicheskii faktor v usloviyakh sotsialnykh preobrazovaniy KNR [Value-ideological factor in the conditions of social transformations of the PRC]. Izvestiya rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena, Vol. 11, no. 32, pp. 147-151. (in Russ.)
43. Nikolskiy, A.V., 1980. KNR. Kratkiy istoricheskiy ocherk (1949-1979) [PRC. A brief historical sketch (1949-1979)]. Moskva: Izdatelstvo politicheskoy literatury. (in Russ.)
44. Ostrovskiy, A.V., 1980. Proyavlenie traditsionnykh osobennostey pri formirovanii sotsialnogo sloya ganbu [The manifestation of traditional features in the formation of the social layer of the hanbu]. In: Politicheskie traditsii v KNR. Informatsionnyy byulleten Instituta Dalnego Vostoka AN SSSR, no. 20, pp. 81-94. (in Russ.)
45. Perelomov, L.S., 1980. Istoriya i politika v KNR [History and politics in the PRC]. In: Politicheskie traditsii v KNR. Informatsionnyy byulleten Instituta Dalnego Vostoka AN SSSR, no. 20, pp. 33-57. (in Russ.)
46. Perelomov, L.S., 1981. Konfutsianstvo i legizm v politicheskoy istorii Kitaya (6 v. do n.e. – 80-e gody XX veka) [Confucianism and legism in the political history of China (6th century BC – 1980s)]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
47. Perelomov, L.S., 2007. Konfutsianstvo i sovremennyy strategicheskii kurs KNR [Confucianism and the modern strategic course of the PRC]. Moskva: Izdatelstvo LKI. (in Russ.)
48. Pivovarov, S.E. and Maksimtsev, I.L., 2008. Sravnitelnyy menedzhment [Comparative management]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
49. Politicheskie traditsii v KNR. Informatsionnyy byulleten Instituta Dalnego Vostoka AN SSSR [Political traditions in the PRC. Information bulletin of the Institute of the Far East of the USSR Academy of Sciences], no. 20. (in Russ.)
50. Prushenova, E.Ts., Choiropov, Ts.Ts., 2007. Konfutsianstvo i problema kulturnogo vzaimodeistviya stran vostochnoy i yugo-vostochnoy Azii [Confucianism and the problem of cultural interaction between the countries of East and South-East Asia]. In: Skvortsov, N.G. and Yu Keping eds., 2007. Transformatsiya obshchestva i partiynopoliticheskoy sistemy Rossii i Kitaya v XXI v. Sravnitelnyy analiz. Sankt-Peterburg: «Asterion», pp. 190-197. (in Russ.)
51. Saltykov, G., 1980. Sotsialno-psikhologicheskie traditsii natsionalizma v Kitae [Socio-psychological traditions of nationalism in China]. In: Politicheskie traditsii v KNR. Informatsionnyy byulleten Instituta Dalnego Vostoka AN SSSR, no. 20, pp. 143-155. (in Russ.)
52. Smirnov, D.A., 2005. Ideino-politicheskie aspekty modernizatsyi KNR: ot Mao Tzeduna k Den Syaopinu [Ideological and political aspects of the modernization of the PRC: from Mao Zedong to Deng Xiaoping]. Moskva: Institut Dalnego Vostoka RAN. (in Russ.)
53. Syskovets, L.I., 2008. Sotsialno-politicheskaya sistema KNR [The socio-political system of China]. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo Politehnicheskogo universiteta. (in Russ.)
54. Tertitskiy, K.M., 1994. Kitaity: traditsionnye tsennosti v sovremennom mire [The Chinese: traditional values in the modern world]. Moskva. (in Russ.)
55. Troshchinskiy, P.V., 2013. Pravo i traditsiya sovremennogo Kitaya [Law and tradition of modern China]. In: Materialy vserossiiskoy nauchnoy konferentsii Tsentra izucheniya noveishey istorii Kitaya i ego otnosheniy s Rossiei. Vyp. 3. Istoricheskie sobytiya v zhizni Kitaya i sovremennost. Moskva: IDV RAN, pp. 50-63. (in Russ.)
56. Sharko, S.V., 2010. Kulturno-ideologicheskii aspekt v sovremennoy politike Kitaya [Cultural-ideological aspect in modern politics of China]. Orientiry, no. 6, pp. 146-158. (in Russ.)



УДК 322
DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-2/26-32

Д.И. Петровский, Ю.А. Хатченков*

ПОЛИТИКА КИТАЙСКОГО РУКОВОДСТВА В РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЕ И ОТНОШЕНИЯ С ВАТИКАНОМ

На протяжении последних десятилетий в Китае наблюдается рост религиозности в обществе. Однако на фоне увеличения численности верующих, в том числе христианских конфессий, среди населения КНР фиксируется постепенное ужесточение политики властей в религиозной сфере. В статье анализируются реализуемые властями КНР масштабные мероприятия, направленные на усиление контроля над духовной сферой и ограничение влияния зарубежных церквей на население. Тем не менее, авторы констатируют, что, несмотря на сложную ситуацию в религиозной сфере в КНР, в последнее время фиксируют некоторые признаки потепления отношений между Пекином и Ватиканом.

Ключевые слова: Китай, религия, религиозная политика, Коммунистическая партия Китая, свобода вероисповедания, Ватикан

Religious sphere and relations with the Vatican in the politics of Chinese leadership.
DMITRY I. PETROVSKY (Moscow Patriarchate), YURY A. KHATCHENKOV (Civil Defence Academy, EMERCOM of Russia)

Over the past decades, there has been an increase in religiosity in Chinese society. However, against the background of an increase in the number of believers, including Christians, one can observe a gradual tightening of the PRC authorities' policy in the religious sphere. The article analyzes the large-scale measures implemented by the Chinese authorities aimed at strengthening control over the spiritual sphere and limiting the influence of foreign churches on the population. Nevertheless, the authors state that, despite the difficult situation in the religious sphere in China, western analysts have recently noted signs of a warming trend in the relations between Beijing and the Vatican.

Keywords: China, religion, religious policy, Communist Party of China, freedom of conscience, the Vatican

Как отмечают зарубежные эксперты, на фоне увеличения численности верующего населения в КНР, в том числе принадлежащим к христианским конфессиям, фиксируется постепенное ужесточение политики властей в религиозной сфере.

По сведениям из американских источников, общее число христиан в Китае за последние 30 лет

возросло более чем в 10 раз и составило в 2010 г. 67 млн чел. (приблизительно 5% населения), из которых к протестантам относятся примерно 58 млн чел., к католикам – 9 млн чел. К настоящему моменту количество католиков и протестантов в КНР достигло 100 млн чел. [2] Ожидается, что число принадлежащих к указанным конфессиям

верующих в КНР увеличится до 160 млн. чел. к 2025 г. и до 247 млн. чел. — к 2032 г. Таким образом, Китай может стать страной с наиболее многочисленным христианским населением в мире [1].

Специалисты католического исследовательского центра в Гонконге (The Holy Spirit Study Centre in Hong Kong) обращают внимание на тот факт, что в материалах прошедших в марте 2015 г. 3-й сессии Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК) и 3-й сессии постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) 12-го созывов был сделан акцент на проблеме «адаптации различных религиозных конфессий к социалистическим нормам в увязке с обеспечением национального единства и гармонии» и укрепления органов контроля за религиозной деятельностью [10].

Так, член ПК Политбюро центрального комитета компартии Китая (КПК), Председатель ВК НПКСК Юй Чжэншэн в беседе с депутатами парламента и членами ВК НПКСК подчеркивал необходимость более интенсивной работы по стимулированию духовенства и верующих граждан к сотрудничеству с КПК в управлении государством, а также расширения их «позитивного вклада в социально-экономическое развитие страны» [24].

Наиболее значимым в данном контексте является, по мнению экспертов, содержание выступления Председателя КНР Си Цзиньпина на совещании по работе единого фронта ЦК КПК в мае 2015 г. Китайский лидер, в частности, акцентировал внимание собравшихся на том, что религии в стране «должны быть китайскими и свободными от иностранного влияния». Одновременно Си Цзиньпин пообещал в полной мере следовать ст. 36 Конституции КНР, в соответствии с которой гражданам гарантированы отсутствие дискриминации по религиозному признаку, свобода вероисповедания и защита нормальной религиозной деятельности [22].

Позднее, в конце мая 2015 г., сотрудникам партаппарата КНР было направлено письмо Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины, в котором выражалась обеспокоенность властей по поводу увеличения числа верующих в партийных рядах. В документе, в частности, подчеркивалось, что «члены КПК не могут участвовать в религиозной деятельности, так как находятся в авангарде борцов за коммунизм». Подобную озабоченность властей страны некоторые эксперты связывают с тем, что в результате снижения авторитета КПК в обществе на фоне

масштабных коррупционных скандалов многие рядовые члены партии разочаровались в идеалах социализма и увлеклись религиозными учениями [19]. При этом, согласно некоторым оценкам, существует вероятность того, что в конечном счете большинство граждан КНР предпочтет христианство прочим конфессиям, в том числе традиционным китайским религиозно-философским учениям [1].

На этом фоне обращают на себя внимание реализуемые властями КНР масштабные мероприятия, направленные на усиление контроля над духовной сферой и ограничение влияния зарубежных церквей на население. В частности, еще в августе 2014 г. в Шанхае под эгидой Государственного управления КНР по делам религий (ГУДР) состоялась конференция на тему «Китаизация христианства». В ходе форума руководитель ГУДР Ван Цзоань заявил о том, что «христианская вера прежде всего должна быть совместима с процессом построения социализма, а создаваемое китайское христианское богословие необходимо адаптировать к национальной культуре и специфике развития страны» [16, р. 75].

Окончательно данные подходы были зафиксированы в докладе председателя КНР Си Цзиньпина в апреле 2016 г. на прошедшем в Пекине Всекитайском совещании по религиозной работе. Си Цзиньпин подчеркнул, что религиозные группы должны поддерживать социалистическую систему и социализм с китайской спецификой, «сочетать религиозные доктрины с китайской культурой, соблюдать китайское законодательство и нормативы, посвятить себя делу реформ и политике открытости, а также социалистической модернизации, чтобы сделать вклад в реализацию китайской мечты о национальном возрождении». Основная задача партии в деле адаптации религий к социалистическому обществу заключается в китаизации, поэтому верующие должны «углубленно выявлять религиозные доктрины и каноны, соответствующие социальной гармонии и прогрессу, благоприятные для строительства здорового и цивилизованного общества, а также интерпретировать религиозные доктрины в соответствии с современным прогрессом в Китае, а также с выдающейся китайской традиционной культурой» [21].

В связи с этим административные органы за прошедшие полтора года существенно активизировали мероприятия по переводу «катакомбных церквей» и их прихожан под контроль официально признанных организаций, включая Китайскую патристическую католическую ассоциацию и Епи-

* ПЕТРОВСКИЙ Дмитрий Иванович, сотрудник Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата.
E-mail: shalong@mail.ru
ХАТЧЕНКОВ Юрий Александрович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Академии гражданской защиты МЧС России.
E-mail: yuri-hatchenkov@yandex.ru
© Петровский Д.И., Хатченков Ю.А., 2017

скопскую конференцию католических епископов Китая, объединенных во Всекитайское собрание католических представителей (National Assembly of Catholic Representatives), Комитет патриотического протестантского движения за три самостоятельности и Китайский христианский совет [1].

Кроме того, на территории страны, главным образом в провинциях Чжэцзян и Хэбэй, продолжается начавшаяся в 2014 г. кампания по сносу незаконных религиозных построек и демонтажу крестов с легально действующих церквей, затронувшая уже более 1200 культовых сооружений и объясняемая властями требованиями «безопасности» и архитектурной эстетики [9]. В целях придания указанной инициативе законного характера власти провинции Чжэцзян в мае 2015 г. обнародовали новые правила, в которых четко регламентируются расположение и размер христианской символики на зданиях всех католических и протестантских храмов [4].

Процессы китаизации христианства, формально стартовавшие в КНР в 2013 г. именно в провинции Чжэцзян, где Си Цзиньпин занимал пост первого секретаря провинциального парткома с 2002 по 2007 гг., в идеологическом плане подкрепляются новыми политическими установками, включающими реализацию так называемых «пяти нововведений» и «пяти преобразований» в религиозной деятельности. «Пять нововведений» подразумевают выстраивание церковной жизни как в соответствии с действующими политическими, законодательными и прочими (партийно-государственными) регулирующими нормами, так и на основе современных научных и культурных достижений; общепринятых взглядов на медицину и лечение; концепций добровольной помощи бедным и нуждающимся; стремления к созданию гармоничной среды [5]. Положения «пяти преобразований» включают в себя внесение «национальных» изменений в архитектурные особенности культовых объектов и «местной специфики» в религиозную проповедь; обеспечение прозрачности финансовой деятельности церквей; проведение «адаптации» религиозных учений к требованиям современности и стандартизации норм управления религиозными организациями в КНР.

Принятие властями подобных мер вызывает острое недовольство и противодействие со стороны китайских верующих, в связи с чем правоохранительные органы существенно расширили контроль над указанной группой населения. Только за 2014 г. по обвинению в нарушении общественно-

го порядка полицией были задержаны примерно 3 тыс. священников и наиболее активных прихожан, из которых 1300 чел. оштрафованы или приговорены судом к различным срокам тюремного заключения [20].

В конце июля 2015 г. принадлежащее к патриотической религиозной организации католическое духовенство г. Вэньчжоу (провинция Чжэцзян) во главе с епископом Винсентом Чжу Вэйфаном (скончался 09.09.2016) распространило открытое письмо, в котором призвало власти остановить «вышедшую из-под контроля кампанию по демонтажу христианских символов», а верующих – «подать голос в защиту своих прав» [8]. По данным гонконгских СМИ, прихожане христианских храмов провинции в качестве протеста против действий местных властей планируют самостоятельно устанавливать выкрашенные в красный цвет кресты [3].

Тем не менее, несмотря на сложную ситуацию в религиозной сфере в КНР и ограничительные меры властей западные аналитики в последнее время фиксируют некоторые признаки потепления отношений между Пекином и Ватиканом. Об этом, по их мнению, свидетельствуют заявление Папы Франциска о готовности в любой момент посетить Китай, отказ понтифика от встречи с Далай-ламой, а также направление им личных посланий Си Цзиньпину в момент пролетов над территорией КНР в августе 2014 г. и январе 2015 г. Что касается китайской стороны, то эксперты обращают особое внимание на сам факт предоставления Пекином воздушного коридора для самолета понтифика, чего ранее не случалось, а также на неоднократные комментарии официального представителя МИД КНР, в которых подчеркивалось стремление Китая развивать конструктивный диалог со Святым престолом [14].

По мнению ряда итальянских аналитиков, в складывающейся ситуации, когда Ватикан и КНР посылают друг другу подобные недвусмысленные сигналы, возникают реальные предпосылки для их сближения. Так, по некоторым данным, в конце 2015 г. официальные представители КНР негласно посетили Ватикан для предварительного обсуждения перспектив нормализации отношений сторон [6]. Европейские СМИ также сообщали о якобы подготовленном соответствующем соглашении и о возможном визите понтифика в Пекин в первой половине 2016 г. При этом государственный секретарь Ватикана кардинал Пьетро Паролин подтвердил лишь факт состоявшихся в октябре 2015 г. двусторонних переговоров и выразил надежду на

продолжение начатого диалога [11]. По сообщениями СМИ, диалог развивается, и в январе 2016 г. делегация Отдела Единого фронта ЦК КПК и Государственного управления по делам религий посетила Ватикан [7]. Затем последовала встреча в Пекине летом 2016 г. Содержание встреч осталось неизвестным для широкой публики.

Примечательно, что кардинал Пьетро Паролин позитивно оценил майское выступление 2015 г. Си Цзиньпина на тему взаимоотношений государства и религии. По его мнению, высказывания китайского лидера не направлены непосредственно против Святого престола и не могут стать препятствием для нормализации двусторонних связей. Подобные заявления руководителей КНР, со слов кардинала Паролина, звучали и ранее, что, однако, не препятствовало налаживанию диалога, поскольку Пекин в целом готов к «совместному поиску решений, которые принесут пользу не только Китаю, но и всему миру» [13]. При этом со стороны Ватикана пока не последовало оценок прошедшего в апреле 2016 г. под председательством Си Цзиньпина Всекитайского совещания по религиозной работе.

Другой близкий к понтифику кардинал Джордж Пелл приветствовал наметившееся, по его мнению, «потепление» отношений с Пекином и заявил о том, что христианство может оказать позитивное влияние на развитие КНР с учетом «восприимчивости части представителей китайского руководства к политическим доктринам, совместимым со здравым смыслом, свободным рынком и научным прогрессом». По его высказыванию, ожидаемое превращение Китая в страну с наиболее многочисленным христианским населением «принесет значительную пользу как последователям веры, так и международному сотрудничеству» [17].

Эксперты отмечают, что на нынешнем этапе Папа Франциск, по сути, продолжает линию своего предшественника Бенедикта XVI, пытавшегося добиться сближения с Пекином. После 2005 г. при активном участии кардинала П. Паролина (в то время – заместителя Секретаря по отношениям с государствами Государственного секретариата, третий по значимости пост в дипломатической службе Ватикана) Ватикан и КНР прорабатывали возможность установления дипотношений, однако сторонам так и не удалось достичь компромиссных договоренностей. Примечательно, что в тот период Пекин отказался от предложенной Святым престолом схемы назначения епископов, в 2010 г. успешно использованной Ватиканом при заключении соглашения с Вьетнамом («вьет-

намская модель»¹, которая сейчас снова обсуждается с КНР [11].

Достижение компромисса по вопросу о выборе кандидатур католических епископов по-прежнему является одним из основных препятствий для нормализации отношений, поскольку Пекин рассматривает «назначения из-за рубежа» как вмешательство в свои внутренние дела. По официальным данным, в настоящее время в КНР существует 97 епархий (по информации западных источников – 138), из которых 59 управляются епископами, признанными Китайской патриотической католической ассоциацией и (частично) Святым престолом, а 42 – «подпольными» епископами, утвержденными только понтификом.

Вторым серьезным раздражителем для Пекина остаются дипломатические отношения между Ватиканом и Тайванем. Однако в случае достижения прогресса в урегулировании проблемы епископской хиротонии в КНР указанный вопрос, по данным некоторых источников, может быть решен в интересах Пекина, о чем Святой престол уже намекал китайской стороне [15]. Впрочем, представители тайваньского дипломатического ведомства опровергают подобные слухи, называя их «не соответствующими действительности». Утверждается, что отношения между островом и Ватиканом остаются прочными, «стороны по-прежнему поддерживают тесные контакты», а представительство Святого престола на Тайване работает в обычном режиме [12].

При этом не все представители руководящих кругов Ватикана одобряют планы понтифика по сближению с КНР. Так, кардинал Фернандо Филони и бывший католический епископ Гонконга, кардинал Иосиф Чэнь Жицзюнь полагают, что папа Франциск оказался заложником геополитической игры Пекина, в которой последний (по ряду причин) больше заинтересован в укреплении связей с Русской Православной Церковью (РПЦ), чем со Святым престолом. В частности, указывается на достигнутую между сторонами и уже реализующуюся договоренность о возобновлении прерванной в 1950-х гг. практики рукоположения РПЦ священников Китайской автономной православной церкви [23].

Впрочем, отмечают некоторые аналитики, как и в диалоге с Москвой, где отношения с РПЦ имеют для Пекина политическое и стратегическое измерения, китайское руководство, выстраивая

¹ В соответствии с «вьетнамской моделью», Ватикан просит местные власти рассмотреть предложенные им кандидатуры будущих епископов и проводит хиротонию только после получения одобрения.

вая отношения со Святым престолом, учитывает и значительный дипломатический потенциал, и влияние Ватикана в мире [11].

С учетом изложенного, окончательная нормализация отношений КНР и Ватикана вряд ли будет быстрой и потребует взаимных уступок. По мнению ряда наблюдателей, существенные изменения в положении католической церкви в КНР произойдут лишь тогда, когда китайский лидер и понтифик «проведут личную встречу, в ходе которой официально признают друг друга». Дипломатия Святого престола в настоящее время уже активно прорабатывает варианты организации такой встречи, рассматривая различные ее форматы, в том числе гипотетически возможный контакт двух руководителей в третьей стране в ходе их зарубежных турне [6]. Однако вызвавшее многие надежды одновременное пребывание Си Цзиньпина и папы Франциска в США в октябре 2015 года для участия в работе 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН так и не привело к встрече.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Albert, E., 2015. Christianity in China. Council on Foreign Relations, May 7. URL: <https://www.cfr.org/background/christianity-china>
2. Brown, A., 2015. China doesn't want to suppress Christianity – just control it. The Guardian, July 30. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/jul/30/china-christianity-removal-crosses-communist-party-churches>
3. China detains Christian pastors for resistance to cross demolitions. Radio Free Asia, 2015, July 29. URL: <http://www.rfa.org/english/news/china/china-crosses-07292015101743.html>
4. Forsythe, M., 2015. Chinese province issues draft regulation on church crosses. New York Times, May 8. URL: <https://www.nytimes.com/2015/05/09/world/asia/china-church-crosses.html>
5. Lam, W., 2016. Xi's obsession with "cultural renaissance" raises fears of another cultural revolution. Jamestown Foundation, February 4. URL: <https://jamestown.org/program/xis-obsession-with-cultural-renaissance-raises-fears-of-another-cultural-revolution/>
6. Marroni, C., 2015. Resistance mounts against Bergoglio and his «China dossier». Il Sole 24 Ore, February 23. URL: <http://www.italy24.ilsole24ore.com/print/ABhWK3xC/0>
7. Pentin, E., 2016. Sino-Vatican relations: will the road to reconciliation endanger China's underground church? National catholic register, March 11. URL: <http://www.ncregister.com/daily-news/sino-vatican-relations-will-the-long-road-to-reconciliation-endanger-chinas>
8. Phillips, T., 2015. China is stripping crosses from Christian churches. Business Insider, July 29. URL: <http://www.businessinsider.com/china-is-stripping-crosses-from-christian-churches-2015-7>
9. Phillips, T., 2015. China's crusade to remove crosses from churches «is for safety concerns». The Guardian, July 29. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/jul/29/china-crusade-remove-crosses-from-churches-safety-concerns>
10. Recent discussions on religious issues in China: public statements. China Bridge, 2015, April. URL: http://www.hsstudyc.org.hk/en/bridge/bridge_1504.html
11. Scimia, E., 2015. Vatican's China outreach roils Hong Kong's pro-democracy Catholics. World Politics Review, July 1. URL: <http://www.worldpoliticsreview.com/articles/16123/vatican-s-china-outreach-roils-hong-kong-s-pro-democracy-catholics>
12. Taiwan says its diplomatic ties with Holy See remain firm. Focus Taiwan News Channel, 2015, September 11. URL: <http://focustaiwan.tw/news/aip/201509110012.aspx>
13. Vaticano – Cina: «Speriamo nel dialogo». Lettera 43, 2015, May 23. URL: <http://www.lettera43.it/it/articoli/politica/2015/05/23/vaticano-cina-speriamo-nel-dialogo/148974/>
14. Volodzko, D. and Sesin, T., 2015. China's two-track approach to Christianity: Vatican vs. Wenzhou. The Jamestown Foundation, May 15. URL: <https://jamestown.org/program/chinas-two-track-approach-to-christianity-vatican-vs-wenzhou/>
15. Volodzko, D., 2015. Will China ever embrace Pope Francis? The Diplomat, April 17. URL: <http://thediplomat.com/2015/04/will-china-ever-embrace-pope-francis/>
16. Wang Zuo'an, 2014. Remarks to the seminar on the Chinization of Christianity in China. Chinese Theological Review, Vol. 26, pp. 64-72.
17. Williams, T., 2015. Vatican Cardinal: China needs a «Constantine» to become a Christian nation. Breitbart News Network, April 17. URL: <http://www.breitbart.com/national-security/2015/04/17/vatican-cardinal-china-needs-a-constantine-to-become-a-christian-nation/>
18. Xi urges solidarity for national rejuvenation. Xinhua News Agency, 2015, May 20. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2015-05/20/c_134255527.htm
19. Xin Lin, 2015. Warning over religious believers in Chinese Communist Party ranks. Radio Free Asia, May 25. URL: <http://www.rfa.org/english/news/china/china-religion-05252015112309.html>
20. Zylstra, S., 2015. After removing 400 crosses, China proposes where churches can put them instead. Christianity Today, May 7. URL: <http://www.christianitytoday.com/news/2015/may/after-removing-400-crosses-china-proposes-zhejiang-wenzhou.html>
21. Афонина Л.А. Пятое поколение руководителей КНР и китайские верующие: конфликт интересов или поиск пути развития? // Политические процессы в условиях смены экономической модели. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 16 и 18 марта 2016 г.). М.: ИДВ РАН, 2016. С. 33-43.
22. Афонина Л.А. Тенденции политики в сфере религий в первые годы правления Си Цзиньпина // Новые аспекты социально-политического развития КНР (Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ. Москва, 18-19 марта 2015 г.). М.: ИДВ РАН, 2015. С. 145-155.
23. Афонина Л.А., Петровский Д.И. Православие в КНР // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. М., 2016. С. 871-874.
24. Юй Чжэншэн: нули жан цюньчжун ганьдао чжэнче ли цзыцзи хэнь цзинь [Юй Чжэншэн: стараться дать почувствовать народу, что НПКСК близко] // Синьхуа. 2015. 3 марта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/politics/2015lh/2015-03/03/c_134033966.htm

REFERENCES

1. Albert, E., 2015. Christianity in China. Council on Foreign Relations, May 7. URL: <https://www.cfr.org/background/christianity-china>
2. Brown, A., 2015. China doesn't want to suppress Christianity – just control it. The Guardian, July 30. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/jul/30/china-christianity-removal-crosses-communist-party-churches>
3. China detains Christian pastors for resistance to cross demolitions. Radio Free Asia, 2015, July 29. URL: <http://www.rfa.org/english/news/china/china-crosses-07292015101743.html>
4. Forsythe, M., 2015. Chinese province issues draft regulation on church crosses. New York Times, May 8. URL: <https://www.nytimes.com/2015/05/09/world/asia/china-church-crosses.html>
5. Lam, W., 2016. Xi's obsession with "cultural renaissance" raises fears of another cultural revolution. Jamestown Foundation, February 4. URL: <https://jamestown.org/program/xis-obsession-with-cultural-renaissance-raises-fears-of-another-cultural-revolution/>
6. Marroni, C., 2015. Resistance mounts against Bergoglio and his «China dossier». Il Sole 24 Ore, February 23. URL: <http://www.italy24.ilsole24ore.com/print/ABhWK3xC/0>
7. Pentin, E., 2016. Sino-Vatican relations: will the road to reconciliation endanger China's underground church? National catholic register, March 11. URL: <http://www.ncregister.com/daily-news/sino-vatican-relations-will-the-long-road-to-reconciliation-endanger-chinas>
8. Phillips, T., 2015. China is stripping crosses from Christian churches. Business Insider, July 29. URL: <http://www.businessinsider.com/china-is-stripping-crosses-from-christian-churches-2015-7>
9. Phillips, T., 2015. China's crusade to remove crosses from churches «is for safety concerns». The Guardian, July 29. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/jul/29/china-crusade-remove-crosses-from-churches-safety-concerns>
10. Recent discussions on religious issues in China: public statements. China Bridge, 2015, April. URL: http://www.hsstudyc.org.hk/en/bridge/bridge_1504.html
11. Scimia, E., 2015. Vatican's China outreach roils Hong Kong's pro-democracy Catholics. World Politics Review, July 1. URL: <http://www.worldpoliticsreview.com/articles/16123/vatican-s-china-outreach-roils-hong-kong-s-pro-democracy-catholics>
12. Taiwan says its diplomatic ties with Holy See remain firm. Focus Taiwan News Channel, 2015, September 11. URL: <http://focustaiwan.tw/news/aip/201509110012.aspx>
13. Vaticano – Cina: «Speriamo nel dialogo». Lettera 43, 2015, May 23. URL: <http://www.lettera43.it/it/articoli/politica/2015/05/23/vaticano-cina-speriamo-nel-dialogo/148974/> (in Italian)
14. Volodzko, D. and Sesin, T., 2015. China's two-track approach to Christianity: Vatican vs. Wenzhou. The Jamestown Foundation, May 15. URL: <https://jamestown.org/program/chinas-two-track-approach-to-christianity-vatican-vs-wenzhou/>
15. Volodzko, D., 2015. Will China ever embrace Pope Francis? The Diplomat, April 17. URL: <http://thediplomat.com/2015/04/will-china-ever-embrace-pope-francis/>
16. Wang Zuo'an, 2014. Remarks to the seminar on the Chinization of Christianity in China. Chinese Theological Review, Vol. 26, pp. 64-72.
17. Williams, T., 2015. Vatican Cardinal: China needs a «Constantine» to become a Christian nation. Breitbart News Network, April 17. URL: <http://www.breitbart.com/national-security/2015/04/17/vatican-cardinal-china-needs-a-constantine-to-become-a-christian-nation/>
18. Xi urges solidarity for national rejuvenation. Xinhua News Agency, 2015, May 20. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2015-05/20/c_134255527.htm

19. Xin Lin, 2015. Warning over religious believers in Chinese Communist Party ranks. Radio Free Asia, May 25. URL: <http://www.rfa.org/english/news/china/china-religion-05252015112309.html>

20. Zylstra, S., 2015. After removing 400 crosses, China proposes where churches can put them instead. Christianity Today, May 7. URL: <http://www.christianitytoday.com/news/2015/may/after-removing-400-crosses-china-proposes-zhejiang-wenzhou.html>

21. Afonina, L.A., 2016. Pyatoe pokolenie rukovoditeley KNR i kitayskie veruyushchie: konflikt interesov ili poisk puti razvitiya? [The fifth generation of leaders of the PRC and Chinese believers: conflict of interests or the search for a path of development?]. In: Politicheskie protsessy v usloviyakh smeny ekonomicheskoy modeli. Materialy ezhegodnoy nauchnoy konferentsii Tsentra politicheskikh issledovaniy i prognozov

IDV RAN (Moskva, 16 i 18 marta 2016 g.). Moskva: IDV RAN, pp. 33-43. (in Russ.)

22. Afonina, L.A., 2015. Tendentsii politiki v sfere religiy v pervye gody pravleniya Si Tszin'pina [Trends in religious policies in the early years of Xi Jinping]. In: Novye aspekty sotsial'no-politicheskogo razvitiya KNR (Materialy ezhegodnoy nauchnoy konferentsii Tsentra politicheskikh issledovaniy i prognozov IDV. Moskva, 18-19 marta 2015 g.). Moskva: IDV RAN, 2015, pp. 145-155. (in Russ.)

23. Afonina, L.A. and Petrovskiy, D.I., 2016. Pravoslavie v KNR [Orthodoxy in the PRC]. In: Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka. Moskva, pp. 871-874. (in Russ.)

24. 俞正声: 努力让群众感到政协离自己很近 [Yu Zhengsheng: trying to let the people feel that the CPPCC is close to them]. 新华社, 2015年3月3日. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2015lh/2015-03/03/c_134033966.htm (in Chinese)



АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

УДК 294.321

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-2/33-42

Д.Д. Амоголонова*

ХАМБО ЛАМА ДАМБА АЮШЕЕВ И ЕГО РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ БУДДИЙСКОМ ВОЗРОЖДЕНИИ БУРЯТИИ**

В статье исследуется деятельность и воззрения Хамбо ламы Дамбы Аюшеева, главы Буддийской Традиционной Сангхи России и ключевой фигуры буддийского возрождения в Бурятии. Одновременно его значимость и влияние выходят за рамки религиозных практик, поскольку он активно и успешно занимается решением проблем республики в области экономики, политики и светской культуры. Важными аспектами его деятельности является сохранение бурятской этнонациональной идентичности посредством возврата к традиционным способам хозяйствования и повышения статуса бурятского языка.

Ключевые слова: Хамбо лама, современный буддизм, Буддийская традиционная Сангха России, буряты, десекуляризация, идентичность, этничность

Hambo Lama Damba Ayusheev and his role in the present-day Buddhist revival of Buryatia. DARIMA D. AMOGOLONOVA (Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences)

The paper deals with the personality of Hambo Lama Ayusheev, the head of the Buddhist Traditional Sangha of Russia and the key figure of the Buddhist revival in Buryatia. The author focuses on his activities and views stating that he made significant changes in the institutional and legal status of Buddhism in Russia and contributed to the organization of religious education in Buryatia. The author argues that his influence over the public sphere goes far beyond the limits of religion. Showing devotion and loyalty to the Russian authorities, Damba Ayusheev receives support and appreciation from them. He tries to preserve and promote Buryat ethnic identity through the return to traditional economy (stockbreeding) and culture (Buryat language).

Keywords: Hambo Lama, modern Buddhism, Buddhist Traditional Sangha of Russia, Buryats, desecularization, ethnic identity

Институт Хамбо лам (тиб. *mkan po bla ma* – старший монах, учитель) был учрежден в Бурятии вскоре после официального признания буддизма в качестве одной из религий подданных Российской империи в 1741 г. По указу Екатерины II в 1764 г.

Дамба-Доржо Заяев был утвержден в должности Главного Пандито¹ Хамбо ламы всех буддистов,

¹ Санскр. *pandita* – ученый, учитель, достигший высших знаний ведийских текстов и санскрита.

* АМОГОЛОНОВА Дарима Дашиевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

E-mail: amog@inbox.ru

© Амоголонова Д.Д., 2017

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 14-18-00444.

обитающих на южной стороне Байкала. Институционализация буддийской религии способствовала тому, чтобы деятельность буддийского духовенства находилась под контролем властей, а Хамбо лама, являясь лицом, ответственным за исполнение предписаний и подчиняющимся непосредственно генерал-губернатору Восточной Сибири², должен был исполнять чиновничьи функции. Принятое в 1853 г. Положение о ламайском духовенстве, регламентировавшее число лам и дацанов, защищало позиции православной церкви, поскольку подразумевало ограничения в распространении буддизма и, как мыслилось, способствовало более успешной христианизации. Запретительный характер Положения подразумевал, что буддийское духовенство лишалось права свободного перемещения и прикреплялось к конкретным дацанам, а ответственность за возможные нарушения возлагалась на Хамбо ламу: «На него возлагается главное заведывание и управление Ламайским духовенством и наблюдение, чтобы настоящий устав исполнялся в точности» (Российский государственный исторический архив, далее – РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Ед. 408-410. §4). С точки зрения государственных интересов было важно не допустить контактов российских буддистов на организационном уровне: вдобавок к значительной удаленности территорий проживания бурят и калмыков, религиозная власть над калмыцкими буддистами, согласно Положению 1847 г., сосредоточивалась в руках Ламы Калмыцкого народа.

Современное раздельное существование буддийских общин среди бурят и калмыков является традицией, унаследованной от имперских времен (протекторат России над Тывой был установлен только в 1914 г.). С 1741 г. по настоящее время общее число бурятских Хамбо лам составляет 24, а нынешний, 24-ый глава буддийской церкви в Бурятии Дамба Аюшеев был избран на этот пост в 1995 г., заняв одновременно должность председателя Центрального духовного управления буддистов (ЦДУБ). В 1997 г. эта организация по инициативе Дамбы Аюшеева была переименована в Буддийскую традиционную Сангху России (БТСР).

Возвращение религии в публичную сферу, начавшееся в годы перестройки в СССР, получило официальное обоснование и одобрение в ряде государственных документов Российской Федерации, в частности – в Законе о свободе совести и о религиозных объединениях, принятом в 1997 г.,

² В 1822-1884 гг. это генерал-губернаторство имело Восточно-Сибирским, а в 1887-1917 гг. – Иркутским.

подтверждающем «право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, а также на равенство перед законом независимо от отношения к религии и убеждений» [13, с. 2].

Развитие той или иной конфессии этнического меньшинства подразумевается на территориях его компактного проживания. Следовательно, восстановление позиций буддийской церкви происходило главным образом на территориях Бурятии, Калмыкии и Тывы. В настоящее время институализированный буддизм представлен в 33 субъектах Российской Федерации, однако в наибольшей степени – в Республике Бурятия (37%) и в Калмыкии (22%) [17, с. 26]. При этом число лиц, идентифицирующих себя с буддийской верой, составляет большинство населения только в Тыве, тогда как в Калмыкии – около половины, а в Бурятии – около трети [17, с. 32]. По данным С.Б. Филатова и Р.Н. Лункина, общее число буддистов в России не превышает 900 тыс. человек [14, с. 36].

В период манифестного национализма, когда этнополитический романтизм охватил все этнические группы России, в том числе и бурят, трудно было предсказать, сумеет ли БТСР сохранить за собой главенствующие позиции в качестве центра институализированного буддизма в России. Можно предположить, что на Дамбу Аюшеева, которому на момент избрания Хамбо ламой было только 32 года, возлагались большие надежды как на человека современно мыслящего, энергичного и хорошо понимавшего задачи буддийского возрождения в условиях посттоталитарного общества, в котором по советской традиции религии отводилось периферийное положение.

Еще до прихода Дамбы Аюшеева к власти, буддийское духовенство предпринимало шаги для укрепления роли своей религиозной организации. Так, в период перестройки, в связи с предсказуемым ростом числа прихожан, началось строительство новых и восстановление некогда существовавших дацанов и дуганов. А поскольку это требовало значительного расширения числа лам-священнослужителей, то в возрождении буддизма в Бурятии важное место занимало решение проблемы религиозного образования. В 1989 г. Дид Хамбо лама (заместитель Хамбо ламы) Эрдэм Цыбикжапов обратился в совет по делам религий при совете министров СССР с просьбой разрешить организовать на базе Иволгинского дацана духовное учебное заведение по подготовке служителей буддийского культа. В письме он написал, в частности, следующее: «По нашим оценкам, в ближайшем будущем в СССР будет действовать

в общей сложности около 20 буддийских центров. Если учесть, что согласно канону в храме должно быть около 20 священнослужителей, то потребность составляет около 200-250 чел.» (Государственный архив Республики Бурятия, далее – ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 256. Л. 1-2).

По этой причине, а также в связи с расширением участия ЦДУБ в международных организациях, Дид Хамбо лама предложил открыть при Иволгинском дацане учебное заведение по типу семинарии с трехлетним сроком обучения. Результаты этих усилий превзошли запланированные: в 1991 г. был открыт Буддийский университет Даши Чойнхорлин им. Дамба Даржа Заяева при Иволгинском дацане, а в 1993 г. – Школа тибетской медицины в Агинском дацане, выросшая в институт, а в дальнейшем (в 2003 г.) – в Агинскую Буддийскую Академию.

Быстрыми темпами увеличивалось число зарегистрированных буддийских общин. Согласно данным совета по делам религии при совете Министров Бурятской ССР (Республики Бурятия), по состоянию на период с 1991 по 1993 гг. в республике было зарегистрировано десять буддийских общин; по состоянию на август 1994 г. – тринадцать. В результате слияния некоторых из них, при регистрации в январе 1995 г. насчитывалось одиннадцать буддийских объединений, относящихся к Традиционной Сангхе России, а также четыре вне Сангхи: два – дзогчены, одно объединение буддистов-мирян, одно – дхарма-центр. Дацанов и дуганов на тот момент было 14 (ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 291. Л. 1), а по данным Федеральной регистрационной службы на июль 2012 г. в Республике Бурятия официально зарегистрировано 46 буддийских организаций, большая часть которых относится к Буддийской традиционной Сангхе России (в список включены дацаны, организации и общины) (Федеральная регистрационная служба 2012, без описи). По данным Минюста Республики Бурятия, в 2014 г. число зарегистрированных буддийских организаций выросло до 63 (данные предоставлены к.соц.н. А.А. Буркиной).

Впечатляющие цифры дают социологические опросы о росте религиозности бурятского населения, особенно в сравнении с данными советского периода. Так, согласно социологическим опросам 1982-87 гг., число верующих упало до менее чем 10%, а среди городского населения еще ниже. То же исследование показало, что среди студенческой молодежи верующих было 0,9%, а среди лиц с высшим образованием не было ни одного верующего или колеблющегося [8, с. 44-47].

Данные социологических опросов, проводившихся в Бурятии в последние годы, свидетельствуют о практически поголовной религиозности бурят и о снижении числа неверующих почти до дореволюционного уровня: например, среди буряток-горожанок суммарное число безоговорочно верующих и сомневающихся, но все же склоняющихся к вере, составляет 96,4% (среди мужчин-бурят – 79,6%) [5, с. 48], при этом подавляющее большинство опрошенных причисляют себя к буддийской конфессии.

Нельзя не отметить, что ситуация с современной стремительно приобретенной религиозностью сходна с советским атеизмом как характеристикой общественного сознания: в обоих случаях выбор обеспечивается идеологическим ландшафтом, определяющим социально-одобряемое поведение. В современных условиях деполитизации этносоциальных практик и общественного сознания (на протяжении 2000-х гг.) религиозные ценности – понимаемые как фундаментальная составляющая национальной культуры – становятся важнейшими маркерами национального пространства, духовно-нравственным и идеологическим основанием для формирования чувства общности по «крови и почве», по национальной памяти и целям. Национальная религия (при всей бесспорности свободы совести) приобрела качества «эмблемы рода, ... а без таких символов социальные чувства могут иметь лишь случайный характер» [19, с. 230].

Духовное лицо, возглавляющее конфессиональную группу, приобретает символическую значимость как персонификация религиозного института и этнокультурного единства. В этом смысле действия и высказывания руководителя Сангхи становятся тождественными религиозному возрождению и всем переменам, происходящим в социокультурной сфере, так или иначе связанной с религией. Поэтому религиозная и светская деятельность Хамбо ламы находится в центре внимания общественности, указывая на изменения в общественном климате и на положение буддийской церкви в республике, а также и на ее значение в российском и мировом масштабе.

Хамбо лама Дамба Аюшеев осознает ответственность, возлагаемую на него высоким саном, и активно занимается работой, которую можно назвать практикой религиозного возрождения и одухотворения светской жизни. Большая часть преобразований в Буддийской традиционной Сангхе России постсоветского периода связывается с его именем: это и новый Устав, и многочисленные дуганы и дацаны по всей территории этнической

Бурятии, и буддийские учебные заведения. Хотя, безусловно, главной причиной нового религиозного расцвета является политика десекуляризации, ставшая, возможно, единственной вполне понятной идеологией общегосударственного масштаба, все же нельзя не признать, что Хамбо лама Аюшеев внес в буддийское возрождение значительный вклад.

Российская десекуляризация характеризуется, в частности, сближением между государством и религиозными институтами, признанием большой роли церкви в оздоровлении общественного климата. Об этом В.В. Путин заявил следующее: «Страна наша, переживая непростые, турбулентные процессы с момента развала Советского Союза, не могла (и страна, и каждый конкретный человек) опираться морально ни на что другое, кроме как на религиозные ценности. <...> люди наши, граждане Российской Федерации, приобрели какую-то моральную, нравственную основу, почву под ногами, что чрезвычайно важно для стабильности общества, для будущего государства и для каждого конкретного человека» [11]. В соответствии с политикой десекуляризации, Хамбо лама Аюшеев получил многочисленные почетные светские должности как руководитель одной из официальных церквей России. Его диалог с руководителями республики и всей страны строится на изъявлении лояльности, что является продолжением традиции взаимоотношений между буддийской церковью и российским государством. На одной из встреч в Кремле Дамба Аюшеев заявил: «Мы думаем, что традиционная буддийская религия всемерно помогает и поддерживает деятельность президента и правительства России» [15, с. 30]. В одном из интервью Хамбо лама объясняет свои верноподданнические чувства так: «Когда меня спрашивают, почему я не иду против нашего главы (имеется в виду В.В. Путин. – прим. авт.), я говорю: “Я не могу идти, потому что он является для меня Белой Тарой, я не могу пойти против своей богини”. Я ему должен помогать. <...> Кто меня кормит-то, кто моим старикам деньги дает – иностранный большой лама или президент страны?» [1, с. 53]. Compliments верховной власти Хамбо лама облекает в буддийскую доктринальную и мифологическую форму, находя закономерности в несвязанных друг с другом вещах. Например, в беседе с В.В. Путиным он заявил: «С буддийской точки зрения случайностей не бывает. Для нас Вы всегда будете в истории. <...> У нее (Богини Тары – прим. авт.) семь глаз, а вы создали нам семь федеральных округов» [15, с. 27]. Лояльность по отношению к официальным

властям приносит Сангхе реальные материальные выгоды. Например, инициированная Хамбо ламой программа возрождения скотоводства в Бурятии получила помощь в 2009 г. от Д.А. Медведева, а в 2013 г. – от главы республики В.В. Наговицына и «значительную поддержку» от В.В. Путина, о чем Хамбо лама доложил съезду (сугунды) БТСР [12].

В то же время современность вносит новые оттенки в социально-политические характеристики религиозного обновления в период деполитизации этничности в манифестных формах. Установленная в период этнической мобилизации обратная связь между населением и национальными элитами, сформулировавшими идеи о необходимости единения бурятского народа и о грозящей ему катастрофе дезинтеграции и гибели, реализуется теперь опосредованно: в настоящее время религия оказалась единственной сферой социальных практик, в которой еще возможно проявление этничности в латентно политизированной форме. Успешное внедрение в общественное сознание идей об интегрирующей роли буддийской религии привело к формулированию тезиса о том, что «Сангха – это единственное, что по-настоящему объединяет бурятский народ» [2, с. 1]. А роль духовенства была сформулирована Хамбо-ламой Аюшеевым так: «Священнослужители стали элитой, заняв место прежних идеологов» [10, с. 142].

Призыв к этнонациональной интеграции на основании общей, буддийской, религиозной принадлежности остался в условиях новых политических реалий в России единственной бурятской идеологией. В этой связи Хамбо лама заявляет о том, что буддийскому духовенству приходится воспитывать бурят, не признающих буддизм, подобно тому, как усмиряют диких лошадей: «Усмирение лошадей – это целая философия. Это столкновение диких необузданных коней с табунщиком. Вот так же и мы бьемся с шаманистами и атеистами» [15, с. 32]. Предбайкальских бурят, упорствующих в своем нежелании принять буддизм, Хамбо лама клеймит следующим образом: «Иркутские буряты – пещерные коммунисты-шаманисты... Стоит, наверное, задуматься иркутским бурятам, которые за шаманом бегают, как в пещерном коммунизме» [1, с. 52].

Примечательно, что почти каждая из тем этнополитического дискурса, сформированного за первое постсоветское десятилетие, в той или иной мере нашла отражение в публичных высказываниях руководителя крупнейшей буддийской общины России. Конечно, сейчас такого рода поучения уже не характеризуются пафосом и накалом периода этнической мобилизации: бу-

рятская этнодифференциация пропагандируется в форме проповеди сохранения самобытности посредством, в частности, возврата к пастбищному скотоводству. Подразумевается, что и горожане могут иметь в сельской местности собственную отару и таким образом «не отрываться от корней» [10, с. 183]. По мысли Хамбо ламы, традиционная жизнедеятельность бурят не имеет альтернативы: «В селе, где в основном и расположены буддийские дацаны, без овечьей отары достойной жизни не будет. Одно только пьянство, драки да воровство. Отказываясь от привычного для нас питания, мы отказываемся не только от традиций – от самой жизни» [15, с. 33].

Организационная и общественная деятельность Хамбо ламы осуществляется на широком поле светских практик, нацеленных на сохранение бурятского народа, восстановление его традиционных ценностей и образа жизни. Скотоводство видится инструментом решения проблемы обезлюдения бурятских деревень, «чтоб молодежь не покидала родных сел и деревень, не растворялась в океане городских соблазнов, не теряла себя, свое лицо, вынужденно занимаясь любой, попавшейся под руку работой, забывая родной язык, культуру и традиции... Если опустеют наши родные села, то для кого же тогда мы возрождаем дацаны? Сколько бы мы ни построили дуганов, мы нисколько не продвинемся вперед, если наши земляки уедут в города. Мы понимаем, что делают они это от отчаяния. <...> Но люди должны жить на земле. В развитии домашнего крупного рогатого скота – спасение от голода, в развитии домашнего овцеводства – достаток в семье, ее здоровье и процветание» [12]. Отметим, что постоянно говоря о необходимости удерживать молодежь в сельской местности, Хамбо лама вносит в эту идею практическое содержание. Именно по его инициативе ламы обзавелись собственными отарами, подавая пример своим прихожанам, а сам он, получая помощь в приобретении скота, дарит молодым семьям по 130 баранов с тем, чтобы впоследствии семьи поставляли бы баранов своему селу [1, с. 52]. На помощь в приобретении скота могут рассчитывать не только молодые, но и прочие семьи. Здесь Хамбо лама подчеркивает нравственное содержание своего проекта: «Социальные отары – это форма возвращения к коллективному хозяйству, но в современной интерпретации. Раздавая семьям, которые не имели овец, по 30 голов, мы поставили условие – все семьи, которые получили овец, <...> должны объединиться и содержать их как одну большую отару. Это экономически и

организационно намного эффективнее. И это же заставляет людей взаимодействовать, работать на общее благо, думать друг о друге, общаться друг с другом, и, наконец, доверять друг другу» [15, с. 33].

Высказывая крайне критические оценки по отношению к бурятам, Дамба Аюшеев основывается на своем негативном отношении к утрате традиционного образа жизни: «Я глупее, чем этот бурятский народ, не видел в жизни. Представь себе: буряты, наши предки, создали великую бурятскую породу барана, породу лошадей, коров, собак. И благодаря этим животным в этих невыносимых условиях, на сорокаградусном морозе, мы выжили. И представь себе: пришли коммунисты, и за каких-то 40 лет сволочи буряты потеряли своих баранов. <...> Единственный народ, который прогнулся так, что спина круглая стала, – это вы, буряты». В том же ключе осуждения Хамбо лама порицает бурят за стремление к получению образования в городе, откуда, надо отметить, подавляющее большинство на малую родину не возвращается: «Самое низшее, что у человека есть, – это ум. Только дура колхозная может сказать своим детям: я желаю, чтобы ты был умный. Такую бурятскую женщину надо гнать метлой из нашего общества» [1, с. 48-49].

Используя термин «буряты» как определение единой политической общности, Хамбо лама, тем не менее, не может отказаться от уходящего вглубь истории кланового и территориального деления. По-видимому, усвоенное им традиционно недоверчивое отношение к представителям других родов проистекает из деревенского происхождения, усиленного конфликтами разного рода в светской общественной деятельности. Вообще, в установках Д. Аюшеева, по-видимому, определенную роль играет исторический факт: начиная с ранне-советского периода, партийно-правительственная ниша в республике оказалась занята в основном именно западными бурятами, тогда как восточным «достались» сферы образования, науки и искусств. Возможно, этим и объясняется непримиримость Хамбо ламы как стойкого защитника восточных бурят. Однако его стигматизация бурятских родов очень напоминает клановые анекдоты о «других»: «Селенгинские буряты умирают от злости, хори-буряты – от обиды, иркутские буряты – от отчаяния, баргузинские – от гордости, а тункинские – от отдыха» [15, с. 85]. В соответствии с жанром анекдота, в котором этнические шутки часто строятся на бродячих сюжетах, легкой заменяемости объектов насмешки и троичности, Хамбо лама заяв-

ляет: «Кто такие буряты? Один бурят – это философ, два буряты – оппоненты, три буряты – Эрын гурбан наадан (Три игры мужей – традиционные спортивные состязания – прим. авт.), кто куда» [15, с. 85]. (Сравним: Один еврей – торговая точка, два еврея – чемпионат мира по шахматам, три еврея – симфонический оркестр; Один грузин – культ личности, два грузина – массовый террор, три грузина – этого еще нам не хватало!). Свойское поведение, острое словцо, этнические стереотипы и предрассудки, простой и прагматичный подход к религии – все это играет на образ «Наш Хамбо». Однако как от высшего буддийского иерарха страны от Хамбо ламы ожидают определенных духовных наставлений и проповедей, например, по вопросам веры. Предпочитая религиозным ритуалам практический буддизм, Дамба Аюшеев выражает свое мнение следующим образом: «Я не надеюсь на Будду... У меня нет бога. Будда точно не придет. <...> Но я буду идти за лучшим, за сильнейшим человеком цивилизации. Я – идущий за Буддой. <...> Надо идти, надо помогать людям» [1, с. 48].

Важным элементом предлагаемой Хамбо ламой идеологии буддийского возрождения в Бурятии и бурятской этнической идентичности является принцип духовной самостоятельности и независимости: «Мы же привыкли себя кем считать? Третьесортными. У нас как говорят? Тибетский лама – это драгоценность, монгольский лама – это умница, а бурятский лама – это недоумение. Вот 80% наших интеллигентов так говорят. Уважаемые мои сородичи, научитесь себя уважать и научитесь гордиться собой» [1, с. 49]. Для повышения самоуважения буряты, считает Хамбо лама, должны обращаться к бурятским, а не к тибетским ламам: «Вот у нас тибетцы читают лекции, дают посвящения – они считают, что это у них буддизм. Ну, они что? Они – иностранцы: заберут свое богатство и куда-нибудь уедут – им какая разница» [15, с. 12].

Воспитание этнонационального достоинства и сохранение этничности Хамбо лама видит в укреплении позиций Сангхи посредством реализации выдвинутого им проекта административной и духовной автокефалии российской буддийской церкви с центром в Бурятии. Доказательство своей правоты он строит в международном политическом контексте, оценивая ситуацию в Тибете и дальнейшую судьбу института далай-ламства и всего тибетского буддизма. В этой связи, считает он, оформление бурятской церкви как особой формы северного буддизма направлено на «максимальное снижение китайского влияния в буду-

щем на умы бурятских верующих» [9, с. 23]. В качестве религиозно-догматического обоснования правомерности отделения от тибетского буддизма, Хамбо лама предлагает собственный взгляд на историю проникновения и развития буддизма среди бурят: «Буряты получили буддизм от Дамба Даржа Заяева, а он, в свою очередь, получил его в первом своем рождении от Будды Кашьяпы, а во втором – от Будды Шакьямуни! Запомните это!» [15, с. 14]. Поэтому, «бурятский буддизм вполне самостоятелен на протяжении столетий и достиг небывалых высот. <...> Не надо чувствовать себя людьми второго сорта» [10, с. 164]. Такая трактовка исторических фактов (хотя общеизвестно, что буддизм в Бурятию пришел не непосредственно из Индии, а из Монголии и Тибета) призвана служить укреплению этнокультурной идентичности и национальной гордости бурят, что занимает одно из самых значимых мест во всей деятельности Хамбо ламы.

Идея автокефалии неотделима от предполагаемых нововведений (современного обновленчества), которые сближают духовенство и паству: помимо убеждения в том, что безбрачие для лам – это необязательное условие, Хамбо лама поддерживает идею проведения дацанских служб не на тибетском, а на бурятском языке [10, с. 164]. Вопрос о бурятском языке, а именно о путях его сохранения, стоит достаточно остро. Хотя по конституции республики бурятский язык является государственным наряду с русским, это не помогает расширению его функциональной сферы, а в недавно принятом обновленном Законе об образовании в Республике Бурятия отсутствует обязательность изучения бурятского языка в школах. Это всколыхнуло обсуждение в СМИ, однако без особого интереса со стороны рядовых бурят, в том числе и носителей языка. Эту ситуацию довольно точно охарактеризовал политолог Э.Д. Дагбаев: «Десятки и сотни людей многое сделали для того, чтобы защитить бурятский язык. В целом позиции сдавались постепенно, и надо сказать прямо, при молчаливом согласии самих носителей языка» [7, с. 8]. Вину за сложившуюся ситуацию возлагают на советскую власть, а также и на то, что в основу литературного языка был положен хоринский диалект, вытеснивший прочие из художественной сферы и из преподавания. Хамбо лама связывает вопрос о языке с бурятской интеграцией и призывает: «Селенгинские, джидинские, курумканские, иркутские или хоринские буряты – старайтесь вместе дружно жить. Ни один из ваших диалектов не лучше других. Говорите на своем родном наречии!» [15, с. 85].

Надо отметить, что сохранение бурятского языка было одной из ключевых задач этнонационального возрождения (конец 1980-х – начало 2000-х гг.). И если в политическом дискурсе этот вопрос уже почти потерял актуальность, то буддийская церковь именно сейчас заостряет внимание на кризисе национального языка, мобилизуя и поддерживая гуманитарную научную элиту. На съезде БТСР, состоявшемся в апреле 2013 г., заседание второго дня было посвящено обсуждению проблемы «спасения, сохранения и развития родного бурятского языка» в общем контексте «выхолащивания национальной культуры, размывания многих традиционных ценностей». Делегаты – ламы из дацанов всей этнической Бурятии и из некоторых других регионов России – признали, что «нельзя допустить разрушения и гибели своей этнической идентичности», под чем в первую очередь подразумевается языковая русификация [12]. Иными словами, буддийская церковь Бурятии встала на защиту бурятского языка как важнейшего показателя этничности, предлагая планы по повышению престижа и функциональной сферы этнического языка, в реализацию которых БТСР готова внести собственные финансовые и интеллектуальные средства. Светские защитники бурятского языка полагают, что решать языковую проблему следует главным образом посредством административных рычагов.

Широкое включение духовенства, в первую очередь, самого Хамбо ламы, в социальные реалии, идея автокефалии в канве национализации религии вплоть до узаконивания понятия «бурятский буддизм» – все это свидетельствует не только о попытках реформации церкви (хотя и не находящей массовой поддержки среди буддистов), но и о личных амбициях Дамбы Аюшеева, стремящегося к более значительному положению в российской клерикальной иерархии.

Укрепление значимости БТСР, а также и личных позиций Хамбо ламы в российском и международном масштабе связано, безусловно, с феноменом Хамбо ламы Итигэлова, ставшим наиболее важным событием буддийского возрождения в Бурятии и продолжающим играть центральную роль во всей духовной жизни республики. Ушедший из сансары в 1927 г. Хамбо лама Итигэлов был помещен в бумхан (саркофаг) и оставлен в захоронении в местности Хухэ Зурхэн (ныне относящейся к Иволгинскому району Республики Бурятия). В советские времена захоронение дважды вскрывали (считается, что сам Итигэлов приказал осмотреть его через 30 лет). Убедившись в нетленности тела,

ламы зарывали саркофаг вновь, причем так, что найти место было непросто. В 2002 г. экспедиция для поисков захоронения Хамбо ламы Итигэлова была инициирована Дамбой Аюшеевым, который, таким образом, стал фигурой, наиболее сопричастной чуду.

Следует отметить, что паломничества к Итигэлову совершают не только рядовые верующие буддисты, но и ключевые деятели российского политического истеблишмента, включая президентов В.В. Путина и Д.А. Медведева, исповедующих православие. В этой связи Дамба Аюшеев, считающий себя охранником Драгоценного Неиссякаемого Тела, становится самой важной персоной не только в российском буддизме, но и в Бурятии в целом. Во всяком случае, именно с ним, минуя высших чиновников, встречаются лидеры страны.

Неразгаданный феномен Итигэлова приобрел значимость мировой сенсации, о чем свидетельствуют впечатляющие цифры динамики роста паломничества к нему: «приходящих поклониться Драгоценному Телу Итигэлова: 2002 г. – 3 тыс., 2003 г. – 20 тыс., 2004 г. – 200 тыс., 2005 г. – 350 тыс., 2006 г. – 500 тыс.» [4, с. 4]. Позже такая статистика не велась, однако несомненно, что чудо Итигэлова сыграло значительную роль как в самоотождествлении индивида с буддийской конфессией, так и в доказательстве истинности именно этого вероучения. Примечательно, что поклониться Итигэлову приезжает большое число монгольских буддистов, что свидетельствует об их признании несомненности чуда и вере в способность великого ламы приносить благо всем, кто к нему обращается, тогда как исторически буряты считали, что монгольские монахи и монастыри обладают большим авторитетом, чем бурятские.

В настоящее время, когда феномен Итигэлова прочно вошел в социокультурный ландшафт республики, Хамбо лама Аюшеев способствует поддержанию буддийской религиозности и одухотворения мирского сознания посредством, в частности, возможности получения наставлений от святого ламы, которые ежедневно публикуются на официальном сайте БТСР. Главный Хранитель Драгоценного Неиссякаемого Тела Бимба лама Доржиев получает эти Послания в процессе медитации, а затем Хамбо лама Аюшеев их интерпретирует. Например, Послание от 18 февраля 2016 г. гласит: «Два человека пришли к Хамбо Ламе Итигэлову и один из них спрашивает: “Это что за Божество?” И другой ему отвечает: “Это Будда для подношения Учителю”. Хамбо Лама

Этигэлов сказал: «Путь Будды Шакьямуни»». Хамбо Лама Дамба Аюшеев разъясняет смысл Послания так: «Для буддистов Учитель важнее самого Будды, потому что Будда Шакьямуни сам в начале своего пути был обычным человеком и учился у Учителей. Буддами не рождаются, Буддами становятся» [6].

В поддержании значимости феномена Этигэлова значительную роль по-прежнему играют СМИ, которым свойственно сочетать содержание публикуемых материалов с их сенсационностью. Новым проявлением или продолжением чуда Этигэлова, названное, как и сам факт его возвращения, мировой сенсацией, стало зафиксированное мониторами слежения 11 октября 2016 г. движение в закрытом помещении, где пребывает Драгоценное Неиссякаемое Тело. Хамбо лама Дамба Аюшеев прокомментировал событие так: «Хамбо лама проявился, нетленное тело двигалось. Хамбо лама встал в хороший день. <...> Он сам по своей воле встал и показал себя. <...> На одном из больших молебнов великий индийский лхарамба-лама как-то нам сказал, что Хамбо лама Этигэлов встанет, когда наступит эра Будды Майдари (Майтрейи). Но до прихода Будды Грядущего осталось еще целых две тысячи лет. Но сам лхарамба-лама не исключил, что восхождение Хамбо ламы произойдет ранее. И где-то в глубине своего сознания эта мысль у меня уже была заложена» [18, с. 7].

Выяснение сущности нового проявления Хамбо ламы Этигэлова выходит за рамки данной статьи. Можно лишь сказать, что для верующих это еще одно свидетельство сохранения сознания и тела святого ламы для исполнения миссии в сансаре, среди людей. Для прочих случившееся в ночь с 9 на 10 октября 2016 г. – это либо что-то специально подстроенное, либо нечто реально случившееся и нуждающееся в рациональном объяснении.

Что касается веры, то Хамбо лама сформулировал отличие буддистов от атеистов предельно лаконично и количественно: «Человек, который верит на 40 процентов себе, а на 60 – силам свыше, это буддист. Тот, кто верит самому себе на 90 процентов, это атеист. Верующий ощущает присутствие божества и хоть раз в сутки думает о нем» [10, с. 144]. В этом смысле позиции иерархов буддизма и православия различаются. Для Митрополита Улан-Удэнского и Бурятского Савватия границы между религиями существенны: «Надо понимать, хотя между православием и буддизмом немало философских тождеств, например, смирение, воздержание, любовь, бесстрашие, но у нас все же немного разные цели, это две разные религии» [16, с. 3].

Взаимоотношения между буддийской и православной церквями – это еще одна тема, характерная для территориального дискурса. Главы обеих церквей единодушны в позитивной оценке этих отношений, причем не только в настоящее время, но и в исторической ретроспективе. Митрополит Савватий заявляет, что две церкви всегда мирно сосуществовали: «Мы никогда не соперничали, и не было противостояний» [16, с. 3]. Хамбо лама предпочитает говорить о благодарности со стороны институализированного буддизма российскому государству: «Законодательно закрепив права буддийского духовенства, государство создало все условия для дальнейшего развития буддизма на территории России, а также и образовательной системы нашего края в целом» [3, с. 9].

Несмотря на спорность подобных высказываний, все же несомненно, что в целом сейчас обе церкви стремятся к диалогу. Хамбо лама Аюшеев вносит существенный вклад во взаимопонимание церквей и общин, следуя буддийским принципам толерантности (что, впрочем, он не распространяет на буддийские общины, не подчиняющиеся БТСП). В своеобычном и давно бытующем в Бурятии религиозном синкретизме буддизм занимает главенствующее место, хотя в последние годы православное духовенство прилагает усилия по полному возвращению своей паствы, в первую очередь, этнически русской, в лоно христианства. Способствуя укреплению имиджа республики как буддийского центра России, Хамбо лама Аюшеев стремится к сохранению равновесия и мира, не допуская конфликтов с иными религиозными общинами. Несомненно, что личность и деятельность Хамбо ламы Аюшеева способствуют укреплению значимых для всех жителей республики ценностей и вносит существенный вклад в формирование регионального полиэтничного культурного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева О. Так говорит Хамбо лама. Как, разводя баранов, выйти из круга перерождений // Русский репортер. 2013. № 18-19. С. 46-53.
2. Анжилова Д. Исторический съезд Сангхи // Аргументы и факты в Бурятии. 2008. № 18. С. 1.
3. Анжилова Д. История длиною в 250 лет // Аргументы и факты в Бурятии. 2014. № 31. С. 9.
4. Бадмаринчинов Н. Мировой феномен Хамбо ламы Этигэлова и проблема бессмертия // Бурятия. 2006. 15 декабря. С. 4.
5. Будаева Д.Ц., Мэрдыгеев З.Р., Хантургаева Н.Ц., Этигилова Л.М. Вопросы сохранения

и развития толерантности, проблемы гражданской активности населения Республики Бурятия. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010.

6. Буддийская традиционная Сангха России. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sangharussia.ru/content/detail.php?ID=658>
7. Дагбаев Э.Д. Патриотизм и фундамент // Аргументы и факты в Бурятии. 2014. № 5. С. 8.
8. Крючков Н.И., Михайлов Т.М. Преодоление религиозных пережитков в Бурятии. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1987.
9. Махачкеев А.В. Далай-лама укажет преемника // Московский комсомолец в Бурятии. 2007. 19-26 декабря. С. 23.
10. Махачкеев А.В. Портрет иерарха: XXIV Пандито Хамбо лама Дамба Аюшеев. Улан-Удэ: НоваПринт, 2010.
11. Стенограмма встречи председателя Правительства РФ В.В. Путина со Святейшим Патриархом Кириллом и лидерами традиционных религиозных общин России 8 февраля 2012 г. // Официальный сайт Московского Патриархата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2005767.html>
12. Съезд (сугунды) Буддийской традиционной Сангхи России 28-29 апреля 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sangharussia.ru/news/detail.php?ID=11482>
13. Федеральный Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Российская Газета. 1997. 1 октября. С. 2.
14. Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 35-45.
15. Хамбо лама. Мысли наедине. Выдержки из речей. Улан-Удэ: НоваПринт, 2013.
16. Цыренов М. Человек обретает себя // Аргументы и факты в Бурятии. 2017. № 3. С. 3.
17. Якунин В.И., Сулакшин С.С., Симонов В.В., Багдасарян В.Э., Вилисов М.В. Социальное партнерство государства и религиозных организаций. М.: Научный эксперт, 2009.
18. Ян А. Проявление нетленного тела // Информ Полис. 2016. № 41. С. 7.
19. Durkheim, E., 1964. The elementary forms of the religious life. London: George Allen & Unwin Ltd.

REFERENCES

1. Andreeva, O., 2013. Tak govorit Hambo lama. Kak, razvodya baranov, vyiti iz kruga pererozhdenii [Thus spoke Hambo Lama. How to get out of the cycle

of rebirths by breeding sheep?], Russkii reporter, no. 18-19, pp. 46-53. (in Russ.)

2. Anzhilova, D., 2008. Istoricheskii s'ezd Sanghi [Historical Congress of the Sangha], Argumenty i fakty v Buryatii, no. 18, p. 1. (in Russ.)
3. Anzhilova, D., 2014. Istoriya dlinoyu v 250 let [A 250-year-long history], Argumenty i fakty v Buryatii, no. 31, p. 9. (in Russ.)
4. Badmarinchinov, N., 2006. Mirovoi fenomen Hambo lamy Itigelova i problema bessmertiya [Hambo lama Itigelov's world phenomenon and the problem of immortality], Buryatiya, 15 dekabrya, p. 4. (in Russ.)
5. Budaeva, D.C., Merdygeev, Z.R., Khanturgaeva, N.C. and Itigilova, L.M., 2010. Voprosy sokhraneniya i razvitiya tolerantnosti, problemy grazhdanskoj aktivnosti naseleniya Respubliki Buryatiya [Issues of preservation and development of tolerance, problems of civil activity of the population of the Republic of Buryatia]. Ulan-Ude: Izd-vo BGU. (in Russ.)
6. Buddiiskaya traditsionnaya Sangkha Rossii [Buddhist traditional Sangha of Russia]. URL: <http://sangharussia.ru/content/detail.php?ID=658> (in Russ.)
7. Dagbaev, E.D., 2014. Patriotizm i fundament [Patriotism and foundation], Argumenty i Fakty v Buryatii, no. 5, p. 8. (in Russ.)
8. Kryuchkov, N.I. and Mikhailov, T.M., 1987. Preodolenie religioznykh perezhitkov v Buryatii [Overcoming religious survivals in Buryatia]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. (in Russ.)
9. Makhachkeev, A.V., 2007. Dalai-lama ukazhet preemnika [Dalai Lama will point at his successor], Moskovskii komsomolets v Buryatii, 19-26 dekabrya, p. 23. (in Russ.)
10. Makhachkeev, A.V. 2010. Portret ierarkha: XXIV Pandito Hambo lama Damba Ayusheev [Portrait of the Hierarch: XXIV Hambo Lama Damba Ayusheev]. Ulan-Ude: NovaPrint. (in Russ.)
11. Stenogramma vstrechi predsedatelya Pravitel'stva RF V.V. Putina so Svyateishim Patriarhom Kirillom i liderami traditsionnykh religioznykh obshchin Rossii 8 fevralya 2012 g. [Transcript of the meeting of prime-minister Vladimir Putin with Patriarch Kirill and the leaders of traditional religious communities of Russia, February 8, 2012]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2005767.html> (in Russ.)
12. S'ezd (sugundy) Buddiiskoi traditsionnoi Sangkhi Rossii 28-29 aprelya 2013 [Congress (sugundy) of the Buddhist Traditional Sangha of Russia, April 28-29, 2013]. URL: <http://www.sangharussia.ru/news/detail.php?ID=11482> (in Russ.)
13. Federal'nyi Zakon «O svobode sovesti i o religioznykh ob'edineniyakh» [Federal law on

freedom of conscience and religious associations], Rossiiskaya Gazeta, 1 oktyabrya 1997, p. 2. (in Russ.)

14. Filatov, S.B., Lunkin, R.N., 2005. Statistika rossiiskoi religioznosti: magiya tsifr i neodnoznachnaya real'nost' [Statistics of Russian religiosity: the magic of numbers and ambiguous reality], Sotsiologicheskie issledovaniya, no. 6, pp. 35-45. (in Russ.)

15. Hambo lama. Mysli naedine. Vyderzhki iz rechei. [Hambo lama. Thoughts when alone. Excerpts from speeches]. Ulan-Ude: NovaPrint, 2013. (in Russ.)

16. Tsyrenov, M., 2017. Chelovek obretayet sebya [A person finds himself], Argumenty i fakty v Buryatii, no. 3, p. 3. (in Russ.)

17. Yakunin, V.I., Sulakshin, S.S., Simonov, V.V., Bagdasaryan, V.E. and Vilisov, M.V., 2009. Sotsial'noe partnerstvo gosudarstva i religioznykh organizatsii [Social partnership of state and religious organizations]. Moskva: Nauchnyi ekspert. (in Russ.)

18. Yan, A. 2016. Proyavlenie netlennogo tela [The manifestation of the imperishable body], Inform Polis, no. 41, p. 7. (in Russ.)

19. Durkheim, E., 1964. The elementary forms of the religious life. London: George Allen & Unwin Ltd.



УДК 93/94

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-2/43-51

А.А. Крупянко, В.С. Акуленко*

ЧУЧХЕЙСКАЯ ТЕОРИЯ ЭТНОГЕНЕЗА КОРЕЙЦЕВ**

Вслед за постепенной сменой идеологии КНДР с марксизма-ленинизма на чучхеизм менялась и трактовка истории корейского народа северокорейскими учёными, что в конечном счёте привело к необходимости пересмотра теоретической рамки, в которую больше не вписывался процесс этногенеза корейцев. В результате в 1990-е гг. была сформирована чучхейская теория нации, ставшая теоретическим основанием новой чучхейской теории этногенеза корейцев. Изложению основных позиций последней и посвящена данная статья. Работа написана основана на анализе толковых словарей, редакций «Общей истории Кореи», а также монографий и статей северокорейских историков по данной теме.

Ключевые слова: этногенез, корейская нация, КНДР, чучхе, Древний Чосон, Тангун

Juche theory of ethnogenesis of Korean nation. ALEXANDER A. KRUPYANKO, VADIM S. AKULENKO (Far Eastern Federal University).

Following the gradual change in North Korea's ideology from Marxism-Leninism to Jucheism, we can observe how the interpretation of Korean history by North Korean scholars was modified, which ultimately led to revision of the theoretical framework into which the process of ethnogenesis of the Koreans no longer fit. As a result, in the 1990s North Korean scholars introduced a new Juche theory of nation, which became the theoretical basis for a new theory of ethnogenesis of the Koreans. This paper deals with the main points of this theory. The study is based on the analysis of explanatory dictionaries, several editions of the «General history of Korea», as well as monographs and articles by North Korean historians on this topic.

Keywords: ethnogenesis, Korean nation, North Korea, Juche, ancient Joseon, Tangun

Введение

После провозглашения в 1948 г. создания в северной и южной части Корейского полуострова двух независимых корейских государств, каждое из них стремилось распространить свой суверенитет на всю территорию полуострова и его население. В результате начавшегося сорев-

нования двух политических режимов у некогда единого корейского народа по разные стороны так называемой демаркационной линии сформировались различные представления о том, кто такие корейцы и откуда они появились. Такое расхождение в понимании собственного происхождения может стать не меньшей проблемой

* КРУПЯНКО Александр Александрович, кандидат исторических наук, профессор Департамента истории и археологии, заведующий лабораторией «Центр археологических исследований «Бохай» Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: krupyanko.aa@dvfu.ru

АКУЛЕНКО Вадим Сергеевич, старший преподаватель кафедры корееведения Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета.

E-mail: akulenko.vs@dvfu.ru

© Крупянко А.А., Акуленко В.С., 2017

** Работа выполнена в рамках программы «Поддержка корееведения в ведущих зарубежных вузах» Министерства образования Республики Корея и Академии корейских исследований (AKS-2015-OLU-2250003).

This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2015-OLU-2250003).

для будущего объединения корейского народа, чем различные политические и экономические уклады. В этой связи пристальное изучение представлений о процессе этногенеза корейцев, сложившихся в КНДР и в Республике Корея, их сравнение и поиск сходств и различий, могут помочь в будущем сблизить различные точки зрения и избежать появления новых искусственных разделительных линий. Кроме того, изучение теории этногенеза корейцев, разработанной с использованием специфической чучхейской философии, может прояснить для российских историков и корееведов позиции северокорейской исторической науки относительно древней истории региона.

Для проведения данного исследования были проанализированы различными методами (качественными и количественными) три вида источников: северокорейские толковые словари, редакции «Общей истории Кореи» разных годов издания, а также тексты других научных сочинений и статей северокорейских учёных, посвящённых данной проблеме.

Первый вид источников включает в себя 11 толковых словарей, в том числе и узкоспециализированных, изданных с 1956 по 2004 гг. [6; 7; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 25; 26]. На данном материале стало возможным проследить трансформацию термина этнос/нация (кор. 민족) в исторической динамике.

Второй тип источников включает в себя пять редакций «Общей истории Кореи» (кор. 조선통사) [18; 19; 20; 21; 22]. Данное произведение издавалось в период с 1958 по 2009 гг. Анализ данного источника помог проследить изменения официальной теории этногенеза. Анализу подвергался первый том учебного пособия, так как именно в нём рассматривалась проблема этногенеза корейцев.

Третий тип источников включает в себя целый ряд научных работ различного характера – от статей в научных журналах до монографий [1; 3; 4; 8; 9; 10; 23]. На данном материале были сделаны выводы относительно современного состояния теории этноса и этногенеза, а также теории этногенеза корейцев в КНДР.

Вопрос о теории этноса и этногенеза в КНДР неоднократно рассматривался южнокорейскими учёными, в основном в рамках изучения проблемы северокорейской националистической идеологии. Среди них особого внимания заслуживает работа Ким Тхэу, посвящённая процессу отказа в КНДР от понимания нации, предложенного Сталиным [2]. Однако со стороны российских и зарубежных корееведов данной теме уделяется незаслуженно мало внимания. Данная работа призвана заполнить этот пробел.

История формирования теории этноса в КНДР

Перед тем как приступить к изложению основного содержания данной работы, хотелось бы сказать несколько слов об истории формирования теории этноса в КНДР. Стоит упомянуть о том, что в современном корейском языке, как на Севере, так и на Юге, отсутствует специализированный термин «этнос». Вместо этого существует термин «минчжок», который может быть переведён как «этнос», «нация» и «народ».

Данный термин пришёл на корейскую землю, скорее всего, в конце XIX в. вместе с инициированной японцами модернизацией Кореи. В самой Японии «минчжок» (иер. 民族) трактовался в соответствии с распространённым в Англии того времени понятием «nation» (рус. *нация*), которое также переводилось на японский язык как «народ» (иер. 人民) и «граждане» (иер. 國民). Позднее, после аннексии Кореи Японией, понимание данного термина в умах корейских мыслителей начинает постепенно дрейфовать в сторону этно-националистического определения нации. Однако стоит отдельно отметить, что даже такие ярые корейские националисты, как Син Чжэхо, в вопросах самоидентификации опирались на понятия «культура» и «язык», и лишь в начале 1930-х гг. Ли Гвансу разрабатывает свою теорию, в которой в определение «минчжок» также входит понятие кровного родства (кор. 혈통) [27, с. 258].

Таким образом, после образования КНДР в умах учёных созданной вскоре после этого Академии общественных наук уже было сформировано понятие «минчжок», трактуемое достаточно широко. Однако впоследствии к этому понятию было применено предложенное Сталиным определение нации. Так как нация, согласно определению Сталина, является формой этнической общности людей эпохи капитализма и социализма [5, с. 296], примерно до середины 1970-х гг. наряду с термином «минчжок» активно использовался другой термин – «чунмичжок», который может быть переведён на русский язык как «народность». Однако его постепенное исчезновение и вытеснение термином «минчжок» говорит об их слиянии в понятийном аппарате северокорейских историков. Тот факт, что северокорейская историческая наука изначально стояла на позициях примордиализма в понимании сущности нации, делает их постепенное смешение вполне естественным. Надо полагать, что определённую роль в данном процессе сыграла и история проникновения и формирования понятия «минчжок» в корейской научной среде до образования КНДР в 1948 г.

Постепенная трансформация термина «минчжок» не могла не повлиять на понимания в КНДР сущности процесса этногенеза корейцев. Возможно, это влияние было обоюдным, так как очередная трансформация термина часто совпадала с появлением новых данных об истории Кореи. И на современном этапе северокорейский термин «минчжок» вполне можно перевести на русский язык, следуя примордиалистской традиции, как этнонация.

Таким образом, изначально понимание термина «этнос» было позаимствовано северокорейскими учёными в СССР, как и примордиалистская трактовка его природы. Однако с течением времени произошла постепенная его трансформация, возможно под влиянием существовавшего ещё до формирования КНДР понятия «минчжок», или в связи с изменением государственной идеологии, либо из-за сочетания этих факторов. Схематично эволюцию термина «минчжок» на основе его определения можно представить следующим образом:

Период	Основы для формирования
1948-1963 гг.	язык, культура, экономика, территория, психологический склад
1964-1980 гг.	язык, культура, экономика, территория (и ещё ряд других)
1981-1993 гг.	язык, генетическое родство, культура, территория, экономика
1994-наст. вр.	генетическое родство, язык, культура, территория

Чучхейская теория нации

С развалом СССР для КНДР наступили тяжёлые дни, так как советская помощь являлась важным фактором поддержания стабильного состояния северокорейской экономики, в связи с чем партии и национальному лидеру пришлось мобилизовать все доступные средства для того, чтобы не допустить коллапса государства в сложнейших условиях 1990-х гг. Важное значение в этой ситуации придавалось идеологическому сплочению северокорейского народа, что нашло выражение в том числе и в активизации исторических исследований.

Интересно, что по такому же пути в период колониального закабаления Кореи Японией пошли и корейские националисты. Тогда исследование прошлого корейского народа стало одной из форм противостояния идеологической машине Японской империи, а также способом

мобилизации корейцев на борьбу. Не зря в «Декларации независимости года Ки Ми» – основном документе первого массового выступления корейцев против колонизаторов, произошедшего 1 марта 1919 г., делается ссылка на право самостоятельности корейского народа на основании «полудесятилетиячелюстной» его истории. Практически сразу на знамя националистов, ведущих борьбу с японцами, был поднят и миф о едином предке всех корейцев – Тангуне.

В начале 1990-х гг. история повторяется. В 1993 г. в уезде Кандон г. Пхеньян по указанию Ким Ирсена северокорейские учёные проводят раскопки и обнаруживают гробницу считавшегося мифической личностью родоначальника корейской нации – Тангуна. Именно после этих раскопок в истории развития теорий этногенеза в КНДР начинается новая глава. Ведь если легендарный Тангун был реальной личностью и жил более 5 тыс. лет назад, значит и формирование единого корейского народа должно было произойти именно в это время.

Новые открытия северокорейских учёных не только подвигают их к пересмотру древней истории Кореи, для чего специально издаются дополнительные тома к «Полной истории Кореи», но и заставляют их активно заниматься теоретическим обоснованием формируемой ими новой редакции теории этногенеза корейцев. В результате рождается новая теория, в которой формирование нации предлагается не связывать с какой-то определённой общественно-политической формацией.

Согласно всем прежним теориям этногенеза корейцев, бытовавшим в КНДР с момента её образования и до конца 1970-х гг., корейский народ сформировался в сильном централизованном феодальном государстве. Сначала в КНДР, как и в РК, полагали, что таким государством было так называемое Объединённое Силла. Чуть позже, момент формирования корейской народности переместили немного ближе к современности – в период Корё. Однако примерно с начала 1980-х гг. начала формироваться новая теория, предлагавшая вести отсчёт появления единого корейского народа с более раннего исторического периода. Вероятно, эти изменения были не в последнюю очередь вызваны успехами северокорейских археологов, обнаруживших многочисленные стоянки каменного века и эпохи раннего металла на территории Северной Кореи. Именно в это время происходит и очередная трансформация термина «минчжок», ещё более приблизившая его к понятию этнонации. В новом определении в качестве одной из основ для формирования нации было предложено рассматривать генетическое

родство [7]. Эти изменения, наряду с открытиями, сделанными северокорейскими учёными в начале 1990-х гг. (обнаружение гробницы Тангуна, выделение тэдонганской археологической культуры), привели в итоге к оформлению чучхейской теории нации, которая призвана объяснить накопившиеся с начала 1980-х гг. изменения в теории этногенеза корейцев.

В новой теории северокорейские историки подвергли критике тезис Сталина о том, что появление нации связано с приходом капитализма. Такой подход, по их мнению, связан со стремлением западных и советских теоретиков оперировать опытом Европы, где приход капитализма означал разрушение феодальных границ и формирование наций. Однако в Азии, где существовал абсолютизм, появление централизованного государства и формирование единого пространства могло произойти и в средние века, то есть нация могла появиться задолго до развития капитализма [1, с. 114; 8, с. 11].

Автором новой универсальной теории считается Ким Ирсен, который был знаком с теорией Сталина, но осознал её ограниченность. Именно он выдвинул универсальные признаки, которыми должна обладать нация, – это общий язык и кровное родство. Именно их, в сочетании с культурной и территориальной общностями, северокорейские учёные предлагают считать новыми основами для формирования нации [1, с. 114].

Таким образом, согласно новой теории нации, названной чучхейской, нация формируется на основе генетического родства, а также языковой, территориальной и культурной общности. Время формирования нации не ограничено эпохой капитализма, и каждая нация уникальна по своему происхождению и составу [1, с. 114].

Новая теория утверждает, что в мире есть множество различных наций. Некоторые из них единые, подобные корейской, а некоторые являются составными, образованными путём смешения в течение некоторого исторического периода нескольких племенных групп, имеющих различное происхождение. Не исключает новая теория и существование многонациональных государств, в которых живут одновременно несколько наций. Такое объяснение нации, по мнению северокорейских учёных, снимает все современные противоречия в национальной истории, которые возникали до этого из-за несовершенства предшествующих теорий нации.

Главным из всех признаков нации, согласно чучхейской теории, является «кровное родство» (кор. 피줄) [8, с. 7]. Оно помогает установить происхождение предков и определяет внешние особенности строения тела группы людей (ве-

личина и морфология головы, цвет кожи, цвет волос, цвет глаз и т.д.). То есть, говоря об общности кровного родства, имеют в виду общность с точки зрения биологии и процесс генетической передачи следующим поколениям характерного облика и характера, формируемых в ходе совместного проживания человеческой популяции в течение длительного исторического промежутка времени [1, с. 114].

Следующим по значению в современной северокорейской теории нации стоит языковая общность [8, с. 7], без которой невозможно социальное взаимодействие, взаимопомощь и сплочение группы людей. Именно общий язык, по мнению северокорейских историков, способствует ещё большему углублению идеи этнического единства и взаимопонимания. Благодаря сохранению общего национального языка люди начинают осознавать превосходство своей нации, национальную гордость и уверенность. И, наконец, именно благодаря языку происходит объединение в один коллектив разрозненных групп, построенных по принципу кровного родства, а также создание и развитие национальной культуры [1, с. 116].

Территориальная общность, согласно чучхейской теории нации, формируется после того, как люди начинают вести оседлый образ жизни, что в некоторых регионах мира происходит уже с периода неолита в связи с переходом к земледелию. Именно в это время у людей формируется представление о территории. Однако представление о территориальной общности у людей разных эпох, по мнению северокорейских историков, сильно отличалось. Так, во времена неолита и бронзового века люди жили родами и племенами, территория которых была маленькой и замкнутой, поэтому и необходимая для формирования нации территориальная общность тут сложиться не могла. Однако после перехода к классовому обществу периода рабовладельческих государств эти границы стираются, и люди, обладающие генетическим родством, а также языковой общностью, начинают жить вместе на более обширной территории, что и приводит к появлению нации. То есть территориальная общность, необходимая для формирования нации, складывается после формирования первых государств [1, с. 117].

Что касается культурной общности, то она формируется в ходе совместного проживания группы людей, обладающих кровным родством и общим языком, на определённой территории, и является одной из основ для дальнейшего сплочения этой группы. Согласно чучхейской теории нации, культурная общность позволяет группе людей приобрести национальную само-

стоятельность и чувство национальной солидарности [1, с. 118].

Северокорейские учёные уверены, что, собравшись воедино, все эти общности в течение определённого исторического периода и приводят к появлению нации. При этом общественно-политическая формация, как и временной период, не имеют принципиального значения, покуда не препятствуют формированию одной из четырёх общностей.

Чучхейская теория этногенеза корейцев¹

Новая теория нации разрешает накопившиеся противоречия, связанные с изменением определения нации в начале 1980-х гг., а также началом формирования в это же время новой теории этногенеза корейцев, согласно которой корейский народ сформировался гораздо раньше появления первых феодальных государств. При этом доказательной базой для новой теории этногенеза корейцев послужили данные археологии (выделение тэдонганской культуры), палеолингвистики, физической антропологии и этнографии (миф о Тангуне).

По мнению северокорейских историков, генетическая общность корейской нации постепенно складывается со среднего палеолита, однако этот процесс не может относиться к этногенезу, так как является частью другого процесса – антропогенеза. В этой связи временем формирования первой общности называют верхний палеолит, когда появляется человек современного типа, являющийся прямым предком корейцев древнего типа².

Языковая общность зарождается и продолжает развиваться вместе с появлением первых генетических предков корейцев, однако настоящий прогресс происходит с появлением человека современного типа. Таким образом, корейский язык развивается от нечленораздельной речи к членораздельной, превращаясь самостоятельно в язык корейцев древнего типа [1]. Таким образом, процесс появления корейского языка, как и формирования генетического родства древних корейцев, являются автохтонными процессами, которые начались ещё в период среднего палеолита, но вошли в активную фазу в верхнем палеолите вместе с появлением Homo Sapiens.

В этой связи в КНДР считают необоснованным и бездоказательным приращение корейского языка к алтайской языковой семье, на

основе которого сторонники миграционных теорий настаивают на переселении в период неолита ряда племён из Алтая на Корейский полуостров. По словам северокорейских учёных, проделанный анализ археологических и антропологических данных полностью исключает возможность переселения корейцев, которые «с зари человечества проживали на Корейском полуострове, где и создали свою уникальную культуру» [22, с. 105]. Особенных успехов в опровержении миграционных теорий достигли северокорейские историки, используя данные физической антропологии [3; 4].

О возможной структуре и словарном запасе языка, на котором говорили корейцы древнего типа, северокорейские учёные рассуждают на основании источников, созданных в конце существования Древнего Чосона или в начале периода Трёх государств. Именно они позволили учёным КНДР воссоздать его структуру. Одной из его особенностей называется так называемая гармония гласных, а также отсутствие взрывных и придыхательных согласных, которые можно наблюдать сейчас. Говорится и об отсутствии подстрочных согласных графем в слого. Словообразование, таким образом, происходило с помощью замены светлых гласных тёмными, что позволяло получить похожие по смыслу, но разные по значению слова [22, с. 106-107].

Культурная общность начинает формироваться с периода неолита, проходит стадию бронзового века и завершает своё формирование в рамках тэдонганской культуры.

Последняя общность – территориальная – неразрывно связана с появлением государства, которое разрушает замкнутый характер существования родовой общины. Таким образом, завершение процесса этногенеза связано с появлением первого в корейской истории древнего государства – Раннего Древнего Чосона.

Процесс качественного перехода от племени к государству северокорейские учёные описывают на основе анализа мифа о Тангуне³. Тот

³ Миф о Тангуне – это миф о легендарном основателе первого корейского государства – Древнего Чосона. Согласно легенде, сын Властелина Неба – Хванун – хотел жить на земле. Его отец Хванин узнал о желании сына и позволил ему вместе с 3000 последователей спуститься на гору Пэктусан и основать там город. На земле тигр и медведица обратились к Хвануну с просьбой сделать их людьми. Хванун согласился, но заставил их пройти испытание, которое выдержала только медведица. Хванун сдержал своё обещание и превратил её в женщину, на которой затем женился. От этого союза и родился Тангун – легендарный предок всех корейцев, согласно легенде основавший в 2333 г. до н.э. первое корейское государство.

¹ Данное наименование не является принятым в КНДР, так как все бытовавшие до её появления теории автоматически признаются устаревшими.

² Корейцами древнего типа в КНДР называют предков современных корейцев.

факт, что вместе с сыном Властителя Неба с неба спустились 3 тыс. поданных, говорит, по мнению северокаорейских учёных, в пользу того, что в конце 4 тыс. до н.э. существовало крупное племя, поклоняющееся небесному духу. Существование в нём иерархии и даже зачатков административной системы доказывается на примере передачи Хвануном в управление духам 360 различных дел [22, с. 44].

Интересно интерпретируется и упомянутое в мифе совместное проживание тигра и медведицы в одной пещере. Северокаорейские специалисты представляют это как объединение в рамках одного племени двух родов, тотемными животными которых были тигр и медведь. А брак медведицы и Хвануна отражает, по их мнению, процесс выхода рода, поклонявшегося медведю, из состава этого объединения и слияния его с племенем, которое поклонялось небесному духу [22, с. 45].

Отдельного упоминания заслуживают реконструкции древнейших этнонимов, сделанных северокаорейскими учёными. С конца 4 тыс. до н.э. самым крупным родоплеменным объединением каорейцев древнего типа, проживающих родами и племенами, стало племя пакталь (кор. 박달). Оно жило в северо-западной части Кореи, центром его проживания был Пхеньян. Будучи передовым племенем не только в смысле культуры, но и в военном отношении, оно объединило под своей властью ряд племён и родов данного региона, создав союз племён. Именно эти события, по мнению северокаорейских историков, описываются в мифе о Тангуне [23, с. 60].

Благодаря анализу древних и средневековых китайских летописей северокаорейские учёные обнаруживают и другие этнонимы. Это пак (кор. 박; иер. 毫), паль (кор. 발; иер. 發), пуру (кор. 부루; иер. 夫婁), пурё (кор. 불여; иер. 不與), окчо (кор. 옥저; иер. 沃沮), е (кор. 예; иер. 濊), емэк (кор. 예맥; иер. 濊貊), хан (кор. 한; 韓) и т.д. При этом пак, паль, пуру, пурё – это различные вариантами каорейского слова «пал-гым» (кор. 밝음), которое на русский можно перевести как свет или луч. Что касается этнонима е, то он изначально звучал как «сэ» (кор. 새 или 세), что является синонимом пальгым. Что касается этнонима хан (племена юга Каорейского полуострова), то его выводят из титула вождей этого племени – хан – восходящего к каорейскому прилагательному «кхын» (кор. 큰) – «большой».

На основе представленных выше аргументов северокаорейские историки приходят к выводу о том, что большинство, если не все представленные в китайских летописях этнонимы являются лишь попыткой хронистов передать исконное

самоназвание каорейцев с помощью иероглифической письменности.

Таким образом, на материале мифа о Тангуне и изучения древних летописных источников анализируется финальная стадия процесса этногенеза каорейцев, в которой принимали участие различные родоплеменные объединения, имевшие общее происхождение и сливающиеся в результате общественного развития в более крупные социальные единицы, чтобы в конце концов превратиться в ядро народа, образовавшего первое каорейское государство.

Выделение тэдонганской культуры подвело археологическую базу под описанные выше интерпретации письменных источников. Тэдонганской культурой называется культура, появившаяся после основания Тангуном Раннего Древнего Чосона в начале XXX в. до н.э. в долине р. Тэдонган с центром в Пхеньяне [13]. Она делится учёными на раннюю (начало 3 тыс. до н.э. – конец 2 тыс. до н.э.) и позднюю (конец 2 тыс. до н.э. – конец 1 тыс. до н.э.). Основным датирующим объектом эпох являются бронзовые кинжалы. Для ранней стадии характерен так называемый кинжал пипха, а для поздней – тонкий латунный кинжал [10, с. 176]. Вторым по значению датирующим объектом являются захоронения. В первую очередь это дольмены разных модификаций: чхинчхонский (кор. 침촌형), одокский (кор. 오덕형) и мукпанский (кор. 묵방형). Могилы с каменным гробом и каменные гробницы также разнообразны по своему виду и изменяются от эпохи к эпохе [10, с. 175-176].

Северокаорейские учёные подчёркивают, что ранний этап тэдонганской культуры не только связан с основанием Раннего Древнего Чосона, но и является продолжением предыдущего этапа развития культуры бронзового века, что подтверждается на основе однотипности каменных изделий, жилищ, дольменов, могил с каменным гробом, каменных гробниц, крепостных сооружений, волчкообразной керамикой и т.д. [10, с. 131]. Однако особый интерес представляет вывод северокаорейских учёных об эволюции каменных кинжалов пипха в бронзовые [10, с. 135].

Основной вывод исследований северокаорейских историков заключается в том, что тэдонганская культура представляет из себя культуру развитого рабовладельческого общества первого древнего каорейского государства – Раннего Древнего Чосона, которая появилась на основе непрерывного автохтонного развития культур неолита и бронзы и продолжила своё развитие после развала этого государства на отдельные владения вплоть до уничтожения Позднего Древнего Чосона Мана китайцами в 108 г. до

н.э. На основе этой культуры, по мнению северокаорейских учёных, сложились культуры раннефеодальных государств периода Трёх государств – Когурё, Пэкче и Силла.

На финальной стадии этногенеза, после формирования этногенетического ядра и появления единого государства, языковая и культурная общность, а также чувство общего родства поднялись на качественно новый уровень. Поэтому с конца 3 тыс. до н.э. до начала 2 тыс. до н.э. всё население Раннего Древнего Чосона стало единой каорейской нацией [22, с. 57-58], говорившей на едином каорейском языке, который сформировался на основе пхеньянского диалекта древнекаорейского языка [22, с. 105]. Особенно подчёркивается относительная быстрота завершения процесса этногенеза каорейцев, связанная с тем, что каорейцы древнего типа имели общее происхождение [22, с. 57].

По словам северокаорейских учёных, в этом кроется и разгадка относительно спокойного формирования Раннего Древнего Чосона – государства, чьи границы в середине и конце 3 тыс. до н.э. простирались на севере – от нижнего течения р. Ляохэ до среднего течения реки Сунгари и далее до южного Приморья, а на юге – до южного побережья Каорейского полуострова [22, с. 55-56].

Таким образом, каорейская нация, сформировавшаяся вокруг этногенетического ядра, находившегося на территории Каорейского полуострова, сложившегося на основе четырёх общностей (генетической, языковой, культурной и территориальной), появилась более 5 тыс. лет назад и с тех пор непрерывно существовала, развивая свою уникальную культуру и государственность. То есть, согласно чучхейской теории этногенеза каорейцев, каорейская нация является древнейшей из ныне существующих.

Вывод

Чучхеская теория этногенеза каорейцев является на сегодняшний день основной и единственной теорией этногенеза каорейцев в КНДР. Она строится на теоретической основе чучхейской теории нации, основные положения которой были разработаны Ким Ирсеном. В её основу положены данные археологии, палеолингвистики, физической антропологии и этнографии. Среди главных особенностей чучхейской теории этногенеза каорейцев стоит выделить:

- объявление каорейского народа самым древним из непрерывно существующих;
- выделение тэдонганской археологической культуры и включение её в пятёрку древнейших цивилизаций человечества [24];

• отрицание миграционного характера формирования каорейцев;

• утверждение о формировании изолированной генетической популяции со времени верхнего палеолита (каорейцев древнего типа), отличающийся морфологически от популяций соседних регионов;

• объявление долины реки Тэдонган и ещё уже – Пхеньяна – центром формирования каорейского народа с самых незапамятных времён.

Вместе с тем, целый ряд её положений выглядит весьма спорными. Наибольшие сомнения вызывает факт генетического родства каорейцев и автономность их развития начиная с периода верхнего или даже среднего палеолита. Большинство современных отечественных и зарубежных каорееведов признают возможность непрерывного генетического родства населения Кореи лишь с периода неолита. Кроме того, в мировом каорееведении сложился консенсус относительно миграционного характера этногенеза каорейцев, проходившего на полиэтнической основе.

Кроме того, вопросы вызывает выделение специфической тэдонганской археологической культуры и её периодизация. Большинство российских и зарубежных специалистов указывают на связь бронзовой культуры Каорейского полуострова с протокаитайской шан-иньской, южносибирской и северокаитайской ордосской бронзовой культурами, а временем проникновения её из Южной Манчжурии в Корею указывают 1 тыс. до н.э., что входит в явное противоречие с указанной северокаорейскими специалистами нижней границей тэдонганской культуры (3 тыс. до н.э.).

Вызывает сомнение и сам факт сложения каорейского этноса в столь древний период. Несмотря на отсутствие полного консенсуса среди каорееведов по данному вопросу, авторы придерживаются мнения, что появление единого каорейского этноса не могло произойти раньше VIII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ке Сынму. Кодэсиги чосонминчжокый хёнсонэ тэхан рёксачжок кочхаль (Историческое исследование формирования каорейской нации древнего периода) // Чосонкодэсаёнгу. 2004. № 1. С. 106-128.
2. Ким Тхэу. Пукханный Сталин минчжокирон суёнхва итхаль квачжон (Процесс применения и отказа от сталинской теории нации в КНДР) // Ёксава хёнсилль. 2002. № 44. С. 256-285.
3. Ко Кванрёль. Сибириетчуминдыльква кубёльтвенын синсоккисидэ чосонетрюхёнсарам (Каорейцы древнего типа период неолита, отлич-

чающиеся от древних жителей Сибири) // Чосонкокоёнгу. 2013. № 1. С. 22-27.

4. Ко Кванрёль. Чунгукетчуминдыльква кубельтвенын синсоксидэ чосонетюхёнсарам (Корейцы древнего типа периода неолита, отличающиеся от древних жителей Китая) // Чосонкокоёнгу. 2013. № 4. С. 2-6.

5. Сталин И.В. Сочинения. Т. 2. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946.

6. Хёндэ чосонмаль сачжон (Словарь современного корейского языка). Пхеньян: Сахвеквахакчхульпханса, 1968.

7. Хёндэ чосонмаль сачжон. Чэ 2 пхан (Словарь современного корейского языка. 2-е издание). Пхеньян: Квахак, пэкквасачжончхульпханса, 1981.

8. Чан Учжин. Чосонминчжокый палсанчжи Пхёнъян (Место возникновения корейской нации – Пхеньян). Пхеньян: Сахвеквахакчхульпханса, 2000.

9. Чан Учжин. Чосонсарамый сивонмунчжэ тэхаё (О вопросе происхождения корейцев) // Чосонкокоёнгу. 1987. № 3. С. 2-5.

10. Чи Хвасан, Со Куктхэ. Тэдонганмунхва (Тэдонганская культура). Пхеньян: Вегукчхульпханса, 2011.

11. Чосон рёкса кёгвасо ёно хэсоль (Объяснение терминов в учебнике истории Кореи). Пхеньян: Кёюк тосо чхульпханса, 1956.

12. Чосонмаль сачжон 2: т – м (Словарь корейского языка 2: тигыт – мийм). Пхеньян: Чосон минчжучжун инмин конхвагук квахаквон чхульпханса, 1961.

13. Чосонмальсачжон (Словарь корейского языка). Пхеньян: Квахакпэкквасачжончхульпханса, 2004.

14. Чосонмальсачжон: хаксэнъён (Словарь корейского языка: для учащихся). Пхеньян: Кёюктосочхульпханса, 1993.

15. Чосонмальтэсачжон (Большой словарь корейского языка). Пхеньян: Сахвеквахаквон, 1997.

16. Чосонмунхваосачжон (Словарь литературного корейского языка). Пхеньян: Сахвеквахакчхульпханса, 1973.

17. Чосоно сосачжон (Малый словарь корейского языка). Пхеньян: Чосон минчжучжун инмин конхвагук квахаквон чхульпханса, 1956.

18. Чосонтхонса (сан) (Общая история Кореи (ч. 1)). Пхеньян: Квахаквончхульпханса, 1962.

19. Чосонтхонса (сан) (Общая история Кореи (ч. 1)). Пхеньян: Квахаквончхульпханса, 1958.

20. Чосонтхонса (сан) (Общая история Кореи (ч. 1)). Пхеньян: Пэкквасачжончхульпханса, 1977.

21. Чосонтхонса (сан) (Общая история Кореи (ч. 1)). Пхеньян: Сахвеквахакчхульпханса, 1987.

22. Чосонтхонса (сан) (Общая история Кореи (ч. 1)). Пхеньян: Сахвеквахакчхульпханса, 2009.

23. Чхве Инчхоль, Квон Сынан. Чосонтандэса. 1. Кочосон, Пуёпхён (Династийная история Коре. 1. Древний Чосон, Пуё). Пхеньян: Квахакпэкквасачжончхульпханса, 2011.

24. (Чхвесин) Чосончидо ((Самая новая) Карта Кореи). Токио: Хакусобан, 1999.

25. Чхольхаксачжон (Философский словарь). Пхеньян: Сахвеквахакчхульпханса, 1970.

26. Чхончхисачжон (Политический словарь). Пхеньян: Сахвеквахакчхульпханса, 1973.

27. Pai Hyung Il, 2000. Constructing «Korean» origins: a critical review of archaeology, historiography, and racial myth in Korean state-formation theories. Cambridge: Harvard University Asia Center.

REFERENCES

1. 계승무, 2004. 고대시기 조선민족의 형성에 대한 역사적 고찰 [Historical study of the formation of the Korean nation of the ancient period], 조선고대사연구, № 1, pp. 106-128. (in Korean)

2. 김태우, 2002. 북한의 스탈린 민족이론 수용과 이탈 과정 [The process of applying and abandoning the Stalinist theory of the nation in North Korea], 역사와 현실, № 44, pp. 256-285. (in Korean)

3. 고헌열, 2013. 씨비리옛주민들과 구별되는 신석기시대 조선옛류형사람 [Ancient Koreans of the Neolithic period different from the ancient inhabitants of Siberia], 조선고고연구, № 1, pp. 22-27. (in Korean)

4. 고헌열, 2013. 중국옛주민들과 구별되는 신석기시대 조선옛류형사람 [Ancient Koreans of the Neolithic period different from the ancient inhabitants of China], 조선고고연구, № 4, pp. 2-6. (in Korean)

5. Stalin, I.V., 1946. Sochineniya [Works]. T. 2. Moskva: OGIЗ; Gosudarsvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury. (in Russ.)

6. 현대조선말사전 [Dictionary of modern Korean language]. 평양: 사회과학출판사 어문편집부, 1968. (in Korean)

7. 현대조선말사전 (제2판) [Dictionary of modern Korean language. 2nd edition]. 평양: 과학, 백과사전출판사, 1981. (in Korean)

8. 장우진, 2000. 조선민족의 발상지 평양 [The place of origin of Korean nation – Pyongyang]. 평양: 사회과학출판사. (in Korean)

9. 장우진, 1987. 조선사람의 시원문제에 대하여 [On the issue of the origin of the Koreans], 조선고고연구, № 3, pp. 2-5. (in Korean)

10. 지화산, 서국태, 2011. 대동강문화 [Taedonggang culture]. 평양: 외국출판사. (in Korean)

11. 조선 력사 교과서 용어 해설 [Explanation of terms in the Korean history textbook]. 평양: 교육 도서 출판사, 1956. (in Korean)

12. 조선말 사전 2: ㄷ – ㅁ [Dictionary of Korean language 2: t – m]. 평양: 조선 민주주의 인민 공화국 과학원 출판사, 1961. (in Korean)

13. 조선말사전 [Dictionary of Korean language]. 평양: 과학백과사전출판사, 2004. (in Korean)

14. 조선말사전: 학생용 [Dictionary of Korean language for students]. 평양: 교육도서출판사, 1993. (in Korean)

15. 조선말대사전 [Big dictionary of Korean language]. 평양: 사회과학원, 1997. (in Korean)

16. 조선문화어사전 [Dictionary of literary Korean language]. 평양: 사회과학출판사, 1973. (in Korean)

17. 조선어 소사전 [Small dictionary of Korean language]. 평양: 조선 민주주의 인민 공화국 과학원, 1956. (in Korean)

18. 조선통사 (상) [General history of Korea. Part 1]. 평양: 과학원출판사, 1962. (in Korean)

19. 조선통사 (상) [General history of Korea. Part 1]. 평양: 과학원출판사, 1958. (in Korean)

20. 조선통사 (상) [General history of Korea. Part 1]. 평양: 과학, 백과사전출판사, 1977. (in Korean)

21. 조선통사 (상) [General history of Korea. Part 1]. 평양: 사회과학출판사, 1987. (in Korean)

22. 조선통사 (상) [General history of Korea. Part 1]. 평양: 사회과학출판사, 2009. (in Korean)

23. 최인철, 권승안, 2011. 조선단대사. 1. 고조선, 부여편 [Dynasty history of Korea. 1. Ancient Joseon, Puyo]. 평양: 과학백과사전출판사. (in Korean)

24. (최신) 조선지도 [(The newest) map of Korea]. 東京: 학우서방, 1999. (in Korean)

25. 철학사전 [Philosophical dictionary]. 평양: 사회과학출판사, 1970. (in Korean)

26. 정치사전 [Political dictionary]. 평양: 사회과학출판사, 1973. (in Korean)

27. Pai Hyung Il, 2000. Constructing «Korean» origins: a critical review of archaeology, historiography, and racial myth in Korean state-formation theories. Cambridge: Harvard University Asia Center.



ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

УДК 94:621.311.1(571.6)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-2/52-59

А.В. Маклюков*

ИЗУЧЕНИЕ ВОДНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В ГОДЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

1930-е гг. ознаменовались активизацией научных исследований природных богатств Дальнего Востока, поиском новых источников энергии для развития местной промышленности. В статье рассматривается история изучения водно-энергетических ресурсов Дальнего Востока в годы индустриализации. Многочисленные экспедиции и изыскательские партии изучили десятки крупных и малых дальневосточных рек. Ученым и инженерам-гидротехникам удалось исследовать и практически оценить колоссальный и уникальный водно-энергетический потенциал Дальнего Востока.

Ключевые слова: водно-энергетические ресурсы, гидроэнергетика, гидроэлектростанции, индустриализация, электроэнергия, Дальний Восток

The study of water energy resources in the Soviet Far East during the years of industrialization. ALEKSEY V. MAKLYUKOV (Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The article is devoted to the history of studying the water energy resources of the Soviet Far East in the years of industrialization. The period of 1930s was marked by the active research of the natural resources of the Far East, the search for new sources of energy for the development of local industry. Numerous expeditions and prospecting parties have studied dozens of large and small Far Eastern rivers. Scientists and hydraulic engineers were able to study and practically assess the unique water energy potential of the region. They believed that hydropower plants would be able to provide a significant amount of cheap electric power for the national economy, thereby contributing to the socio-economic development of the region.

Keywords: water energy resources, hydroelectricity, hydrostations, industrialization, energy, Russian Far East

Актуальность темы данного исследования обусловлена необходимостью осмысления исторического опыта российской модернизации, места и роли Дальнего Востока страны в этом процессе. Уникальные природные богатства дальневосточного региона с XVII в. привлекали внимание государства и промышленников, стимулировали продвижение России на восток. В годы индустриализации советское правительство прилагало значительные усилия для поис-

ка и разведки месторождений полезных ископаемых, источников энергии, которые могли бы обеспечить развитие отечественной промышленности. 1930-е гг. ознаменовались активизацией научных исследований ресурсов Дальнего Востока, в том числе изучения его водно-энергетического потенциала, характеризовавшегося значительным масштабом проводимых работ.

В России изучение и освоение водно-энергетических ресурсов началось в конце XIX – начале XX вв., когда с модернизацией экономики страны наметилось ускорение развития электроэнергетики как важнейшей составляющей промышленности. Впервые вода как источник электрической энергии стала использоваться в горнодобывающей промышленности Сибири [1, с. 19]. На Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. изучение водных ресурсов велось в основном с целью транспортного освоения. Гидроэнергетика, в отличие от других территорий России, здесь не получила развитие. Регион являлся слабозаселенным и слабо освоенным в хозяйственном и промышленном отношении.

Первые научно-исследовательские работы по водным ресурсам Дальнего Востока носили описательный, географический характер, дополнявшиеся геологическими и геофизическими данными. С конца XIX в. проводились систематические гидрометрические наблюдения, составлялись гидрологические и топографические описания. В частности, в 1914 г. была издана коллективная работа «Гидрологическое описание Приморской области», в которой были собраны сведения о бассейне р. Суйфун и о. Ханка (Государственный архив Приморского края, далее – ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 133. Л. 85).

Перспективы изучения и использования водных энергетических ресурсов в России стали предметом широкого обсуждения в первые годы советской власти, особенно в период деятельности комиссии ГОЭЛРО. С этого времени началось планомерное и систематическое изучение водно-энергетического потенциала страны. На востоке России в 1920-1921 гг. бюро по использованию водных сил Сибири «Сибисполовод» впервые провело ряд экспедиций по исследованию энергетической возможности использования крупных рек вблизи городов Иркутск и Томск [1, с. 67]. Что касается Дальнего Востока, который в плане ГОЭЛРО не учитывался, то первые шаги в области поиска и изучения источников гидравлической силы здесь были сделаны позже, чем в других регионах страны.

Впервые вопрос об использовании воды как источника электрической энергии на Дальнем Востоке подняли экономисты. В статье В.Н. Степанова «Вопросы энергетики Амурской губернии в связи с запасами водной энергии», опубликованной в 1924 г. в журнале «Экономическая жизнь Дальнего Востока», предлагалось строительство на р. Амур ряда водяных станций, которые, по мнению автора, могли бы обеспечить весь город Благовещенск дешевым электричеством [7, с. 36-45]. Однако известный специалист по экономике региона М.И. Целищев по этому поводу отмечал, что «в области электрификации наш Дальний Восток не подвергался никакому изучению..., у нас нет совершенно никаких материалов» (Государственный архив Хабаровского края, далее – ГАХК. Ф. 1151. Оп. 1. Д. 22. Л. 2).

Первые исследования энергетических ресурсов на Дальнем Востоке по заказу органов власти стали проводиться в 1925 г. Тогда Приморское губернское экономическое совещание приняло решение создать комиссию по электрификации края. Ей поручалось провести изучение губернии для определения районов с наибольшим потреблением электроэнергии и спроектировать новые электростанции. К работе подключились ученые и специалисты Государственного Дальневосточного университета (ГДУ): профессор В.П. Вологдин, инженер-электротехник В.А. Кравцов, инженер-электромеханик К.В. Ковальский, инженер-теплотехник М.Я. Чернышев и др. [6, с. 75]. Следует отметить, что в 1920-е гг. ГДУ являлся не только центром высшего образования, но и ведущим научным учреждением региона.

Весной 1925 г. небольшая экспедиция под руководством В.П. Вологодина исследовала ближайшие водные источники возле г. Никольск-Уссурийск. Внимание специалистов привлекла р. Суйфун, где детально был изучен участок течения реки у ж/д ст. Барановский. Проведенные наблюдения и собранные данные позволили составить рабочий проект гидроэлектростанции (ГЭС) на 8000 кВт. Предполагалась сооружение плотины длиной 300 м. с подъемом воды до 3-10 м. Однако этот первый проект ГЭС остался в материалах работы комиссии по электрификации, средств на его реализацию не нашлось (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее – РГИА ДВ. Ф. Р-109. Оп. 1. Д. 1. Л. 2).

До начала 1930-х гг. водные ресурсы Дальнего Востока в основном продолжали изучаться

* МАКЛЮКОВ Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, доцент Департамента истории и археологии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

© Маклюков А.В., 2017

в рамках геофизических, гидрологических и гидрометеорологических направлений. Исследования проводились разрозненными ведомственными организациями и учреждениями. В конце 1920-х гг. государство провозгласило курс на «сближение науки с производством», на Дальнем Востоке, как и по всей стране, происходило создание специализированных научно-исследовательских институтов [5, с. 58]. В 1930 г. во Владивостоке открылся Геофизический институт, в составе которого начал работать отдел Гидрологии внешних вод, объединивший все региональные исследования в области гидрологии. В 1931 г. отдел Гидрологии под руководством инженера Чернецкого провел несколько экспедиции на реках Приморья. Их результатом стало составление «Гидрологического очерка по Владивостокскому району» (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 133. Л. 85).

Значительный вклад в изучение дальневосточных рек в конце 1920-х – начале 1930-х гг. внес Дальневосточный политехнический институт (ДВПИ), созданный на базе технического факультета ГДУ. С 1928 г. институт начал подготовку инженеров гидротехнической специальности. Преподаватели, студенты и выпускники ДВПИ принимали активное участие в работе научных экспедиций отдела Гидрологии Геофизического института и проектно-изыскательских партий. В 1933 г. квалификацию инженеров-гидротехников получили 10 выпускников. Среди них – В.Г. Черненко, который занимался методикой расчетов регулирования стока дальневосточных рек. В период до 1934 г. строительный факультет ДВПИ выпустил 29 гидротехников, однако затем их подготовка прекратилась [8, с. 291-292].

Развернувшаяся в СССР индустриализация потребовала изучения и освоения новых энергетических источников, необходимых для надежного обеспечения электрической энергией создаваемой промышленной инфраструктуры. В связи с этим в декабре 1930 г. Госплан СССР начинает работу по составлению Генерального плана электрификации страны, отвечающего новым направлениям в развитии электроэнергетики и научно-техническим достижениям в этой области. На местах партийно-хозяйственным органам поручалось создать специальные комиссии по разработке региональных планов электрификации для сведения их в единый Генплан. Такая комиссия на Дальнем Востоке создана 20 марта 1931 г. по постановлению президиума Далькрайисполкома (ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 1. Д. 142. Л. 183).

Созыв масштабной региональной комиссии привлек внимание научной общественности всего Дальнего Востока, Сибири и других регионов СССР. Принять участие в ее работе изъявили желание ученые и специалисты из ДВПИ, Сибирского угольного института, Геофизического института, Дальневосточного научно-исследовательского института, Дальневосточного геологоразведочного управления, Тихоокеанского института сельского хозяйства и других организаций. Над Генпланом трудились известные сибирские и дальневосточные ученые: В.П. Вологдин, В.С. Пак, Ф.И. Трухин, В.А. Кравцов и др. (ГАПК. Ф. Р-52. Оп. 8. Д. 3. Л. 1-6).

Комиссия по составлению «Генплана электрификации ДВК» работала в г. Владивосток в здании главного корпуса ДВПИ на ул. Пушкинская, 10 в течение 10 дней: с 29 апреля по 9 мая 1931 г. Ученые и специалисты рассматривали различные вопросы изучения и использования энергетических ресурсов региона. На заседании 30 апреля 1931 г. с докладом «Водно-энергетические ресурсы Дальнего Востока» выступил А.А. Исполинов – специалист по водному режиму р. Зея, посвятивший многие годы ее изучению. Доклад основывался на данных, предоставленных отделом Гидрологии внешних вод Геофизического института. В своем докладе А.А. Исполинов отмечал, что Дальневосточный край обладает огромным водно-энергетическим потенциалом (53 крупные реки) и по запасам водной энергии занимает третье место в СССР. Комиссии Генплана в развитии энергетического хозяйства региона докладчиком рекомендовалось отдать приоритет развитию гидроэнергетики. Речь шла о гипотетической возможности строительства 19 гидроэлектростанций (ГЭС) на крупнейших дальневосточных реках, среди которых – Амур, Зея, Бира, Колыма, Амгунь, Сучан, Аввакумовка и др. Автор доклада подчеркивал, что строительство плотин на реках, помимо выработки электричества, позволяло также избежать тяжелых последствий летних наводнений, которые были характерны для Дальнего Востока и наносили огромный ущерб народному хозяйству. Предлагалось перегородить реки Зею, Селемджу и Бурею, так как именно они причиняли главные беды бассейну Амура (ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 1. Д. 142. Л. 54, 293об).

Прочитанный А.А. Исполиновым доклад вызвал большой научный интерес среди ученых и специалистов, участвовавших в работе комиссии. Профессор Ф.И. Трухин, выступивший оппонентом докладчика, выразил сомнение в

возможности использования гидравлической силы дальневосточных рек, указывая на то, что собранные данные о водно-энергетических ресурсах региона являются весьма поверхностными и приблизительными. Поэтому Ф.И. Трухин выступал за разработку традиционных топливных ресурсов – угля и нефти. Этой точки зрения придерживался и профессор В.А. Кравцов. После длительного обсуждения доклада, 3 мая 1931 г. комиссия приняла следующую резолюцию: «1. Водно-энергетические запасы вместе с другими энергетическими источниками должны послужить базой электрификации ДВК; 2. Произведенные отделом Гидрологии внешних вод Геофизического института подсчеты являются приблизительными. Необходимо провести специальное изучение водно-энергетических ресурсов ДВК» (ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 1. Д. 142. Л. 292об.).

Следует отметить, что у ученых и специалистов при работе над планом электрификации Дальнего Востока возникло немало трудностей. Главная проблема заключалась в слабой изученности ресурсов края. «Даже геологами ДВК исследован менее чем на 10 %. При таких скудных данных что-либо планировать практически невозможно» – отмечалось в протоколе № 1 работы комиссии (ГАПК. Ф. Р-52. Оп. 8. Д. 3. Л. 6). Поэтому в резолюцию от 3 мая 1931 г. внесли пункт № 5: «Немедленно и всесторонне провести укрепление в ДВК сети научно-исследовательских институтов, а также всех существующих в крае отраслевых НИИ. Необходимо также создание специализированного Энергетического института» (ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 1. Д. 142. Л. 198).

Работа комиссии продолжилась спустя 3 месяца в сентябре 1931 г. В результате был намечен Генеральный план электрификации ДВК до 1945 г., согласно которому помимо ряда крупных тепловых станций предполагалось строительство четырех гидроэлектростанций на реках Бира, Селемджа, Зея и Бурея. Максимальная суммарная мощность всех будущих ГЭС Дальнего Востока оценивалась в 772 000 кВт. При этом гидроэлектростанциям отводилась ведущая роль в конечной реализации Генплана и создании мощной энергетической базы для народного хозяйства. Рассчитывалось, что к 1945 г. ГЭС будут вырабатывать более 40% всей электроэнергии в регионе [2, с. 72-73].

Поставленные в Генплане задачи требовали скорейшего изучения притоков р. Амур для разработки и реализации проектов запланиро-

ванных ГЭС. Однако, несмотря на открытие в начале 1930-х гг. на Дальнем Востоке новых специализированных институтов в рамках развития отраслевой науки, Энергетического института создано не было. Все научные, практические и хозяйственные вопросы, связанные с изучением водных энергоресурсов, были переданы союзному тресту Гидроэлектропроект. В апреле 1932 г. в г. Хабаровск трест открыл «секцию изучения Амура». Для работы на Дальний Восток были отправлены ученые и инженеры-гидротехники из Москвы и других районов СССР. В августе 1932 г. с прибытием специалистов началась организация первых экспедиций в бассейны дальневосточных рек (РГИА ДВ. Ф. Р-2848. Оп. 1. Д. 75. Л. 20; Д. 81. Л. 1).

В 1932-1934 гг. экспедиции Секции изучения Амура Гидроэлектропроекта провели обследования главных притоков р. Амур, в результате были собраны необходимые данные и составлены первые технико-экономические доклады и гипотезы. В частности, в 1933 г. пройден участок от р. Бурея до ее притока р. Ниман протяженностью свыше 400 км. В 1934 г. Зейская экспедиция изучала проблему использования гидравлической силы р. Зея. Полученные данные позволили создать первую схему энергетического использования реки. В ней предусматривалось строительство регулирующих плотин, совмещенных с ГЭС на средней Зее и Селемдже. Также проводилась разведка водных энергоресурсов в районе нового строящегося промышленного центра – Комсомольска-на-Амуре. В 1934 г. специальные экспедиции отправились на р. Горин и р. Хунгари, где по руслам рек прошли в общей сложности свыше 315 км. В результате этих работ выявлены благоприятные условия для строительства ГЭС на р. Горин и набросан ее рабочий проект (РГИА ДВ. Ф. Р-2848. Оп. 1. Д. 75. Л. 20).

В середине 1930-х гг. масштабы изучения водных энергетических ресурсов на Дальнем Востоке увеличились. В 1935 г. создается всесоюзный государственный проектно-изыскательский институт Гидроэнергопроект. В мае 1935 г. в г. Хабаровске вместо секции изучения Амура открывается Дальневосточное отделение Гидроэнергопроекта (ДВО). В первые годы происходило его организационное оформление. К 1937 г. в структуру ДВО входило пять подразделений с общим штатом 76 человек: 1) управление отделом (4 чел.); 2) энерго-экономическая группа (6 чел.); 3) гидрологическая группа (59 чел.); 4) топографическая группа (8 чел.); 5) геоло-

гическая группа (5 чел.). Кроме того, в экспедициях и проектно-изыскательских партиях во время проведения полевых и исследовательских работ находилось в среднем по 200-270 инженеров, техников и рабочих. Управляющим ДВО назначен инженер Г.А. Кудинов, главным инженером – В.П. Нагорный (РГИА ДВ. Ф. Р-2848. Оп. 1. Д. 87. Л. 5об; Д. 75. Л. 19, 63).

В соответствии с партийно-государственными установками о скорейшем превращении Дальнего Востока в «индустриальный край» в середине 1930-х гг. приоритетное внимание было уделено изучению и разработке проектов ГЭС для электроснабжения крупных промышленных центров. 25 апреля 1935 г. бюро Далькрайкома ВКП (б) поставило задачу по дальнейшему изучению р. Горин и проектированию ГЭС для создаваемых предприятий тяжелой промышленности в г. Комсомольск-на-Амуре. На проведение научно-изыскательских и проектных работ в 1935 г. выделялось 2 150 000 руб. Осенью 1935 г. на р. Горин отправилась первая экспедиция проектного бюро ДВО, но из-за позднего начала работ и наступления холодов намеченная программа выполнена не была. Весной 1936 г. началось обустройство основного рабочего лагеря: построены деревянные бараки, столовая, хлебопекарня и прачечная. К лету 1936 г. на р. Горин трудились 121 чел., а к началу 1938 г. – 263 чел. (РГИА ДВ. Ф. Р-2848. Оп. 1. Д. 81. Л. 1; Д. 87. Л. 6об).

В 1936-1938 гг. благодаря комплексному изучению р. Горин удалось разработать первый на Дальнем Востоке технический проект ГЭС. Согласно подготовленному технико-экономическому докладу Горинской экспедиции строительство плотины длиной в 1000 м предполагалось в 36 км от устья р. Горин и 45 км от г. Комсомольск-на-Амуре. Проектная мощность рассчитывалась на 65000 кВт с ежегодным отпуском 270 млн. кВт/ч электроэнергии. Общая стоимость ГЭС оценивалась в 175 млн. руб. или 2750 руб. на 1 установленный кВт мощности, а себестоимость электроэнергии 1,2 коп. кВт/ч (РГИА ДВ. Ф. Р-2848. Оп. 1. Д. 81. Л. 3; ГАХК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 9. Л. 1, 3).

Другой задачей для ДВО Гидроэнергопроекта стало изучение главных притоков Амура и Уссури – рек Хор, Мухен и Кур – с целью выявления гидравлических источников для электроснабжения промышленности г. Хабаровск. Город, как и Комсомольск-на-Амуре, располагался в значительном отдалении от ближайших месторождений топлива, поэтому специалисты считали не-

рациональным строительство крупной тепловой электростанции, работающей на привозном топливе. Ученые, экономисты и инженеры-энергетики считали, что обеспечение электроэнергией этих крупных дальневосточных промышленных городов от гидроэлектростанций является наиболее правильным, надежным и экономически выгодным решением (РГИА ДВ. Ф. Р-2848. Оп. 1. Д. 81. Л. 3; ГАХК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 2. Л. 11).

В 1936-1938 гг. экспедиции ДВО под руководством инженера-гидротехника В.П. Репкина провели рекогносцировочное изучение р. Хор, выявили наиболее удобные участки для строительства плотин и собрали для этого все необходимые данные. В результате началась разработка проектов сразу двух ГЭС – Сукпойской и Ходовской. Рассчитывалось, что плотины можно разместить в 130 и 140 км от г. Хабаровска. Каждая ГЭС проектировалась на мощность 75 000 кВт с отпуском 300 млн. кВт/ч в год. К площадкам ГЭС предполагалась прокладка железнодорожных подъездных путей и строительство рабочего поселка. Срок сооружения объектов рассчитывался на 4-5 лет, капиталовложения оценивались в 275 млн. руб. (РГИА ДВ. Ф. Р-2848. Оп. 1. Д. 81. Л. 8-10).

В технико-экономическом докладе по р. Хор, подготовленном инженером В.П. Репкиным, отмечалось, что сооружение ГЭС, помимо надежного энергоснабжения потребителей г. Хабаровск, решало и целый ряд других важных для Дальнего Востока хозяйственных задач. Во-первых, во время наводнения предотвращалось затопление заселенной и плодородной долины в низовьях р. Хор. Во-вторых, создавались благоприятные условия судоходства до створа плотин. В-третьих, в орбиту хозяйственного освоения входил огромный лесной массив р. Хор, где можно было построить комбинат целлюлозно-бумажной, лесообрабатывающей и лесохимической промышленности. И, в-четвертых, в среднем неосвоенном течении р. Хор мог быть построен первый в крае новый город энергетиков. По мнению В.П. Репкина, путь создания гидроэнергетики позволял сохранить на Дальнем Востоке ценное минеральное топливо (уголь, нефть), необходимое для других отраслей тяжелой промышленности, в первую очередь металлургии, а также правильное выстроить и развивать транспортную логистику (РГИА ДВ. Ф. Р-2848. Оп. 1. Д. 81. Л. 14).

Работы по изучению водно-энергетического потенциала Дальнего Востока в 1930-е гг. не ограничивались только исследованиями круп-

ных речных артерий региона. В 1935-1936 гг. экспедиции ДВО Гидроэнергопроекта провели обследования на малых реках Уй, Хаде и Тутто возле г. Советская Гавань. Здесь изучались возможности сооружения ГЭС мощностью до 15 000 кВт. (ГАХК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 9. Л. 5). В 1935 г. по заданию Крайисполкома ДВК экспедиции направились в Амурскую и Уссурийскую области «для выбора наиболее удобных участков и створов рек, поиска мест для сооружения мелких гидроустановок, которые могли бы использоваться для населенных пунктов». В частности, в Приморье были обследованы русла рек Раковка, Горбуша, Аввакумовка, Сучан, Тетюхе и др. В результате работ был составлен подробный отчет «Гидростанции на малых реках Амурской и Уссурийской областей». Как показали полученные данные, гидрологические и топографические условия рек Приморья «оказались недостаточно благоприятными для широкого использования их гидроэнергетических возможностей» [3, с. 1]. В то же время проведенные исследования позволили инженеру Булгакову собрать ценные сведения и издать в 1936 г. научную работу «Об отводе ливневых вод в условиях Приморской области – о коэффициенте стока для Приморья» (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 133. Л. 85).

В Приморье внимание специалистов привлекла только р. Тетюхе, сюда была отправлена дополнительная экспедиция ДВО Гидроэнергопроекта. Она более детально изучила русло реки на протяжении 75 км, обнаружив благоприятные участки для строительства плотин. В 1937 г. стал разрабатываться проект ГЭС на 15000-25000 кВт. Станция предназначалась для электроснабжения Сихотэ-Алинского полиметаллического комбината. Предприятие находилось в изолированной горной местности и испытывало острый дефицит в электроэнергии, который, по мнению специалистов, можно было полностью покрыть, используя энергию р. Тетюхе (ГАХК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 9. Л. 5).

Следует отметить, что исследования гидротехников на Дальнем Востоке затруднялись бездорожьем, чрезвычайно низкими температурами и отсутствием картографических сведений. Работы в основном велись в непроходимой тайге, русла рек зачастую оказывались труднопроходимыми. Измерительные, топографические и гидрологические приборы в экспедиции поступали со значительным опозданием. Их доставка из Москвы длилась от пяти месяцев до года. Буровое оборудование, как правило, отсутство-

вало, работы выполнялись вручную. Тяжелые условия труда и недостаток инструментов усугублялись острой нехваткой продовольствия, нередко перераставшей в настоящий голод. Гидротехникам и рабочим постоянно приходилось испытывать лишения, жить в условиях отсутствия самых элементарных удобств.

В конце 1930-х гг. из-за обострения международной обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе, пограничного положения и формирования очага напряженности вдоль границ Дальнего Востока, дальнейшее изучение природно-сырьевых ресурсов в регионе было практически свернуто. На первый план вставали задачи по укреплению обороноспособности Дальнего Востока. Директивными решениями центральных партийных и советских органов закрывались крупные научные учреждения края, в частности – Дальневосточный филиал АН СССР (открытый в 1932 г.). Это нанесло разрушительный удар по дальневосточной науке и тем исследованиям, которые проводились в регионе [6, с. 179].

С 1937 г. началось резкое сокращение государственного финансирования ДВО Гидроэнергопроекта. Московское руководство настоятельно требовало скорейшего составления конкретных проектов ГЭС, ускоряло все стадии и сроки выполнения необходимых работ, следуя исключительно цифрам плановых заданий в ущерб планомерному изучению дальневосточных водно-энергетических ресурсов. В 1937-1938 гг. объемы и темпы производственных работ ДВО стали резко снижаться, более чем в 2 раза сократился штат инженерно-технических работников, техников и рабочих (РГИА ДВ. Ф. Р-2848. Оп. 1. Д. 75. Л. 75).

Начиная с 1939 г. на Дальнем Востоке изучение водно-энергетических ресурсов практически прекратилось, новые поисковые работы не проводились. Функции ДВО Гидроэнергопроекта были переданы новым создаваемым комплексным изыскательным партиям (КИП), которые занимались только разработкой технических проектов ГЭС и подготовительными работами для их строительства. Переходя «от теории к практике», директивными решениями хозяйственных органов на Дальнем Востоке были организованы 2 КИП: Горинская и Тетюхинская. В частности, в 1939 г. для работы Горинской КИП было выделено 27 090 000 руб. Деятельность ДВО Гидроэнергопроекта была сведена к нулю, оно продолжало существовать формально, реально выполняя работы по изуче-

нию региональных энергоресурсов в «кабинете» (РГИА ДВ. Ф. Р-2848. Оп. 1. Д. 82. Л. 4).

Создание новых организаций и изыскательских партий, распределение средств в их пользу в конечном итоге не принесло ожидаемых результатов. Работы не сдвигались дальше доработки старых проектов и подготовки площадок под сооружение ГЭС. В то же время строительство таких технически сложных энергообъектов требовало немалых финансовых, материальных, людских и, главным образом, временных затрат, что в условиях возможной войны на Тихом океане достаточно непросто было осуществить. В итоге затянувшиеся на несколько лет работы на Горинской и Тетюхинской площадках ГЭС в июне 1941 г., когда началась Великая Отечественная война, были полностью прекращены [5, с. 67].

Несмотря на небольшой период деятельности Секции по изучению Амура Гидроэлектропроекта и ДВО Гидроэнергопроекта (1932-1938 гг.), за эти годы удалось проделать колоссальную по объему и масштабную по географическому охвату исследовательскую работу. Многочисленные экспедиции и изыскательские партии, пройдя тысячи километров пешком, изучили и обследовали десятки крупных и малых дальневосточных рек. В результате было подготовлено множество подробных топографических, гидрологических и геологических описаний, развернутых карт, издано несколько ценных научных трудов. Практическая значимость исследований заключалась в том, что были составлены интересные технико-экономические доклады, разработаны уникальные проекты крупных и малых ГЭС, намечены перспективы дальнейших исследований и использования водно-энергетических ресурсов Дальнего Востока.

Таким образом, в годы индустриализации ученым и инженерам-гидротехникам удалось внести огромный вклад в изучение богатых природных ресурсов Дальнего Востока, практически оценить его колоссальный и уникальный водно-энергетический потенциал. Несмотря на все трудности, коллективы Секции изучения Амура и ДВО занимались актуальными для края региональными исследованиями. Именно в эти годы впервые ученые увидели в освоении водно-энергетических ресурсов региона будущее его рационального, надежного и экономически выгодного электроснабжения. Они считали, что гидроэлектростанции смогут обеспечить значительный объем производства дешевой электроэнергии для народного хозяйства, тем самым способствуя ускорению социально-эко-

номического развития региона. Исследования, проведенные в 1930-е гг., в последующем легли в основу будущих проектов ГЭС на Дальнем Востоке. В частности, в 1950-е – 1960-е гг. собранные данные о р. Зея помогли в проектировании институтом Гидропроект первой крупнейшей дальневосточной ГЭС – Зейской, строительство которой развернулось с 1964 по 1980 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Ч. 1: 1885-1950. Новосибирск: Наука, 1973.
2. Генеральный план электрификации СССР. Т. 8. Ч. 1. Сводный план электрификации. М.-Л., 1932.
3. Гидростанции на малых реках Амурской и Уссурийской областей. Хабаровск, 1936.
4. Маклюков А.В. Развитие энергетической базы военно-промышленного производства на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны // Россия и АТР. 2015. № 2. С. 64-75.
5. Малявина Л.С. Научные учреждения советского Дальнего Востока в 1920-е – 1930-е гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 2. С. 55-60.
6. Малявина Л.С. В условиях «необъявленной войны»: особенности развития образовательной системы Дальнего Востока в 1930-е гг. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 3. С. 174-181.
7. Степанов В.Н. Вопросы энергетики Амурской губернии в связи с запасами водной энергии // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1924. № 4. С. 36-45.
8. Хисамутдинова Н.В. Становления высшего технического образования на Дальнем Востоке России (1918–1941): исторический опыт: дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2005.

REFERENCES

1. Alekseev, V.V., 1973. Elektrifikatsiya Sibiri. Istoricheskoe issledovanie. Ch. 1: 1885-1950 [Electrification of Siberia. Historical research. Part 1: 1885-1950]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)
2. General'niy plan elektrifikatsii SSSR. T. 8. Ch. 1. Svodniy plan elektrifikatsii [General plan of electrification of the USSR. Vol. 8. Part 1. Summary plan of electrification]. Moskva-Leningrad, 1932. (in Russ.)
3. Gidrostantsii na malykh rekakh Amurskoi i Ussuriiskoi oblastei [Hydrostations on small rivers of Amur and Ussuri regions]. Khabarovsk, 1936. (in Russ.)

4. Maklyukov, A.V., 2015. Razvitie energeticheskoi bazy voenno-promyshlennogo proizvodstva na Dal'nem Vostoke v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [The development of the energy base of military-industrial production in the Far East during the Great Patriotic War.], Rossiya i ATR, no. 2, pp. 64-75. (in Russ.)

5. Malyavina, L.S., 2011. Nauchnye uchrezhdeniya sovetskogo Dal'nego Vostoka v 1920-e – 1930-e gg. [Scientific institutions of the Soviet Far East in the 1920s and 1930s], Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no. 2, pp. 55-60. (in Russ.)

6. Malyavina, L.S., 2015. V usloviyakh «neobyavlennoi voiny»: osobennosti razvitiya obrazovatel'noi sistemy Dal'nego Vostoka v 1930-e gg.

[In the conditions of "undeclared war": the development of the educational system in the Soviet Far East in the 1930s], Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke, no. 3, pp. 174-181. (in Russ.)

7. Stepanov, V.N., 1924. Voprosy energetiki Amurskoi gubernii v svyazi s zapasami vodnoi energii [Energy issues of Amur region in the context of waterpower reserves], Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka, no. 4, pp. 36-45. (in Russ.)

8. Khisamutdinova, N.V., 2005. Stanovlenie vysshego tekhnicheskogo obrazovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii (1918-1941 gg.): istoricheskii opyt [Formation of higher technical education in the Russian Far East (1918-1941): historical experience], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Vladivostok. (in Russ.)



УДК 37.011.31 (671.66)
DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-2/60-66

Е.В. Ковалева, И.М. Яковенко*

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС И МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УЧИТЕЛЬСТВА КАМЧАТКИ В 1930-е – 1940-е гг.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с историей развития школьного образования на Камчатке и, в частности, с социальным статусом и материальным положением учителей региона в 1930-е – 1940-е гг. Авторы обращают внимание на тяжелые бытовые условия учителей, ненормированный рабочий день, строгий контроль качества их работы со стороны чиновников. При этом отмечается, что положение учителя в обществе было очень весомым, и для большинства учителей занятие педагогической деятельностью означало искреннюю преданность выбранной профессии.

Ключевые слова: Камчатка, школьное образование, учителя, жилищные условия, общественный статус

Social status and financial situation of schoolteachers in Kamchatka, 1930s-1940s.
ELENA V. KOVALEVA, IRINA M. YAKOVENKO (Vitus Bering Kamchatka State University)

The article deals with the history of development of school education in Kamchatka and in particular with the social status and material situation of teachers in the region during the 1930s and 1940s. The authors pay special attention to the difficult living conditions of teachers, irregular working hours, and strict quality control of their teaching by the officials. However, teacher's position in society was both significant and valuable, and for most teachers their profession meant sincere devotion to the chosen field of work.

Keywords: Kamchatka, school education, teachers, housing conditions, social status

Десятилетний период реформ образования отмечается достаточно большим количеством нововведений: единый государственный экзамен, подушевая система финансирования, новая система оплаты труда педагогов, оптимизация сети школ, образовательные стандарты нового поколения, новые программы и учебные предметы, профильное обучение на старшей ступени общего образования и многое др.

Реализация перечисленного должна была привести к достижению высокого качества образования и, конечно, повышению престижа профессии учителя, уважительному отношению к нему. Ведь именно с этой профессией связываются не только (видимые гражданами нашей страны) результаты в обучении и воспитании подрастающего поколения, но и активное социально-эко-

номическое развитие Российской Федерации. Но, к сожалению, «система массового образования, несмотря на многообразие инновационных, творческих движений, не претерпевает принципиальных изменений, продолжает функционировать по-старому, адаптируясь к любым полагаемым извне нововведениям» [3, с. 3].

Заявленная приоритетность системы образования в законе «Об образовании» (1992 г.) и «Законое об образовании в Российской Федерации» (2012 г.) не спасает от снижения ее качества, что, к сожалению, приводит к повышению недовольства профессиональной деятельностью учителей со стороны родителей и общественности в целом. Заметим, что современное общество все чаще и чаще предлагает обратиться к советскому педагогическому опыту. В данной статье речь пойдет об истории развития системы образования на Камчатке и в частности – об отношении здесь к учительству в 1930-е – 1940-е гг., о его социальном статусе и материальном положении в обозначенный период.

Понимая и принимая мысль о том, что «каждый век заново исследует историю на основе интересов, определяемых духом времени» [1, с. 18], мы формулируем нескольких актуальных вопросов: 1) что в обозначенный период содействовало утверждению и поддержанию в обществе уважения к профессии учителя? 2) каково было представление учителей о своем профессиональном предназначении? 3) каким образом учительство в 1930-е – 1940-е гг. за небольшой промежуток времени смогло сплотиться для решения важных социальных и политических задач?

Предпринимаемая нами попытка ответить на обозначенные вопросы требует краткого описания экономической и социальной ситуации на Камчатке. В 1930-е – 1940-е гг. особую роль в экономическом развитии полуострова играло государственное Акционерное Камчатское общество (АКО), которое произвело большой объем работ, благодаря которому Камчатка была включена в экономическую систему СССР. «В сжатые сроки были построены современные рыбоконсервные заводы и ряд других вспомогательных предприятий: лесокомбинат, судовой верфь, жестяно-баночная фабрика, причальные сооружения. К 1939 г. АКО располагало 24-мя рыбокомбинатами, в составе которых были консервные заводы, засольные цеха, маломерный флот, сельскохозяйственные фермы. Камчатская область обеспечивала 14% в общесоюзном рыбном производстве, превратившись в важней-

шую рыбодобывающую и перерабатывающую базу СССР. Вторым направлением деятельности АКО стало создание системы круглогодичных морских транспортных связей [2, с. 41-43].

Начавшееся хозяйственное освоение полуострова способствовало росту населения во всех районах Камчатской области. «Если в 1926 г. население Камчатского округа насчитывало 34 958 человека, то по итогам Всесоюзной переписи 1939 г. в области проживало уже 132 740 человек, т.е. за 12 лет население выросло в 3,7 раза» [2, с. 43].

Увеличение численности населения требовало активного социального развития полуострова Камчатка. В одной из статей «Камчатской правды» за 1935 г. можно прочесть, что 12 апреля 1935 произошло открытие звукового кинотеатра в г. Петропавловске. Первый сеанс посетило 400 школьников (хотя в кинозале было 340 посадочных мест) [6]. 7 декабря 1935 г. была проложена первая аэросанная трасса на Камчатке, точнее, в этот день в поселок Большерецк прибыла аэросанная бригада, которая организовала почтовую связь между Большерецком и Тигилем [5]. В том же году в г. Петропавловске был открыт областной кукольный театр. Его основной задачей стало «обслуживание спектаклями детей школьного и дошкольного возраста». В процессе работы театр столкнулся с тем, что взрослое население Камчатки радовалось спектаклям не меньше детей (Государственный архив Камчатского края, далее – ГАКК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 29. Л. 5). К 1940 г. было показано 590 спектаклей в 212 населенных пунктах, в которых проживало 78 тыс. человек. По собственной инициативе артисты кукольного театра стали оказывать систематическую помощь самодеятельности на местах.

Молодой советской республике было важно поднять не только культурный, но и образовательный уровень подрастающего поколения своей окраины. Экономика нуждалась в квалифицированных кадрах. В 1930 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О всеобщем обязательном начальном обучении». Напомним, что в связи с введением всеобщего начального образования с 1930/31 учебного года требовалось значительное увеличение количества педагогов по всей территории молодой Советской республики, в том числе и в Камчатской области. «Директивный характер этого начинания означал вмешательство партийных руководителей во все дела учителей, постоянное расширение масштабов и наращивание темпов,

* КОВАЛЕВА Елена Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики психолого-педагогического факультета, научный сотрудник Лаборатории этнокультурологии и этнопедагогики Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга

E-mail: eevkov@mail.ru

ЯКОВЕНКО Ирина Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики психолого-педагогического факультета, заведующая Лабораторией этнокультурологии и этнопедагогики Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга.

E-mail: yakovenko.im@yandex.ru

© Ковалева Е.В., Яковенко И.М., 2017

а также тотальную политизацию...» [9, с. 65]. Понятно, почему именно по комсомольским путевкам массово прибывали на Камчатку молодые специалисты не только с Дальнего Востока (Хабаровск, Владивосток), но и из центральных городов Советской России – Москвы, Самары, Тулы.

Несмотря на то, что молодые учителя прибывали постоянно, на протяжении всего десятилетия на полуострове ощущалась нехватка учителей. Не все выдерживали суровый климат полуострова, бытовую неустроенность. Всем приехавшим требовалось обеспечение жилья, с которым, к сожалению, на Камчатке были большие проблемы.

Знакомство с информационным докладом Камчатского обкома ВКП (б) г. Петропавловска по обследованию Соболевской, Кихчинской, Большерецкой начальной средней школы (НСШ) и районного отдела народного образования (РОНО) от 2 апреля 1937 г. подтвердило, что «в наихудшем состоянии находятся жилища учителей». В информационном докладе отмечено, что «из обследованных квартир учителей 3-х школ в хороших условиях живет директор Большерецкой НСШ, в сносных условиях живет завуч той же школы. В невыносимых условиях живут остальные учителя: квартиры холодные до того, что вода к утру замерзает в комнате. Ни одной хотя бы сносно отремонтированной квартиры для учителей нет. Часть учителей квартир не имеют совершенно и живут в помещениях школ в комнатах, которые должны быть отведены под учительскую или под библиотеку» (ГАКК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 120. Л. 22).

Поселения на полуострове в большинстве своем были национальными, где жили коряки, ительмены. Традиционные жилища этих народов – юрты – предполагали общежитие нескольких родственных семей. За неимением других жилищ, прибывшие на Камчатку учителя могли жить совместно с коренным населением, быт которых, конечно, был для них в диковинку. Не лучше были и условия для работы учителей в некоторых селах: например, школа в Анапке помещалась в землянке, а школа Кичигинского комбината – в палатке (ГАКК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 123. Л. 57).

Огромные расстояния между населенными пунктами полуострова накладывали свои отпечатки на развитие сети школ. Школы можно образно охарактеризовать как «карликовые» – от 8-10 человек до 40-50 человек в трех классах (ГАКК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 123. Л. 210). Несмотря

на «размеры» школы, в каждую требовался учитель, вовлеченный во взаимодействие не только с детьми, но и с их родителями. Приехавший издалека учитель воспринимался как по-житейски мудрый, а самое главное – высокообразованный человек, достойный учить людей разных возрастов.

Разбросанность и малочисленность поселений на Камчатке не позволяла работать нескольким учителям в одном поселении, это не было позволено даже семейным парам. В воспоминаниях А.М. Копытина читаем: «Жену направили в Верхне-Камчатскую школу, меня – в Шаромы. Расстояние между селами – 30 км, но из-за частых пург и отсутствия транспорта встречи с женой и дочерью были крайне редки. Что предстало перед молодым комсомольцем? Село около 20 домов, телефонной связи не было, школьное здание примерно 7 на 9 метров, причем одну треть занимает русская печь, 17 учеников в возрасте от 8 до 15 лет. Летом на лошадях ездили только верхом, ни одной телеги в селе не было [4].

Учитель А.М. Копытин, приехавший на Камчатку по комсомольской путевке, с утроенной силой взялся за поднятие культурного уровня не только своих воспитанников, но и их родителей: «Первый вечер школьников превзошел все ожидания. В школу собрались все взрослые шаромцы. Когда учащиеся запели, начали подпевать и родители, а пели они хорошо. Оказывается, пока ученики разучивали песню, вместе с ними разучивали и родители учеников. Получился большой хор. На следующую субботу к нам приехали жители из Пушино, Верхне-Камчатска, Мильково. Велика была тяга населения к культуре, а школа и стала тем культурным центром, к которому тянулось население» [4].

В большинстве докладных записок областного отдела народного образования (ОблОНО), в отчетах подчеркивалась особая роль учителей в «организации ответственного и почетного дела народного просвещения» (ГАКК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 25. Л. 114). Так, в отчете по Усть-Камчатскому району от 8 августа 1940 г., в котором, конечно, ощущается печать идеологических штампов, отмечается: «На долю наших учителей выпало счастье и честь воспитывать нового человека. Выполняя это ответственное дело, большинство учителей нашего района добились хороших результатов в учебной и воспитательной работе» (ГАКК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 25. Л. 114). Такие результаты достигались тяжелым трудом, часто камчатские учителя работали в две-три смены.

В поселке Соболево учителя долгое время работали в три смены: в первую – с учениками первого, второго и третьего классов, во вторую – с четвероклассниками, пятиклассниками и шестиклассниками, а в третью смену – со взрослыми, стремящимися освоить грамоту и «ликвидировать» свою безграмотность (ГАКК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 120. Л. 23).

Отмечая сложность бытовых условий, ненормированный рабочий день учителей, важно подчеркнуть, что советские и партийные чиновники при этом постоянно проверяли качество их деятельности. Знакомясь с архивными материалами, мы, к сожалению, отмечали беспечность проверяющих, грубое вмешательство в работу учителей: «... основная причина большинства пробелов в учебно-воспитательном деле по пятым классам у некоторых учителей кроется, прежде всего, в отсутствии в школе единых требований к ученикам, этого важнейшего фактора, имеющего не только общеобразовательное значение, но и политико-воспитательное. Именно это обстоятельство – разноречивостью в требованиях учителей, предъявляемых ученикам, служит первым толчком к недисциплинированности учащихся. Класс за день меняет свою физиономию 5-6 раз. Один учитель замечает малейшие неполадки в классе, а другой не реагирует нужным образом даже на такие факты как неготовность ученика к уроку, занятие посторонними делами. Отсюда и качество урока диаметрально противоположно» (ГАКК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 29. Л. 23).

Проверяющие не рекомендовали, а требовали «увязывать» учебный материал с «текущей жизнью страны». Например, в вину учителю ставилось, что он при прохождении темы «Полярная зона», не говорил ни слова о Северном морском пути и о ледоколе «Седов». В пример ставились те учителя, которые, «проходя сказку «О рыбаке и рыбке» показали бедность рыбаков в прошлом и рассказали о зажиточной жизни наших рыбаков» (ГАКК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 70. Л. 145).

Данные, приведенные в докладе заведующего отделом народного образования от 17 февраля 1944 г. свидетельствуют о том, что камчатский учитель редко находился один на один со своими учениками: «За первое полугодие текущего учебного года обследовано 86 школ, посещено 688 уроков учителей. На второе полугодие составлен план инспекторских обследований 164 школ, с посещением 8 843 уроков» (ГАКК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 137. Л. 14об).

В большинстве отчетов можно было прочесть имена тех, кому «за добросовестную работу в

постановке учебной и воспитательной работы» предлагалось вынести благодарность с занесением в трудовые книжки (ГАКК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 25. Л. 115). Так, в конце 1939-1940 гг. благодарности в Усть-Камчатском районе получили: директор начальной средней школы НСШ РКЗ № 2 Жежеря Б.Т., директор Совхозной НСШ Милютина В.С., заведующий Нижне-Камчатской НШ Конкин Е.Е., заведующий Ушаковской НШ Шимченко А.С., заведующий Ключевской НШ № 2 Кудрявцев А.И. Список учителей насчитывал тринадцать фамилий: Петрова А.И., Домникова В.Ф., Агафонов Н.В., Гусев Е.Б., Козлова Е.В., Львова О.Н., Кияниченко П.Л., Успенский Г.В., Тимаков С.С., Бережная М.Г., Аверьянов Е.А., Романенко М.В., Конаев А.Д. (ГАКК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 25. Л. 115). Благодарности, массовые награждения учителей медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие» содействовали утверждению и поддержанию в обществе уважения к профессии учителя.

Массовое награждение учителей в рассматриваемый период подтверждало их поддержку со стороны власти, весомую роль в обществе. Сам учитель принимал идеи собственного призвания и служения делу просвещения как ценностные и важные в своей жизни.

Количество молодых учителей, работающих на Камчатке, наверное, было самым большим в Советском Союзе. Приведем конкретные данные. В 1945/46 учебном году в школах области было 923 учителя и 112 военруков. В течение 1946 г. по разным причинам из школ выбыл 171 учитель (из которых 4 уволены по непригодности), вновь прибыло 218 учителей, таким образом, на 1 января 1947 г. в школах области стало работать 970 учителей и 61 преподаватель физкультуры. Почти 50% учителей (464 из 1031) работали в школах от 1 до 5 лет (ГАКК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 81. Л. 43).

Как до Великой Отечественной войны, так и после ее завершения поднимался вопрос о повышении заработной платы учителей, что важно было для снижения текучести кадров. В этой связи заведующий ОблОНО Валишин отмечал: «В настоящее время учителя Камчатской области получают основной оклад на 50% больше, чем в центральных областях СССР. Учителя глухих школ Корякского национального округа работают в одиночку, без библиотек и радио, не имея возможности летом использовать свой отпуск» (ГАКК. Ф. 12. Оп. 2. Д. 269. Л. 19).

15 октября 1943 г. Камчатским ОблОНО были разосланы по всем школам полуострова правила для учащихся. Интересно, что практически в каждом пункте правил есть напоминание об одобряемом в обществе отношении к учителю как центральной фигуре всеобщего обучения. Например, предписывалось до прихода учителя приготовить все необходимое для урока; входить в класс и выходить из класса во время урока только с разрешения учителя; во время урока сидеть прямо, не облокачиваясь и не разваливаясь, внимательно слушать объяснения учителя и ответы учащихся, не разговаривать и не заниматься посторонними делами; при входе в класс учителя, директора школы и при выходе их из класса приветствовать их, вставая с места; быть почтительным с учителями, при встрече на улице с учителем или директором школы приветствовать их вежливым поклоном, при этом мальчикам снимать головные уборы. За нарушение правил учащихся подлежал наказанию, вплоть до исключения из школы (ГАКК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 59а. Л. 11).

Оценка за поведение ученика была не менее важной, чем оценка по математике, русскому языку или истории. Практически в каждом протоколе педагогического совета средней школы имени Горького г. Петропавловска есть краткие записи обсуждений поведения учащихся: «Слушали ученика 3 «А» класса Бачанова Владимира, часто мешает работать в классе, не слушает учителя, называет военука гадом. Постановили снизить поведение ученику Бачанову за вышеуказанное поведение до 3. Слушали ученика 3 «В» класса Ляшенко, в начале учебного года учился в 4 классе, а потом перевели в 3 класс, с приходом в класс стал его разлагать. Ворует деньги у матери, грызет в классе орехи. Учиться неплохо. Постановили снизить поведение до 3» (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 5. Л. 2).

Рассматривая особенности работы камчатского учителя в 1930-е – 1940-е гг., невозможно не отметить те сложности, с которыми педагоги столкнулись в военное время. Занятия проходили при остром дефиците учебников, учебных пособий, письменных принадлежностей. Из-за недостатка бумаги учителя сами изготавливали тетради, используя поля старых книг и газет. Удивительно, но в Государственном архиве Камчатского края мы обнаруживали документы, печатавшиеся на оборотней стороне контрольных работ учеников. Так, например, приказ № 133 по камчатскому областному Отделу Народного образования от 29 сентября 1943 г. был напечатан

на одной стороне листа, а на другой была контрольная работа по геометрии ученицы 10 класса Вагиной Таисии с оценкой отлично (ГАКК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 59а. Л. 17).

Уточняя задачи, которые были поставлены перед школой в годы войны, отметим следующие: охват всех детей школьного возраста всеобщим обучением; обеспечение необходимой физической подготовкой учащихся, забота о здоровье детей; организация труда школьников на предприятиях и в сельском хозяйстве, а также агротехнической подготовки молодежи для широкого ее участия в общественно полезном труде; проведение политико-просветительской работы среди населения; воспитание молодого поколения в духе патриотизма, любви к своей Родине, стремлении к ее защите.

С первых дней войны камчатские учителя стремились к реализации обозначенных задач. В этой связи отметим факт, отраженный в газете «Камчатская правда» за 2 июля 1941 г. Автор статьи «На детской олимпиаде художественной самодеятельности» П. Паладимов сообщал читателям о том, что в конце июня (уже после начала войны) в драматическом театре состоялась городская и районная олимпиада художественной самодеятельности детей, в которой приняли участие ученики школ имени Горького, Толстого, Пушкина, школы № 4, Елизовской и Халактырской школ, Паратунского детского дома, детского сада АКО, детского хора радиокомитета [7]. Представляется оправданным, что областные власти не стали отменять детскую олимпиаду. Во-первых, учитывались те усилия, которые затронули и педагоги, и дети при подготовке к ней. Во-вторых, представители советской власти и большинство жителей отдаленного полуострова считали, что война должна в скором времени закончиться.

Учителя Камчатки демонстрировали ответственное отношение к обучению не только детей школьного возраста. Работая в две-три смены, они героическими усилиями стремились к ликвидации неграмотности среди взрослого населения, вели пропагандистскую работу, разъясняя и дополняя скудную информацию сводок Совинформбюро, проводя политинформации для жителей полуострова, вместе с учениками участвовали в рыбной путине, содействовали организации сбора урожая на полях колхозов и совхозов.

Для большинства учителей занятие педагогической деятельностью означало искреннюю преданность выбранной профессии, терпение и

трудолюбие, преодоление различных бытовых неудобств, сложных климатических условий камчатского полуострова.

Часть учительского корпуса с началом войны активно писали заявления о приеме в Красную Армию. Во многих приказах Камчатского ОблОНО указывались имена педагогов, ушедших в ряды РККА. Так, в выписке из приказа № 61 от 13 июня 1942 г. читаем: «Кикоть Якова Георгиевича, учителя математики Микояновской средней школы Большерецкого района, считать отчисленным в связи с уходом его в РККА, Германова, зав. Остроновской начальной школы, Усть-Большерецкого района, считать отчисленным в связи с уходом его в ряды РККА, Авдеева Григория Михайловича, учителя физкультуры, работающего в Усть-Большерецком районе, считать отчисленным, в связи с его уходом в ряды РККА». Те камчатские учителя, которые продолжали выполнять свой профессиональный и гражданский долг (учить детей, участвовать вместе с ними в рыбной путине, сборе дикоросов, ликвидировать неграмотность среди взрослого населения), были отмечены медалями за доблестный труд в годы Великой Отечественной войны (ГАКК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 81. Л. 18).

Стремление Советской власти отметить героический труд камчатских учителей во время Великой Отечественной войны, демонстрировало почет и уважение к ним. Анализ документов, хранящихся в Государственном архиве Камчатского края, убеждает нас в том, что учителя нашего полуострова с честью выполнили свой профессиональный долг, приближая день Победы.

Послевоенное время вновь высветило проблемные вопросы, связанные с материально-бытовым положением учительства Камчатского полуострова. «В Усть-Большерецком районе учителя Усть-Большерецкой СШ Мушкин М.Г. и Гончаров А.П. живут в не отремонтированных квартирах, учителя Микояновской СШ Бадель Я.И. и Весновская А.А., прибывшие туда в январе 1947 года после окончания высших учебных заведений, поселены вместе в очень плохую комнату, а завуч этой школы Коллегов И.М. с семьей в семь человек живет в тесной и холодной квартире (крыша течет, стены гниют, в комнате сырость), что способствует частым заболеваниям в семье» (ГАКК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 81. Л. 47).

Усугублялась ситуация и тем, что в этих районах учителя плохо обеспечивались топливом и освещением. В Кировской и Пымтинской

семилетних школах, в Соболевской СШ дрова учителя получали с большими перебоями, а керосин – крайне редко и всего по одному литру. Как о благе в архивных материалах читаем об обеспечении вновь прибывших учителей обувью, одеждой и бельем. «Так, например, только за последние месяцы учителям Соболевского района выдано каждому: мужчине – костюм, сапоги, носки и парусиновые туфли; женщине – платье, юбки, парусиновые туфли, чулки. Исключительно хорошее внимание проявлено к учителям со стороны Кихчинского рыбокомбината (Усть-Большерецкий район). Только в марте 1947 года учителям школ этого комбината выдано каждому мужчине: пальто, костюм, две пары носков, ботинки, галоши и три метра мануфактуры; женщине – пальто, платье, туфли, галоши, сорочки, две пары чулок, три метра мануфактуры» (ГАКК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 81. Л. 47). Думается, что во время тотального дефицита такое распределение одежды воспринималось как заботливое отношение советской власти к учителям.

Решение социальных, экономических, культурных задач развития российского общества и сегодня невозможно без особой поддержки учительства, ибо школа всегда была и остается основой созидания завтрашнего дня нашей страны. Мы с сожалением отмечаем, что нивелирование и принижение роли учителя в обществе, в семье, стало в последние годы нормой. Это привело не только к снижению уровня знаний учащихся, деградации нравственных ценностей среди молодежи, но и к нежеланию значительной части учителей проявлять самостоятельность, инициативность, усердие, терпение в профессиональной деятельности. Обращение к представленному в статье историческому опыту, по нашему мнению, поможет преодолению данных проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адуканова Н.А. Локализация «национальной политики» СССР в пространстве Северо-Востока: 20–30-е годы XX века // Материалы ежегодной межрегиональной научно-практической конференции «Человек в истории». Петропавловск-Камчатский, 2013. С. 8-17.

2. Ильина В.А. Цели и итоги хозяйственного освоения Охотско-Камчатского края к концу 1930-х годов // Материалы ежегодной межрегиональной научно-практической конференции «Человек в истории». Петропавловск-Камчатский, 2013. С. 41-50.

3. Имакаев В.Р. Образовательная реальность: опыт социокультурного проектирования: автореф. ... дисс. д-ра филос. н. Уфа, 2009.

4. Копытин А.М. И за горизонтом опять горизонт // Знамя труда, орган Мильковского районного комитета КПСС и районного совета народных депутатов. 2 октября 1982. № 118.

5. Костюк. Первая аэросанная трасса на Камчатке // Камчатская правда. 12 декабря 1935. № 286.

6. Одна победа на культурном фронте // Камчатская правда. 16 апреля 1935. № 88.

7. Паладимов П. На детской олимпиаде художественной самодеятельности // Камчатская правда. 2 июля 1941. № 153.

8. Уткин А.В. Социальная миссия учителя: взгляд из прошлого в будущее // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 5. С. 128-135.

9. Юинг Е.Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011.

REFERENCES

1. Adukanova, N.A., 2013. Lokalizatsiya "natsional'noy politiki" SSSR v prostranstve Severo-Vostoka: 20 – 30-e gody XX veka [Localization of "national policy" of the USSR in the space of the Northeast, 1920s-1930s]. In: Materialy ezhegodnoy mezhtseleynoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Chelovek v istorii». Petropavlovsk-Kamchatskiy, pp. 8-17. (in Russ.)

2. Il'ina, V.A., 2013. Tseli i itogi khozyaistvennoy osvoiniya Okhotsko-Kamchatskogo kraia k kontsu 1930-kh godov [Goals and results of economic exploration of Okhotsko-Kamchatsky kraj by

the end of the 1930s]. In: Materialy ezhegodnoy mezhtseleynoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Chelovek v istorii». Petropavlovsk-Kamchatskiy, pp. 41-50. (in Russ.)

3. Imakayev, V.R., 2009. Obrazovatel'naya real'nost': opyt sotsiokul'turnogo proektirovaniya [Educational reality: experience of sociocultural projecting], avtoreferat dissertatsii doktora filosofskikh nauk. Ufa. (in Russ.)

4. Kopytin, A.M., 1982. I za gorizontom opyat' gorizont [And behind a horizon another horizon again], Znamya truda, organ Mil'kovskogo rayonnogo komiteta KPSS i rayonnogo soveta narodnykh deputatov, 2 oktyabrya, no. 118. (in Russ.)

5. Kostyuk, 1935. Pervaya aerosannaya trassa na Kamchatke [The first aerosledge track in Kamchatka], Kamchatskaya pravda, 12 dekabrya, no. 286. (in Russ.)

6. Odnа pobeda na kulturnom fronte [One victory on the cultural front], Kamchatskaya pravda, 16 aprelya, no. 88, 1935. (in Russ.)

7. Paladimov, P., 1941. Na detskoy olimpiade khudozhestvennoy samodeyatel'nosti [At the children's contest of amateur art], Kamchatskaya pravda, 2 iyulya, no. 153. (in Russ.)

8. Utkin, A.V., 2015. Sotsial'naya missiya uchitelya: vzglyad iz proshlogo v budushcheye [Social mission of teachers: looking from the past to the future], Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 5, pp. 128-135. (in Russ.)

9. Yuing, E.T., 2011. Uchitelya epokhi stalinizma: vlast', politika i zhizn' shkoly 1930 gg. [Teachers of Stalin's epoch: power, politics and life of school in the 1930s]. Moskva. (in Russ.)

УДК 792.03

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-2/67-74

Е.В. Кищик*

ПОЛИТИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА ТЕАТРА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В 1930-е гг.

Статья посвящена деятельности театра Дальневосточного Военного Округа в 1930-е гг., когда театр становится одним из самых мощных инструментов политической пропаганды и агитации. Автор рассматривает становление и развитие театра в условиях постоянной военной угрозы на Дальнем Востоке, освещает влияние органов политического управления на репертуар театра. Кроме того, уделяется внимание проблеме организации творческой работы театра Дальневосточного Военного Округа в условиях нехватки профессиональных кадров среди актеров и режиссеров.

Ключевые слова: театр, героико-патриотический репертуар, гастроли, военные театры, Дальний Восток, агитация, пропаганда

The role of Far Eastern Military District Theater in raising political awareness in the 1930s. ELENA V. KISHCHIK (Far Eastern Federal University)

The article is devoted to the activities of Far Eastern Military District Theater in the 1930s, when the theater became one of the most powerful tools of political propaganda and agitation. The author examines the formation and development of the theater in the atmosphere of a constant military threat in the Soviet Far East and highlights the influence of political bodies on the repertoire of the theater.

Keywords: theater, patriotic repertoire, tour, army theaters, Soviet Far East, agitation, propaganda

В современной отечественной исторической науке заметно возрос интерес к проблемам духовного состояния социума. Сегодня важное место в исследованиях занимают вопросы культурной политики государства, роли культуры в формировании и развитии общественного уклада, и в частности – вооруженных сил.

Работа театральных коллективов в 1930-е – 1940-е гг. обеспечивала высокий уровень морально-политического и психологического состояния населения Советского Союза и в целом стала одним из факторов победы Красной Армии в военных конфликтах и боевых действиях. Актуальной задачей становится объективный анализ и обобщение опыта шефской работы военного театра в ука-

занный период. Цель данной статьи – показать, что работа театра по военно-патриотическому воспитанию в 1930-е – первой половине 1940-х гг. являлась важным направлением в подготовке граждан к защите Родины, в деле обеспечения суверенитета и укреплении позиций на Дальнем Востоке.

В конце 1920-х гг. по инициативе и при активном участии милитаристских кругов Японии на Дальнем Востоке стал формироваться очаг военной опасности для СССР. Япония, не объявляя войны, используя «местные инциденты», в 1931 г. вводит свои войска в Маньчжурию и тем самым создает плацдарм для захвата Северного Китая и нападения на СССР. К 1935 г. на границах с Советским Союзом – в Маньчжурии, Корее, на Южном Сахалине и

* КИШЧИК Елена Витальевна, аспирант Департамента истории и археологии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: yelena_kishchik@mail.ru

© Кищик Е.В., 2017

Курильских островах – были сосредоточены более 200 тыс. японских и 75 тыс. маньчжурских войск, свыше 200 боевых самолетов (Российский государственный архив военно-морского флота, далее – РГА ВМФ. Ф. Р-1090. Оп. 3. Д. 34. Л. 274-295).

Для укрепления своих позиций в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке советское правительство с начала 1930-х гг. принимает экстренные меры экономического и военного характера [5, с. 317-322]. Приказом Реввоенсовета СССР от 18 февраля 1932 г. были сформированы на правах неотдельных армий Приморская со штабом в г. Никольск-Уссурийский и Забайкальская (г. Чита) группы войск Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) [14, с. 104-105].

Наряду с количественным ростом восточных округов в этот период происходит совершенствование аппарата управления [10, с. 127]. С целью совершенствования системы управления военной группировкой на востоке страны 17 мая 1935 г. из состава ОКДВА выделилась Забайкальская группа войск, развернутая в Забайкальский военный округ. ОКДВА была преобразована в Дальневосточный военный округ (ДВВО), но по приказу наркома обороны СССР от 2 июня 1935 г. ДВВО получил прежнее название ОКДВА с сохранением за ней функций военного округа [9, с. 67-68.].

Приказом наркома обороны от 28 июня 1938 г. ОКДВА с 1 июля 1938 г. была развернута в Краснознаменный Дальневосточный фронт (с 23 июля 1938 г. – Дальневосточный Краснознаменный фронт). Войска фронта объединялись в две армии – 1-ю (бывшая Примгруппа) и 2-ю, а также Хабаровскую группу войск [8, с. 15].

Велась активная идеологическая подготовка населения к обороне с учетом опыта Гражданской войны и военной интервенции [3, с. 17]. Агитационно-пропагандистская работа выражалась в доведении до военнослужащих идей и задач военного строительства, в мобилизации личного состава на решение военных, социально-политических и прочих задач [4, с. 197]. Ее основное содержание сводилось к «беззаветному выполнению воинского долга, воспитанию классовой ненависти ко всем врагам социализма, идеи постоянной готовности по первому зову выступить на борьбу с империалистическими агрессорами» [2, с. 86].

Развитие военных театров в Дальневосточном регионе получило широкую и всестороннюю поддержку со стороны командования, партийных и государственных органов Дальнего Востока, так как этот вид искусства был менее затратным и более доступным для военнослужащих и жителей региона. В 1930-е – 1940-е гг. театр становится

одним из важнейших инструментов политической агитации. В этот период истории военные театры активно способствуют коммунистическому воспитанию дальневосточников, формированию общественного мнения, ориентации советского война в вопросах внутренней и внешней политики партии и государства, в борьбе против враждебной идеологии. Составить представление о репертуаре дальневосточных театров позволяют театральные афиши и программки спектаклей, дошедшие до наших дней, дневники и мемуары актеров и режиссеров, работавших на Дальнем Востоке.

В первой половине 1930-х гг. на Дальнем Востоке складывается государственная сеть театров. Только в Приморье в двухгодичный срок количество профессиональных театров выросло с двух до девяти. К тому же с начала 1930-х гг. уже ведется шефская работа мастеров искусств среди работников и командиров Особой Дальневосточной армии [6]. Так, полуправление РККА в начале 1934 г. поставило перед руководством и общественностью театра вопрос об участии Большого театра в культурно-художественном обслуживании частей ОКДВА и Морских сил Дальнего Востока. С этого времени начались поездки артистов на Дальний Восток.

Исходя из архивных данных, в период с 1936 по 1938 гг. в крае существовало пять драматических театров, один театр музкомедии, один еврейский, один театр юного зрителя, два детских кукольных и один самодеятельный Нанайский театр, итого – одиннадцать (Государственный архив Хабаровского края, далее – ГАХК. П-2. Оп. 11. Д. 248. Л. 14).

В 1934 г. в Никольск-Уссурийске группа энтузиастов из военнослужащих, участников художественной самодеятельности организовала театральную студию при ДОСААФ. Шестнадцать студийцев впоследствии стали профессиональными актерами военного театра (Рис. 1). Студию возглавил Фирс Ефимович Шишигин (Рис. 2). Со дня основания военного театра там работали выдающиеся артисты, впоследствии ставшие заслуженными артистами РСФСР: М.Н. Маслов, Т.Г. Миронова, А.Н. Легран, Т.И. Ларина, В.Ф. Пономарева, С.А. Соловьев. Заслуженный деятель искусств РСФСР А.С. Костров (Рис. 3), бессменный главный художник театра ОКДВА, отдал сцене 57 лет. Все они стояли у истоков создания студии, а в дальнейшем – театра ОКДВА. 1 июля 1937 г. студию официально преобразовали в театр Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии [6]. К этому времени в штат театра были введены должности актеров из числа военнослужащих. Театр пополнился выпускниками московских и ленинградских театральных ВУЗов. Организовался коллектив в количестве 26 человек.



Рис. 1. Первые студийцы: Н. Бондаренко, С. Платонов, А. Костров, О. Дикий



Рис. 2. Ф.Е. Шишигин, народный артист СССР



Рис. 3. А.С. Костров, заслуженный деятель искусств РСФСР

Художник Николай Ромашкин совместно с Ф.Е. Шишигиным создали ряд спектаклей по пьесам В. Гусева «Слава» (Рис. 4), В. Шкваркина «Чужой ребенок», братьев Тур и Л. Шейнина «Очная ставка». В 1938 г. были поставлены спектакли по произведениям В. Шкваркина «Простая девушка», А. Островского «Не все коту масленица», К. Тренева «Любовь Яровая», которые прочно вошли в репертуар театра.



Рис. 4. Сцена из спектакля «Слава» В. Гусева, 4-е действие, ДВК, Сысоевка, 25 апреля 1939 г.

Успехи театра ОКДВА отмечали местные органы власти, руководство гражданских театров. Так, краевое управление театральных зрелищных предприятий и администрация краевого музыкального театра в день трехлетней годовщины театра ОКДВА отмечали, что из молодого коллектива театр превратился в мощный отряд советского театрального искусства на Дальнем Востоке.

В период 1937-1938 гг. прессинг необоснованных государственных репрессий был настолько

силен, что значительно затронул не только многих военачальников, около половины командиров и около трети военных комиссаров полков, но и работников учреждений культуры. Управление театрами предусматривало значительное вмешательство в их дела. Это были годы открытых и закрытых процессов над «вредителями» и «врагами народа». Из системы управления по делам искусств в период с 1936 по 1938 гг. было

изъято 69 человек, из них актеров – 50 человек (ГАХК. П-2. Оп. 11. Д. 248. Л. 5). «В Краевом управлении по Делах Искусств до самого последнего времени проводили гнусную работу враги народа. В начале июля месяца сего года разоблачен как враг народа нач. управления Акимов, а до него в период с 1936 по 1938 годы были арестованы четыре «начальника». Враги народа, пробравшиеся в Культпросветотдел крайкома этих людей подбирали и через них осуществляли развал театров», – сообщалось в

источнике тех лет (ГАХК. П-2. Оп. 11. Д. 248. Л. 16). Были распущены корейский и китайский театры «из-за засоренности их составов»: в одном китайском театре было арестовано 29 человек «артистов-шпионов» во главе с директором (ГАХК. П-2. Оп. 11. Д. 248. Л. 17).

В докладной записке секретарю Краевого Комитета партии С.М. Соболеву от директора Дальневосточного краевого театра музыкальной комедии Б.А. Раева перечисляется ряд фактов, свидетельствующих о совершенном игнорировании театрального обслуживания таких городов, как Комсомольск, Оха, Свободный, Спасск и др., где в этот период совсем не было театров (ГАХК. П-2. Оп. 11. Д. 248. Л. 18). Поднимается вопрос об игнорировании работы с кадрами, политико-воспитательной работы с актерами, культивировании их отрыва от социалистической деятельности. «Репертуар театров строился аполитично, произведения советских драматургов занимают незначительное место. Из 168 пьес, поставленных в 37 году, современных пьес поставлено всего 32. Связи с авторами, драматургами и писателями по созданию пьес на дальневосточную тематику нет. Хозяйство театров доведено до полного развала. В 1937 году театры ввиду бесхозяйственности дали 4 мил. рублей убытка. Театры в отношении производственно-эксплуатационных условий находятся в исключительно тяжелом положении» (ГАХК. П-2. Оп. 11. Д. 248. Л. 20).

В 1937 г. художественный руководитель театра Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии Ф.Е. Шишигин был арестован. В дневниках сам режиссер вспоминал этот период так: «Я уехал на Дальний Восток, воспитал студию и создал театр. Он и сейчас существует... Я нигде не собирался уезжать. Но тут случилось непредвиденное. Меня арестовали. Начались допросы. Допрашивали не только меня, но и тех, кого я учил» [1].

Находясь под арестом, Ф.Е. Шишигин написал пять писем Сталину, отстаивая свою правоту. В 1939 г. его выпустили в числе необоснованно пострадавших от «ежовщины» и он вернулся в Усурийск. «Когда меня выпустили, восстановили во всех правах, то я сказал ученикам, что не вспомню того, что было – все будет по-прежнему... Продолжим работу, как раньше, – сказал я им. Но оказалось, что не я, а они не смогли забыть того, что говорили на допросах. Я промучился полтора года, вынужден был бросить их и пошел шататься по чужим театрам...» [1].

Невозможно однозначно оценить поступок труппы театра. Она продолжала свою работу, находясь в постоянном напряжении. События, произошедшие с главным режиссером Ф.Е. Шишигиным, внесли смятения в коллектив и, конечно, подорвали его моральный дух. Но все-таки именно Ф.Е. Шишигин сумел заложить крепкий фундамент будущей творческой работы военного театра. Первого режиссера называли смелым, своеобразным художником. В 1951 г. он стал лауреатом Сталинской премии, а в 1964 г. – народным артистом СССР.

В 1939 г. в театр приходит молодой режиссер Ю.Б. Щербаков, до этого работавший во МХАТе, театре им. Ленинского комсомола, театре им. Гоголя, в дальнейшем – Заслуженный деятель искусств БССР, Народный артист РСФСР. Он возглавлял театр с середины 1939 г. по декабрь 1941 г. В короткий срок, несмотря на большие трудности, им были поставлены спектакли по пьесам Н. Погодина «Человек с ружьем» (Рис. 5) и «Кремлевские куранты», в которых сам режиссер сыграл роль В.И. Ленина. Это были одни из наиболее известных в советской драматургии историко-революционные пьесы, где образ Ленина был классическим воплощением вождя мирового пролетариата, «самого человеческого человека». Именно в этих спектаклях проявилась идейно-творческая зрелость армейского театра. Критикой отмечалось, что не все актерские решения оказались успешными, тем не менее сама принципиально новаторская цель была сложна и увлекательна. Впервые образ В.И. Ленина на Дальнем Востоке был создан на сцене театра Первой особой Краснознаменной армии. В спектакле были заняты 40 человек основного и вспомогательного состава. Само появление Ленина на сцене производило огромное впечатление. Портретное и речевое сходство заставили зрителя поверить в истинность Ленина, появившегося на сцене в исполнении Юрия Щербакова. Убедительны и достоверны были актеры А.И. Соболев в роли Сталина и А.В. Беляев в роли Дзержинского. Большую помощь в работе над спектаклем оказал консультант – заслуженный деятель искусств РСФСР Б.М. Сушкевич.

Б.М. Сушкевич, как режиссер и как актер, видел главную свою задачу в борьбе с театральщиной, штампами, ремесленничеством. Он стремился претворить жизненный материал войны в строгие, простые, лишённые сценической аффектации образы. Этим путем он старался вести актеров, работая над любой темой [13].



Рис. 5. Герой спектакля Н. Погодина «Человек с ружьем», 1940 г.

В 1940 г., в целях дальнейшего укрепления, театр исключается из системы Уссурийского Дома офицеров [11]. Он становится театром Первой Краснознаменной армии. Ее командующий генерал-лейтенант А.И. Еременко сформулировал задачи, стоящие перед театром: «Смело двигаться вперед к созданию полноценных спектаклей, воспитывающих нашего армейского зрителя в духе дисциплинированности и беспредельной преданности своей социалистической Родине» [12]. Перед коллективом стояла задача создания профессионального театра, отвечающего новым, значительно возросшим требованиям.

В сезон 1939-1940 гг. были поставлены еще два спектакля: «Господа офицеры» В. Голицыкова и «Мещанин во дворянстве» Ж. Мольера. С этими спектаклями театр совершил гастрольные поездки по всем частям Первой Краснознаменной армии. К началу нового сезона 1940-1941 гг. театр осуществил постановку уже шести спектаклей: «Весна двадцать первого» Г. Штейна, «Неравный брак» братьев Тур, «Последние» М. Горького, «Гроза» и «Позд-

няя любовь» А. Островского, «Павел Греков» Л. Ленча.

В январе 1941 г. на гастроли по Дальнему Востоку приехал Сталинский Донбасский театр комедии. Вторжение гитлеровских войск на Украину и Донбасс сделали невозможным возвращение театра комедии на родину, и Донбасский театр остался на Дальнем Востоке. Артисты театра комедии, позднее заслуженные артисты РСФСР М.П. Светланов, Т.И. Ларина, А.А. Михалев и многие другие вошли в состав существующего в городе Уссурийске армейского театра, а Александр Семенович Ларский, руководивший Донбасским театром с 1929 г., стал художественным руководителем объединенного театра.

В годы войны отсутствие активных военных действий на территории дальневосточного региона давало возможность организации гастролей заезжих творческих коллективов, столичных театров, ансамблей. За годы войны для бойцов и командиров Красной Армии и Военно-Морского Флота мастера искусств всего Советского Союза провели 1 млн. 300 тыс. шефских концертов и спектаклей, из них полмиллиона – в условиях боевой обстановки [6].

Специфика времени определила повышенное внимание власти к театру. В ведение Политуправления РККА входила вся политически-просветительская и агитационная работа в Красной Армии и Флоте, и репертуару военного театра придавалось огромное значение, так как его основной творческой задачей являлось поднятие духа личного состава воинских частей Советской Армии.

Стоит отметить, что военно-шефская работа театральных коллективов на Дальнем Востоке страны в период 1930-х – первой половины 1940-х гг. доказала свою высокую эффективность и была одной из главных составляющих всей воспитательной работы, с помощью которой руководство страны оказывало влияние на личный состав.

Темы, звучащие в спектаклях, должны были быть близки зрителю, отражать общественные настроения, актуальные проблемы. Благодаря сценическому искусству государство внедряло социальный поведенческий стандарт «советского воина» или «простого советского человека». Поэтому наиболее яркие пьесы, входившие в репертуар военного театра Дальневосточного Военного Округа, отражают не только его жанровую специфику, но и специфику времени вообще.

Сегодня постановка военно-патриотических спектаклей снова очень актуальна. Обращаясь к военной истории, театр передает духовный опыт от одного поколения другому. События военного времени, перенесенные на сцену, глубоко воздействуют на зрителя и приобретают новые смыслы. Таким образом, сценическое искусство выполняет свою важнейшую задачу – нравственное и эстетическое воспитание человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ваняшова М.Г. Фирс Шишигин: люблю жить в актере // Театральная шкатулка. 2008. №4.
2. Гастроли Краснознаменного театра // Биробиджанская звезда. 18 мая 1941.
3. Гостев А.Н. «Если завтра война, если завтра в поход» // Военно-исторический журнал. 2003. № 6. С. 17-22.
4. Жарков В.В. Пропаганда и агитация в Красной армии в 1921-1941 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 1. С. 197-204.
5. Зайцев Ю.М. Флагман флота 1 ранга М.В. Викторов – организатор строительства Тихоокеанского флота СССР (1932-1937) // Россия на Тихом океане: роль личности в становлении российской государственности (Шестые Куршановские чтения, 2009 г.). Владивосток, 2011. С. 317-322.
6. Зелов Н.С. Шефская работа мастеров искусств среди бойцов и командиров Особой Дальневосточной армии // Военная литература [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/docs/da/sb_na_granitse_tuchi_hodyat_hmuro/07.html
7. Колесниченко К.Ю. Развитие военной группировки в Приморье в 1931 – первой половине 1938 года // Военно-исторический журнал. 2016. №4. С. 8-16.
8. Краснознаменный Тихоокеанский Флот. М.: Воениздат, 1973.
9. Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальствующего состава Рабоче-крестьянской Красной армии и Флота на востоке страны в 1936-1939 гг.: дисс. ... д-ра ист. н. Иркутск, 2005.
10. Очерки истории дальневосточных организаций КПСС. Хабаровск, 1982.
11. Приказ № 96 начальника ДКА В.В. Пиркина от 11 декабря 1940 г.
12. Театр Красной Армии // Красное знамя. Владивосток. 17 июня 1940.
13. Тревога. 15 сентября 1944.

14. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА. 1937-1941. Биографический словарь. М.: Кучково поле, 2012.

REFERENCES

1. Vanyashova, M.G., 2008. Firs Shishigin: lyublyu zhit' v aktere [Firs Shishigin: I like to live in the actor], *Teatral'naya shkatulka*, no. 4. (in Russ.)
2. Gastroli Krasnoznamennogo teatra [Tour of Red Banner Theatre], *Birobidzhanskaya zvezda*, May 18, 1941. (in Russ.)
3. Gostev, A.N., 2003. "Esli zavtra voina, esli zavtra v pohod" ["If tomorrow brings war, then tomorrow we march"], *Voenno-istoricheskii zhurnal*, no. 6, pp. 17-22. (in Russ.)
4. Zharkov, V.V., 2009. Propaganda i agitatsiya v krasnoi armii v 1921-1941 gg. [Propaganda and agitation in the Red Army, 1921-1941], *Yaroslavsky pedagogicheskii vestnik*, no. 1, pp. 197-204. (in Russ.)
5. Zaitsev, Yu. M., 2011. Flagman flota 1 ranga M.V. Viktorov – organizator stroitel'stva Tihookeanskogo flota SSSR (1932-1937) [M.V. Victorov as an organizer of the construction of the Pacific Fleet of the USSR, 1932-1937]. In: *Rossiya na Tikhom okeane: rol' lichnosti v stanovlenii rossiiskoi gosudarstvennosti (Shesty Kurshanovskie chteniya, 2009 g.)*. Vladivostok, 2011, pp. 317-322. (in Russ.)
6. Zelov, N.S. Shefskaya rabota masterov iskusstv sredi boitsov i komandirov Osoboi Dal'nevostochnoi armii [Patronage work of cultural workers among the soldiers and commanders of the Special Far Eastern Army]. URL: http://militera.lib.ru/docs/da/sb_na_granitse_tuchi_hodyat_hmuro/07.html. (in Russ.)
7. Kolesnichenko, K. Yu., 2016. Razvitie voennoi gruppировki v Primor'e v 1931 – pervoi polovine 1938 goda [The development of military grouping in Primorye in 1931 – the first half of 1938], *Voenno-istoricheskii zhurnal*, no. 4, pp. 8-16. (in Russ.)
8. Krasnoznamennii Tihookeanskii Flot [Red Banner Pacific Fleet]. Moskva: Voenizdat, 1973. (in Russ.)
9. Milbakh, V.S., 2005. Politicheskie repressii komandno-nachal'stvuyushhego sostava Raboche-krest'yanskoi Krasnoi armii i Flota na vostoке strany v 1936-1939 gg. [Political repression of the leadership of Red Army and Fleet in the east of the country, 1936-1939], *dissertatsiya doktora istoricheskikh nauk*. Irkutsk, 2005. (in Russ.)

10. Ocherki istorii dal'nevostochnikh organizatsii KPSS [Essays on the history of the Far Eastern organizations of the CPSU]. Khabarovsk, 1982. (in Russ.)

11. Prikaz № 96 nachal'nika DKA V.V. Pirkina ot 11 dekabrya 1940 g. [The order № 96 of the head of DKA V.V. Pirkin, December 11, 1940]. (in Russ.)

12. Teatr Krasnoy Armii [Theatre of the Red Army], Krasnoe znamya. Vladivostok, June 17, 1940. (in Russ.)

13. Cherushev, N.S. and Cherushev, Yu.N., 2012. Rasstrelyannaya elita RKKA. 1937-1941. Biograficheskii slovar' [The shot down elite of the Red Army. 1937-1941. Biographical dictionary]. Moskva: Kuchkovo pole. (in Russ.)



УДК 94(571.6)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-2/75-88

П.С. Гребенюк*

РАЗВИТИЕ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИИ В 1950-е – 1960-е гг.

На основе архивных документов партийных и советских органов государственного управления в статье исследуются особенности развития сети культурно-просветительных учреждений на Северо-Востоке России в 1950-е – 1960-е гг. Особое внимание уделяется важнейшим для г. Магадана и Магаданской области учреждениям культуры – музыкально-драматическому театру, областной библиотеке и краеведческому музею, а также деятельности творческих союзов, красных яранг, развитию кино и телевидения. Автор приходит к выводу, что первые годы после создания области для сферы культуры были переходными – несмотря на увеличение финансирования, количество учреждений росло недостаточными темпами и сопровождалось сокращением сети профсоюзных учреждений культуры и управленческими противоречиями с Дальстроем.

Ключевые слова: Северо-Восток России, Магаданская область, учреждения культуры, театр, книгоиздание, кино, красная яранга

The development of cultural institutions in Northeast Russia, 1950s-1960s.
PAVEL S. GREBENYUK (N.A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

Based on archival materials of the party and Soviet government, the article explores the development of a network of cultural and educational institutions in the Northeast of Russia in the 1950s and 1960s. Special attention is paid to the institutions that were of particular importance for Magadan and Magadan region – music and drama theater, regional library and local history museum. The author also focuses on the activities of creative unions, red yarangas, development of cinema and television. The author concludes that the first years after the establishment of the region were a period of transition for the cultural sphere: despite the increase in funding, the number of cultural institutions grew at an insufficient pace, the network of trade union cultural institutions was reduced and administrative contradictions with Dalstroï became visible.

Keywords: Northeast Russia, Magadan region, cultural institutions, theatre, publishing, cinema, red yaranga

Вопросы развития учреждений культуры на Северо-Востоке России в советский период освещались в русле достижений социалистического развития Колымы и Чукотки: рассматривались проблемы партийного руководства культурным строительством на Крайнем Севере, продвижения культуры в массы, вопросы национального искусства и национальных кадров, ликвидации неграмотности, повышения образовательного и культурного уровня насе-

* ГРЕБЕНЮК Павел Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук.

E-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com

© Гребенюк П.С., 2017

ления [3; 8; 10]. В литературе отмечалось, что культурное строительство на Северо-Востоке страны осуществлялось в «очень сложных специфических условиях» [3, с. 7], которые характеризовались наличием малых коренных народностей, своеобразием развития и размещения производительных сил и пограничным положением территории Дальстроя и Магаданской области.

В постсоветской историографии исследователи проявляли интерес в большей степени к дальстроевскому периоду истории края. Так, А.Г. Козлов в публикациях, посвященных истории Магаданского музыкально-драматического театра в 1930-е – 1950-е гг. проследил историю возникновения первых театральных коллективов, привел подробности известных постановок спектаклей «Любовь Яровая» (1938), оперы «Травиата» (1945), выявил биографические данные более чем двухсот профессиональных и непрофессиональных актеров и творческих деятелей, выступавших на сцене театра, в том числе жертв репрессий [5; 6].

В 2007 г. Мириам Шпрау, сотрудник исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете, проанализировала изменения периодической печати Магаданской области в 1953-1959 гг. [15]. На основе материалов изданий «Магаданская правда» и «Кольма» автор показала роль образования Магаданской области в пересмотре социокультурной политики, создании нового образа территории.

Исследователи изучали развитие литературной деятельности и историю книжного дела Магаданской области. В 2003 г. в г. Магадане состоялась межрегиональная конференция «Книжная культура Магаданской области: история, проблемы и перспективы», материалы которой были опубликованы в том же году [4]. В 2004 г. вышел сборник документов по истории книжного дела Магаданской области, подготовленный к изданию Государственным архивом Магаданской области [2].

В целом, развитие культуры на Северо-Востоке страны остается малоисследованным направлением, в современной историографии отсутствуют обобщающие работы, посвященные культурному развитию края в 1950-е – 1960-е гг. В последних публикациях рассматривается деятельность отдельных учреждений культуры – творческого Союза художников, областного краеведческого музея [12; 14]. Важным событием стало издание в 2014 г. книги воспоминаний В.Я. Левиновского, с 1965 по 1974 гг. являвшие-

гося художественным руководителем Магаданского музыкально-драматического театра [7]. Работа содержит не только воспоминания автора о магаданском театре, но и исторические очерки, портреты артистов, а также ценные сведения о развитии культуры в Магаданской области в 1960-е – 1970-е гг.

В настоящей статье анализируются особенности развития учреждений культуры на Северо-Востоке России в 1950-е – 1960-е гг. Главным источником послужили ранее неизвестные архивные документы Магаданского обкома и облисполкома, а также учреждений культуры Магаданской области за 1954-1970 гг. Особое внимание уделено развитию важнейших для г. Магадана и области учреждений культуры – музыкально-драматического театра, областной библиотеки им. А.С. Пушкина, областного краеведческого музея, областного книжного издательства, а также деятельности творческих союзов, развитию системы красных яранг, кино и телевидения.

Исследователи отмечают, что в строительстве школ, больниц, библиотек и других учреждений культуры Дальстроя в 1930-х – начале 1950-х гг. удалось достичь существенных успехов, однако при этом подчеркивается, что учреждения культуры преимущественно возводились из дерева как временные постройки и их услугами пользовались только вольнонаемные работники Дальстроя, в лагерях действовали культурно-воспитательные части, занимающейся культурной, агитационной работой среди заключенных [1, с. 150-152].

В декабре 1953 г. на территории деятельности Главного управления строительства Дальнего Севера – Дальстроя, который уже существовал более двух десятилетий, был образован новый регион – Магаданская область. Административным центром Дальстроя был город Магадан, он же стал и местом расположения впервые созданных на Северо-Востоке страны органов государственной власти – обкома и облисполкома. Создание Магаданской области для основной массы населения означало надежду на изменения в социальной и культурной жизни – сферах, на которые в условиях Дальстроя обращали внимание по остаточному принципу. Наряду с развитием в области системы народного образования, медицинского и социального обеспечения, новое партийно-советское руководство уделяло внимание развитию учреждений культуры.

Учреждения культуры, принадлежащие Дальстроя, переходили на баланс облисполко-

ма, партийные органы укрепляли контроль через рассмотрение главных вопросов культурного развития на бюро и секретариате областного партийного комитета. Текущее руководство через городской и районные отделы культуры осуществляло управление культуры Магаданского облисполкома. Важнейшие вопросы рассматривались на заседаниях советов управления культуры, проведение областных мероприятий помогало мобилизовать районы на выполнение поставленных задач, а для контроля на местах, в районы командировались представители аппарата управления культуры. Управление культуры облисполкома занималось вопросами культурно-просветительской работы, организацией и контролем деятельности учреждений искусств, полиграфии, кинопроката, планированием и материально-техническим снабжением организаций культуры и искусства.

Сеть государственных культурно-просветительских учреждений, принятых от Дальстроя управлением культуры Магаданского облисполкома, в 1954 г. включала областной музей и областную библиотеку, окружной музей, детскую библиотеку, 9 районных библиотек и домов культуры, 26 сельских клубов, 18 сельских библиотек, 27 изб-читален, 21 красную ярангу и музыкальную детскую школу (Государственный архив Магаданской области, далее – ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 2. Л. 36). В районах области также имелась профсоюзная сеть культурно-просветительских учреждений, которая насчитывала 113 клубов, 104 библиотеки и 132 красных уголка (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 608. Л. 31).

Имеющаяся сеть не обеспечивала плановые потребности созданной области. Большинство районных и сельских клубов, библиотек и изб-читален размещались в непригодных темных помещениях, где отсутствовали фойе, комнаты для кружковой работы и подсобные помещения. Библиотеки, как правило, не имели читальных залов. Многие учреждения располагались в ветхих зданиях, некоторые сельские дома культуры – в сбитых фанерных коробках или брезентовых палатках, или занимали площадь колхозов, сельских советов, районных отделов народного образования и вели работу только после окончания работы этих организаций.

Кроме того, клубы и библиотеки почти не имели необходимого оборудования, дома культуры обычно имели один-два стола и несколько скамеек, библиотеки – один стол и несколько

стеллажей, многие учреждения и вовсе не имели стульев, в большинстве клубов отсутствовали музыкальные инструменты и настольные игры. Плановый завоз покрывал только 15-20% заявок (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 2. Л. 37). Практически во всех учреждениях необходимо было обновлять материально-техническую базу, в районные дома культуры требовались радиолы, магнитофоны, музыкальные инструменты; в красные яранги – радиоприемники, облегченные электростанции, киноустановки и утепленные палатки.

В начале 1954 г. в Магаданской области в учреждениях культуры работало 243 работника, к 1957 г. число работников увеличилось до 405 чел. (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 608. Л. 34). В 1958-1959 гг. на курсах переподготовки было обучено 291 чел., в районы области на работу в учреждения культуры было направлено 136 специалистов (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 606. Л. 29). К 1959 г. все учреждения культуры были укомплектованы кадрами, только на Чукотку было отправлено 113 чел., в 1960 г. – еще 115 чел. Тем не менее, сохранялась большая текучесть кадров, многие сотрудники переходили на другую работу или просто не выдерживали тяжелых условий работы и покидали область. В одном из отчетов областного управления культуры в 1960 г. отмечалось: «Сейчас должны приехать в область 53 молодых специалиста, но какая гарантия, что и они не уйдут, а будут работать по специальности?» (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 176. Л. 8).

В 1954-1957 гг. количество учреждений культуры росло недостаточными темпами. При росте населения области количество клубов сократилось со 170 до 158, количество киноустановок – с 330 до 297 (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 608. Л. 22). Сеть библиотек за четыре года выросла со 130 до 140, с 20 до 33 возросло количество красных яранг, в области было открыто 4 музыкальные школы, дом народного творчества и методический кабинет. Однако, сеть профсоюзных учреждений культуры при этом сокращалась, что было связано с закрытием в районах предприятий Дальстроя. По этой причине с 1954 по 1957 гг. количество профсоюзных клубов уменьшилось со 108 до 80, профсоюзных киноустановок – с 276 до 166 (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 608. Л. 22). В 1957 г. бюджет, выделяемый на текущее содержание государственных и профсоюзных учреждений (без учета капитальных вложений), составил 16,3 млн. руб., в том числе 8,5 млн. руб. на государствен-

ные учреждения и 7,8 млн. руб. на профсоюзные. Рост бюджета за первые три года существования области составил около 25% (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 608. Л. 34). Тем не менее, учитывая рост населения области и сокращение сети профсоюзных учреждений культуры, выделяемых средств не хватало для обеспечения потребностей жителей области.

Развитие сети культурно-просветительных учреждений ускорилось после третьей областной партийной конференции 1958 г., решениями которой предписывалось выдвинуть культурную политику в разряд приоритетных направлений. В 1958-1959 гг. было открыто 2 дома культуры, 18 клубов, 28 библиотек, 13 красных яранг, 2 кинотеатра, 33 киноустановки, 3 музыкальных школы (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 594. Л. 3). Данные об учреждениях культуры Магаданской области в 1958-1960 гг. представлены в таблице 1.

В 1957-1959 гг. на строительство учреждений культуры управлением культуры было израсходовано 2,7 млн. руб., за счет средств колхозов в 1957-1958 гг. построено 5 сельских клубов. На эти средства строились библиотеки, книжные магазины, сельские клубы. Всего было построено и реконструировано около 30 зданий. В 1958 г. на приобретение инвентаря и различного оборудования для клубов, библиотек и красных яранг было потрачено 2,7 млн. руб. (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 594. Л. 3-4). Многие учреждения получили комплекты народных инструментов, баяны, радиоприемники, фотоаппараты, фильмоскопы, настольные игры, патефоны, патефонные пластинки, проигрыватели, радиолы, краски, портреты, плакаты, фотовыставки. К 1960 г. сеть учреждений культуры насчитывала 12 домов культуры, 72 сельских клуба, 41 красную ярангу, областную, окружную, 2 городских, 12 районных и 55 сельских

Таблица 1

Количество культурно-просветительных учреждений Магаданской области в 1958-1960 гг.

Наименование	1958 г.	1959 г.	1960 г.
Клубы и дома культуры	161	181	189
Библиотеки	154	162	172
Красные яранги	33	38	41
Киноустановки	312	384	415
Детские музыкальные школы	2	5	6
Музыкальные школы для взрослых	-	4	4
Дома народного творчества	2	2	2
Музеи	2	2	2
Театры	1	1	1
Кинотеатры	4	6	6
Всего учреждений культуры	671	786	836

Источник: ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 606. Л. 26.

библиотек (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 9. Л. 14-15). Однако, несмотря на значительные темпы строительства, в области 55 домов культуры и сельских клубов не имели нормальных помещений, в основном арендовали комнаты в непригодных для их работы зданиях.

Действующая система красных яранг была призвана обеспечить решение культурно-просветительных задач и проведение социальной политики среди колхозников – оленеводов и охотников Крайнего Севера. В 1954 г. действовало 22 красных яранги, практически все на Чукотке, в Северо-эвенском районе действовало 2 яранги (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 2. Л. 61). Штат обычно состоял из 4 человек: заведующий, учитель-библиотекарь, киномеханик и фельдшер. Район деятельности яранг определялся расстоянием в пределах от 40 до 700 км. от центральных усадеб, средством передвижения служили собачьи и олени упряжки, вельботы.

Основные проблемы деятельности яранг заключались в нехватке подготовленных кадров и отсутствии должного материально-технического обеспечения. Работа была сложной и непрестижной, часто направляли провинившихся или проблемных работников, сотрудники яранг постоянно сменялись. Так, в Чукотском округе из 80 работников, положенных по штату, работало 52 человека, причем 8 чел. подлежали замене как не справившиеся (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 2. Л. 75). К концу 1950-х гг. управление культуры рекомендовало отказаться от завоза кадров для красных яранг из центральных районов страны, предпочтение отдавалось комплектации за счет выпускников Анадырского педагогического училища и Дебинского училища. В управленческом плане в 1950-е гг. районные отделы народного образования и здравоохранения не рассматривали учителей и фельдшеров яранг как работников своей системы, в связи с этим с их стороны слабо контролировались данные направления работы, не решались вопросы оказания методической помощи, содействия в приобретении учебников и медикаментов.

Издательство Дальстроя «Советская Колыма», организованное еще в 1936 г., выпускало производственно-техническую литературу, занималось переизданием художественных книг, изданных в центральных районах страны. «Советская Колыма» во второй половине 1940-х гг. по количеству наименований опережала Дальгиз, уступая ему по тиражам [11, с.

31]. Основное место занимала производственно-техническая литература, например, в 1951 г. издательство выпустило только 12 наименований художественной литературы и 158 – ведомственной и технической [2, с. 10].

Произведения местных литераторов появлялись лишь эпизодически. Так, в 1940 г. вышли две книги «Колымского альманаха», а в 1952-1954 гг. были изданы два сборника «Литературная Колыма» [3, с. 76]. Как отмечает С.А. Пайчадзе, это было связано с тем, что литературные силы на Колыме были недостаточно сильны, а обособленность региона, слабость транспортных коммуникаций затрудняли поступление книг из центра страны [11, с. 30].

Магаданское областное книжное издательство, организованное в августе 1954 г. на основе «Советской Колымы», стало для местных литераторов объединяющим центром. При издательстве в 1954 г. было создано литературное объединение, которое за первые четыре года выросло с 13 до 43 авторов. В состав литературного объединения входили наиболее способные литераторы, а общее число литературного актива в начале 1960-х гг. достигало 150 чел.

К началу 1955 г. в редакционном портфеле издательства еще не было ни одной рукописи из новых книг и брошюр, принятых к выпуску, имелись только оригиналы книг, намеченных к переизданию. В 1955 г. Магаданским издательством было издано 106 наименований тиражом 610 тыс. экз., в 1956 г. – 161 наименование тиражом 495 тыс. экз. и в 1957 г. – 170 наименований тиражом 535 тыс. экз. (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 608. Л. 52). Если в конце 1954 г. в издательстве насчитывалось 50 авторов, то в 1958 г. число авторов достигло 1168 чел. Всего в 1954-1958 гг. было выпущено 477 наименований книг и брошюр. С 1957 г. издательство вообще отказалось от перевыпуска книг в пользу новых оригинальных изданий. Книги издавались в большинстве тиражами от 1 до 3 тыс. экземпляров, максимальный тираж – 15 тыс. экз. (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 87. Л. 117-118).

С 1955 г. по инициативе писателя Н.В. Козлова в Магадане трижды в год выходил литературно-художественный альманах «На Севере Дальнем», который с 1959 г. превратился в подписное издание с ежеквартальным выпуском. За 1954-1958 гг. состоялось два областных собрания местных писателей и два собрания литературного актива города Магадана. Отделение союза писателей Магаданской области было создано 1 марта 1960 г.

Основные направления работы издательства определялись изданием оригинальных художественных произведений, массово-политической литературы, литературы по истории народов Северо-Востока, производственно-технической литературы. Стабильную работу удалось наладить к 1956 г., с этого же времени издательство приступило к выпуску книг, брошюр и плакатов на чукотском языке. К середине 1958 г. было выпущено 41 наименование книг и брошюр на чукотском языке. Для сравнения за 25 лет с 1930 г. по 1955 г. в издательствах Москвы, Ленинграда и Хабаровска было выпущено 116 изданий на чукотском языке (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 87. Л. 118). В 1958-1959 гг. выпуск литературы на языках народов Севера был увеличен, всего было выпущено 59 изданий на чукотском языке, два издания на эвенском и четыре издания на эскимосском языке (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 594. Л. 7). Как отмечают исследователи, в 1950-е гг. книги на языках коренных народов Дальнего Востока выходили лишь в Магадане и Хабаровске, Магаданское книжное издательство работало в этом направлении наиболее активно [13, с. 93].

Параллельно с областным издательством действовало ведомственное издательство отдела технической информации совнархоза, которое в конце 1950-х – начале 1960-х гг. выпускало до 170 названий производственно-технической литературы и объединяло свыше 300 авторов, в большинстве своем инженерно-технических специалистов (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 87. Л. 120). Товароборот облкнигторга в 1955-1957 гг. составлял около 8,5 – 10,5 млн. руб. в год, годовые планы не выполнялись. В результате завоза товаров и невыполнения установленных планов образовывались большие запасы товаров, в середине 1958 г. товарные запасы на складах составили в денежном выражении 19,2 млн. руб. (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 608. Л. 42-46). Одной из причин были большие тиражи местных изданий, которые не пользовались спросом и годами лежали на складе.

Бывшая газета Дальстроя «Советская Колыма» в январе 1954 г. была переименована в «Магаданскую правду». В середине 1950-х гг. издания «Магаданская правда» и «Колыма» были главными источниками получения информации для жителей области. Мириам Шпрау, проанализировавшая материалы магаданских изданий за 1954-1959 гг., отмечает, что партийно-советское руководство области использовало печатные издания в своей борьбе с Дальстроем и на-

правляло прессу на формирование у населения чувства «регионального самосознания». Автор зафиксировала, что с переходом контроля к партийным органам происходит изменение тематики периодических изданий, обновление авторского коллектива, рост критических статей, изменение стиля и полиграфического оформления газеты [15, с. 177-179].

Изменения в журнале «Колыма», издававшемся Дальстроем, происходили медленнее, по мнению исследователя, переход журнала под партийный контроль произошел после реорганизации Дальстроя в совнархоз в 1957 г. [15, с. 181]. К 1962 г. производственно-технический бюллетень «Колыма» издавался тиражом в 2500 экз. и распространялся путем платной индивидуальной подписки, а также поступал в розничную продажу в киоски «Союзпечати». Бюллетень «Колыма» в этот период являлся единственным в стране изданием журнального типа, широко освещающим проблемы разработки россыпных месторождений полезных ископаемых. Обком регулярно рассматривал планы работы редколлегии бюллетеня, а отчеты редколлегии обсуждались на бюро обкома (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 580. Л. 75).

Отделение Союза журналистов в г. Магадане было образовано в 1957 г. К 1958 г. издавалось 18 газет, среди них две областные «Магаданская правда» и «Магаданский комсомолец», две окружные и 14 районных газет. Окружная газета «Советкэн Чукотка» издавалась на чукотском языке. Разовый тираж выпускаемых в области газет в 1958 г. составлял свыше 70 тыс. экз., общий годовой тираж – свыше 19 млн. экз. (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 1. Д. 603. Л. 1-2). Однако если разовый тираж главной областной газеты «Магаданская правда» в 1954 г. составлял 50 тыс. экз., то в 1957 г. – 42 тыс. экз. (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 608. Л. 39).

В 1963 г. в г. Магадане жителями было выпущено 63 тыс. газет и журналов. (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 603. Л. 18). Среди основных изданий были газеты «Правда», «Известия», «Магаданская правда», «Магаданский комсомолец». Не пользовался популярностью магаданский альманах «На Севере Дальнем», при плане 600 экз. подписка составила всего 315 экз. (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 603. Л. 19). Подписка на газеты и журналы в 1967 г. достигла почти 500 тыс. экз. Подписка на Магаданскую правду в 1967 г. составила 130 экз. на 1000 чел. населения, в самом городе Магадане на 1000 чел. приходилось 193 экз. (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 603. Л. 74).

Областная библиотека была организована в июле 1954 г. на базе Центральной городской библиотеки и располагалась в здании театра, занимая площадь 377 кв. м. (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 2. Л. 42). Помещение было приспособлено к нуждам библиотеки, но не соответствовало задачам дальнейшего развития. Требовалось найти новое место для библиотеки. Всего здесь работало 29 человек, среди них с высшим образованием – 3 чел., со средним библиотечным – 2 чел., 7 чел. практики. Специалистов с библиотечным образованием не хватало. В 1954 г. количество читателей составило 4 457 чел., книжный фонд – 88 тыс. экз., из них на абонементе было 8 тыс. книг, в течение 1954 г. библиотека приобрела литературы на 140 тыс. рублей – это было в 10 раз больше чем в 1953 г. (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 2. Л. 43).

Всего в первые четыре года после образования области количество библиотек увеличилось с 23 до 53 с книжным фондом 271 тыс. книг. В течение 1956 г. было зарегистрировано 14,7 тыс. читателей, которым было выдано 325 тыс. книг (ГАМО. Ф. Р-161. Д. 176. Л. 2-5). Областная библиотека и методический кабинет оказывали практическую помощь учреждениям культуры, в частности готовились методические разработки вечеров, сценарии постановок, проводились читательские конференции, библиографические обзоры. Методический кабинет издавал различные брошюры, разработки и рекомендации для сельских клубов, «тружеников тундры», выпускал плакаты. Поощрялось всяческое развитие самодеятельного искусства, проводились областные смотры художественной самодеятельности, периодические областные выставки изобразительного и прикладного искусства. Всего в области в 1961 г. работало 730 кружков клубной художественной самодеятельности с количеством участников 9,6 тыс. чел. (ГАМО. Ф. Р-161. Д. 176. Л. 27). В 1968 г. на базе городской детской библиотеки была образована Магаданская областная детская библиотека.

Охотско-Колымским краеведческим музеем в 1936-1952 гг. руководил А.П. Хмелинин, внесший большой вклад в развитие учреждения. В 1946 г. музей принял активное участие в работе Колымской археологической экспедиции АН СССР под руководством А.П. Окладникова [14, с. 95]. В 1954 г. учреждение было переименовано в Магаданский областной краеведческий музей, на тот момент имелось 20 990 экспонатов, в том числе 9 427 экспонатов основного фонда и

11 563 научно-вспомогательного фонда (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 2. Л. 46).

Музей нуждался в новом помещении, так как оба помещения музея были временного типа, каркасно-засыпной конструкции, построенные еще в начальный период деятельности Дальстроя в 1933 г. для общежития дорожно-строительных рабочих. К середине 1950-х гг. крыша, покрытая финской стружкой, сгнила и протекала, пол был разрушен и поражен грибом, потолок также во многих местах протекал, не было водоснабжения и центрального отопления (действовала система из 14 печей) (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 2. Л. 46).

Этнографические экспедиции музея в 1954 г. (Ольский и Северо-Эвенский район) организовала А.В. Беляева, будущий директор музея в 1967-1975 гг. Были собраны коллекции по этнографии чукчей, эскимосов, коряков, эвенов, в том числе произведения изобразительного, декоративно-прикладного искусства: чукотско-эскимосская резная и гравированная кость, изделия из кожи и меха [14, с. 95-96]. В 1955 г. музей провел археологическую экспедицию по берегам Охотского моря, в результате было установлено около 200 древних памятников и собрано 524 экспоната (каменные и костяные орудия, украшения, антропологические фрагменты). В 1955 г. музей посетило 31 110 чел., за год были созданы новые экспозиции: «Первобытно-общинный строй на территории СССР и Магаданской области», «Одежда, жилище, культура коренного населения в прошлом», «Первая русская революция» (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 30. Л. 3). В 1958 г. музеем были осуществлены три научные командировки в Ольский и Чукотский районы, собрано около 800 экземпляров, характеризующих быт северных народностей, а также около 400 экземпляров растительного и животного мира.

В 1961 г. музей работал без входной платы с посетителей, всего зафиксировано 43,6 тыс. посетителей, передвижная экспозиция музея обслужила 53 тыс. чел. в районах области. Основными посетителями музея являлись учащиеся школ и студенты. Всего в музее в 1961 г. работало 19 чел., среди которых было 7 научных работников (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 30. Л. 123). Сотрудниками музея активно велись сборы новых материалов и научно-исследовательские работы. Выходил в свет сборник научных трудов «Краеведческие записки», осуществлялись археологические экспедиции на Охотском побережье, проводились научные командировки

в центральные архивы и научные учреждения по изучению и сбору документов по истории Северо-Востока. В 1960-е гг. отмечалась необходимость пополнения коллекций материалами современности. В начале 1960-х гг. усилился интерес к дальстроявскому периоду истории края. Так, в 1961 г. сотрудниками музея была подготовлена коллекция фотографий первого директора Дальстроя Э.П. Берзина (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 30. Л. 123).

Формирование первых театральных коллективов на Северо-Востоке относится к 1933 г., в том же году в клубе Управления Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей Дальстроя состоялась первая премьера спектакля «Утопия» в постановке Г.П. Шнабеля [6, с. 20]. С 1938 г. театр именовался драматическим театром им. М. Горького, а осенью 1941 г., объединив драматическую и эстрадную сцены, музыкально-драматический театр занял новое здание Дома культуры.

Театр сложился как музыкально-драматический, ведущий работу в трех направлениях: драма, оперетта, эстрада. В 1953 г. творческий состав театра насчитывал 86 человек, было дано 600 спектаклей (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 580. Л. 6). В июне 1954 г. театр был передан Дальстроем в ведение управления культуры облисполкома. Театр был передан с существующим штатом, условиями оплаты труда, нормативом оборотных средств и лимитами по труду. При передаче театр уже имел сверхплановый убыток в 456 тыс. руб. (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 11. Л. 115). Расходы театра значительно превышали доходы, а после передачи в ведение областных организаций театр оказался в тяжелом финансовом положении, и по просьбе области правительством была установлена ежегодная государственная дотация.

Высокая стоимость содержания театра объяснялась выплатой установленных правительством льгот по заработной плате для работников Крайнего Севера, а также высокими расходами на отопление театра, продолжающимися почти круглый год. После передачи театра Дальстрой повысил счета, предъявляемые театру за коммунальные услуги, и облисполком обратился непосредственно к министру цветной металлургии СССР П.Ф. Ломако (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 11. Л. 109-110). В результате судьба театра решилась при личной поддержке начальника Дальстроя И.Л. Митракова. В целях снижения расходов в 1955 г. была проведена реорганизация театра и сокращение штатов, ве-

дена практика выездов на гастроли за пределы области.

В 1954-1957 гг. ежегодные расходы театра составляли около 6-7 млн. руб. (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 608. Л. 51). В этот период удалось сохранить театр и остановить массовый выезд творческого состава. В 1950-е – 1960-е гг. театр активно гастролировал по районам области и в соседних регионах, тем не менее, финансовая деятельность оставалась убыточной, в значительной степени руководству помогло сотрудничество с известным певцом Вадимом Козиним, работником театра, концерты которого пользовались популярностью и по нашим подсчетам во второй половине 1950-х гг. обеспечивали до 35-40% доходов театра.

В. Козин и гастрольная бригада Магаданского театра, состоящая обычно из 3-4 человек, давали концерты в области, а с 1956 г. и в различных городах СССР. Осенью 1958 г. одна из программ В. Козина прослушивалась руководящими работниками Министерства культуры СССР. Руководство вынуждено было постоянно повышать оплату гастрольной деятельности В. Козина, в 1957 г. директор театра просил оплачивать певцу каждый отработанный концерт из расчета 4,5 ставки, что составляло в сумме 867 руб. за концерт (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 62. Л. 288). За 1958 г. В. Козину была начислена заработная плата с надбавками в размере 187 тыс. руб., при этом чистая прибыль театра от концертов певца за этот же период составила 402 тыс. руб. (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 62. Л. 53). Репертуарный список В. Козина включал в 1957 г. 75 композиций, включая произведения собственного сочинения.

За 1953-1958 гг. театр осуществил постановку 72 спектаклей (22 музыкальных и 50 драматических). Среди драматических работ следует отметить смелую постановку «Бани» В. Маяковского, работа над которой началась весной 1953 г. Число обслуженных зрителей с 1954 по 1957 г. увеличилось с 119 до 229 тыс. чел. (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 608. Л. 48-49). В 1958 г. впервые при Магаданском музыкально-драматическом театре была создана театральная студия, куда было принято 20 молодых студентов (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 87. Л. 115). В 1958-1959 гг. театр двумя группами выезжал в районы области, и в 1959 г. третьей группой – в Чукотский национальный округ.

С 1965 по 1974 г. художественным руководителем театра был В.Я. Левиновский, сформировавший синтетическую труппу театра, поста-

вивший популярные спектакли, среди которых «Фиалка Монмантра», «Летучая мышь», «Венские проказницы», «Принцесса цирка», «Баядера» и другие. Интересно, что В.Я. Левиновский выступил инициатором создания национального чукотского ансамбля песни и танца, предложив и название коллектива («Рассвет»), быстро завоевавшего популярность зрителей [7, с. 147].

Правление Союза художников СССР в 1957 г. вынесло решение о создании в Магаданской области орггруппы и отделения Художественного фонда РСФСР. В ноябре 1957 г. было проведено общее собрание Магаданской орггруппы Союза художников СССР. Облисполком выделил помещение для организации мастерской, Художественному фонду был направлен производственно-финансовый план мастерской. Однако выделение средств затягивалось, и облисполком обращался для решения этого вопроса к председателю совета министров РСФСР Д.С. Полянскому. (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 57. Л. 159).

С 1955 г. активно развивалось косторезное искусство, улучшилась работа Уэленской мастерской, во главе которой был поставлен художник И.П. Лавров. В Уэлен для мастерской доставили два сборных Дома, электростанцию и новое оборудование, при мастерской на государственном обеспечении была создана группа учеников [10, с. 152]. Гравюры по кости, выполненные уэленскими мастерами, экспонировались в городах СССР и за рубежом: Брюссель – 1957 г., Монреаль – 1967 г.

В 1958-1959 гг. Союзом художников были проведены две областные выставки. В 1959 г. при областном управлении культуры был создан художественный Совет, его обязанности включали просмотр и отбор для экспонирования творческих работ, просмотр и изъятие антихудожественных произведений, просмотр и отбор эскизов оформления города и прием оформления [12, с. 87]. Магаданская организация Союза художников РСФСР была создана в 1962 г. Председателем стал художник-график Д.А. Брюханов. Ранее, в 1957 г. на Международной выставке в Лейпциге его иллюстрации к «Сказкам народов Севера» были удостоены почетного диплома. [9, с. 125].

В 1957 г. в Магадане при активном участии общественности был сооружен любительский телевизионный центр, обслуживающий большой круг населения не только города, но и прилегающих поселков. Телевизионная мачта была спроектирована специалистами института «Дальстройпроект» и смонтирована на Марче-

канском заводе. Первая студийная телепередача состоялась 31 декабря 1959 г., внестудийная – в 1967 г. Тогда же была построена спутниковая станция Орбита, благодаря которой начался прием первой программы центрального телевидения [9, с. 120].

К 1964 г. количество радиоточек достигло 64,6 тыс., в среднем на 100 жителей имелось 21,9 радиоточек. В Магадане, пригородах и поселке Ола имелось 10 тыс. телевизоров, телевидение охватывало около 40 тыс. чел. (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 590. Л. 29). В 1967 г. в области имелось 77 тыс. радиоточек и 16 800 телевизоров (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 584. Л. 126). В 1965 г. был введен в строй Дом радио в Магадане, где было установлено новое оборудование. Как отмечали руководители области в 1967 г., телевизионная вышка, венчающая проспект Ленина в г. Магадане, стала символом развития культуры области (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 435. Л. 13).

Повышенное внимание партийное руководство уделяло работе кинотеатров, кинематограф играл большую роль в пропагандистской и агитационной деятельности, увеличивалось количество кинотеатров и сеансов. В середине 1950-х гг. в Магадане кино демонстрировалось в трех кинотеатрах – «Горняк», «Моряк», «Новости дня», а также в клубах профсоюзов и промкомбината. Самым крупный кинотеатр – «Горняк», открытый в 1948 г., в 1958 г. был капитально отремонтирован и переоборудован в кинотеатр широкоэкранный формата на 600 мест (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 87. Л. 85).

В 1954 г. в области работало 333 киноустановки, в том числе 61 в государственной сети и 272 в профсоюзной. С 1954 по 1957 гг. в области организовали 44 киноустановки, 4 отделения кинопроката и 10 фильмо-проверочных пунктов, в районы было направлено 45 киномехаников и 6 кинотехников (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 65. Л. 13). Тем не менее, к 1957 г. общее число действующих киноустановок сократилось до 268, из них 100 действовало в государственной сети и 168 в профсоюзной (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 608. Л. 35). Это также было связано с ликвидацией предприятий Дальстроя, имевших клубы и киноустановки.

Государственная киносеть с 1954 г. увеличилась более чем в 2,5 раза, в начале 1958 г. в области действовало 133 киноустановки (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 87. Л. 81). Все киноустановки в 1957 г. обслужили 10,8 млн. зрителей (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 608. Л. 36). В 1958 г.

в Магадане была организована стационарная школа киномехаников, где обучалось 26 чел. представителей коренных национальностей. Для улучшения технической базы киносети в 1958-1959 гг. в районы направлено 104 киноаппарата и 63 электростанции. В 1959 г. в области было показано более 200 новых кинофильмов, проведено 145,8 тыс. киносеансов, обслужено 12,7 млн. человек (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 606. Л. 30).

В 1962 г. в Магадане был открыт кинотеатр «Мир, а в 1965 г. – кинотеатр «Октябрь». К 1962 г. в области действовало 472 киноустановки. Демонстрировалось фильмы советского и зарубежного производства. Зарубежные фильмы пользовались успехом у зрителей и занимали значительный удельный вес в репертуаре кинотеатров. За 10 месяцев 1962 г. кинотеатр «Спутник» из 383 фильмов продемонстрировал 82 фильма «капиталистического» производства, кинотеатр «Моряк» – 49 фильмов из 349. В третьем квартале 1962 г. в главном кинотеатре города «Горняк» 108 советских фильмов посмотрели 165 тыс. зрителей, а 28 западных фильмов – 110,5 тыс. зрителей. Каждый советский фильм в среднем демонстрировался 4 сеанса, каждый западный – 9 сеансов. Популярностью пользовались «Семь невест для семи братьев», «Седьмое путешествие Синдбада», «12 девушек и один мужчина», «Великолепная семерка» (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 591. Л. 15-16).

Всего в начале 1960-х г. в области работало 886 различных культурно-просветительных учреждений (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 176. Л. 39). В конце 1950-х – начале 1960-х гг. составлялись двухлетние планы развития культуры области. В плане на 1961-1962 гг. определялись сферы влияния каждого клуба, библиотеки, яранги, с тем чтобы каждый населенный пункт был охвачен мероприятиями. Особое внимание уделялось укреплению связи учреждений культуры с колхозами, рабочими бригадами, участками, намечалось открытие и строительство новых учреждений, в том числе за счет колхозов (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 176. Л. 41).

В Магадане в начале 1960-х гг. сложилась неудовлетворительная ситуация с размещением важнейших учреждений культуры. Так, в начале 1960 г. по решению секретариата обкома должны были расселить 20 квартир первого этажа дома №1 по ул. Портовой для предоставления помещений под абонемент областной библиотеки им. Пушкина, но к осени решение так и не было исполнено. Городские библиоте-

ки также располагались в непригодных помещениях: первая городская библиотека – в здании кинотеатра «Моряк» в двух маленьких комнатах 3,5 кв. м., без читального зала, вторая городская – в ветхом жилом здании в пос. Марчекан. Областной краеведческий музей еще со времен Дальстроя размещался в непригодных помещениях, школа киномехаников располагалась в одной комнате городского клуба профсоюзов. В 1960 г. многие творческие организации и вовсе не имели помещений, в том числе союзы художников и композиторов, отделение писателей, хоровое общество. Вместе с открытием новых учреждений возникали новые вопросы, оперативно решать которые управленцы были не в состоянии. Например, открытие в 1960 г. музыкального училища на 50 учащихся требовало обеспечить подготовку помещения для общежития, а в целом расширение Магаданской музыкальной школы повлекло переселение Дома народного творчества в старое помещение, не приспособленное для учебной работы (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 133. Л. 57-58).

В отчетных документах отмечалось, что в рамках выполнения семилетнего плана сеть культурно-просветительных учреждений Магаданской области увеличилась и к 1966 г. включала 250 клубов и домов культуры, 244 библиотеки с 2 млн. книг, 320 красных уголков, 50 красных яранг, 9 музыкальных школ, 2 музея, 600 киноустановок, 12 кинотеатров, окружной дом народного творчества и областной методический кабинет. Бюджет 1966 г. на содержание культурно-просветительных учреждений составил 2,2 млн. руб. (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 591. Л. 28-29).

В 1964 г. в Магадане был открыт областной Дворец культуры профсоюзов. Дворец располагал сотней различных помещений, где действовали народный театр, народная хоровая капелла, клуб кинолюбителей, детский сектор, шахматный клуб, стрелковый тир, библиотека, клуб научно-технической пропаганды, живой уголок, музыкальный салон, балетная студия. Дворец мог одновременно принять более тысячи посетителей, имелся большой зал на 600 мест с технически оборудованной сценой и малый зал на 300 мест, выставочные и танцевальные залы. Новые дома культуры были открыты во многих районных центрах области.

В 1964 г. во всей сети культурно-просветительных учреждений области работало 344 чел., из них с высшим образованием –

48 чел., со средним – 196, с незаконченным средним – 99 человек. Большинство сотрудников с неполным средним образованием работали в красных ярангах (59 чел.), домах культуры и сельских клубах (27 чел.). Из всех работающих 55 чел. были представителями коренных национальностей (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 610. Л. 3-5). Управлением культуры ставилась задача укомплектовать учреждения культуры квалифицированными специалистами, для этого в Министерство культуры РСФСР ежегодно направлялись заявки на требуемое количество молодых специалистов – выпускников высших и средних учебных заведений. Согласно архивным данным, заявки полностью не выполнялись. Например, в 1961 г. из 51 заявленных прибыло 19 специалистов, в 1962 г. из 71 прибыло 32, в 1963 г. из 43 прибыло 14, а в 1964 г. из 34 прибыло только 5 чел. (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 610. Л. 6).

Всего за период с 1961 по 1964 гг. на работу в дома культуры, клубы, библиотеки и красные яранги было направлено 156 чел., в том числе 70 чел. молодых специалистов и 39 чел. киномехаников красных яранг, однако за это же время из 156 человек выбыло 77 чел., из них 50 чел. молодых специалистов (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 610. Л. 6-7). На Чукотку за 1961-1964 гг. было направлено на работу 116 человек, из них выбыло 64 специалиста. В середине 1960-х гг., согласно рекомендациям правительства, в учреждениях культуры проводилась политика совмещения должностей заведующих клубов и библиотек. К началу 1970-х гг. число клубов и домов культуры увеличилось до 257, красных яранг – до 56, число киноустановок превысило 700. Число библиотек выросло до 455, книжный фонд – до 3,7 млн. томов [3, с. 54]. Всего с 1954 г. по 1971 г. в области было построено четыре Дворца и Дома культуры на 1220 мест, 54 клуба на 8 715 мест, четырнадцать кинотеатров на 4410 мест, в том числе на Чукотке было введено шестнадцать клубов, два районных Дома культуры и четыре кинотеатра [3, с. 56].

Итак, сеть культурно-просветительных учреждений Магаданской области, принятая от Дальстроя, не обеспечивала руководству региона необходимой базы для закрепления населения на Северо-Востоке. Большинство учреждений располагались в непригодных помещениях и не имели необходимого оборудования. Учреждения культуры нуждались в обновлении материально-технической базы, но плановое обеспечение покрывало только

пятую часть заявок. Кроме этого, на середину 1950-х гг. пришлось закрытие многих предприятий Дальстроя и связанная с этим ликвидация профсоюзных клубов, при которых также действовали библиотеки и киноустановки. На фоне роста населения области руководству региона в 1954-1957 гг. не удавалось обеспечить нужные показатели развития учреждений культуры.

Тяжелые условия работы, невысокая зарплата, отсутствие нормального жилья, климатические условия были причинами высокой текучести кадров, особенно в Чукотском национальном округе. Согласно действующему законодательству, молодые специалисты должны были отработать три года после окончания учебного заведения, но большинство специалистов или покидали область, или с согласия местных организаций переводились на другую работу до окончания трехлетнего периода.

Управленческие проблемы в середине 1950-х гг. упирались в противоречия с Дальстроем, который, сохраняя большие возможности, не спешил поддерживать переданные облисполкому учреждения. В истории с Магаданским театром, находившимся на грани закрытия, руководство области сделало ставку на расширение концертной деятельности и сотрудничество с В. Козиним. В 1950-1960-е гг. Магаданский областной театр являлся центром культурной жизни на Северо-Востоке, с уникальным музыкально-драматическим профилем и традициями сотрудничества с творческими объединениями.

Внимание руководства области к сфере кино и телевидения было обусловлено их ролью в закреплении населения на территории региона. Популярностью магаданских зрителей пользовались западные кинофильмы. Распространение радио и телевидения имело важное значение в условиях больших расстояний между населенными пунктами Магаданской области. Деятельность книжного издательства, вокруг которого стали группироваться литераторы, способствовала созданию местного отделения Союза писателей. Главная тенденция заключалась в переориентации печатной деятельности с переизданий на публикацию произведений магаданских авторов. Кроме этого, издательство занимало лидирующие позиции в СССР по выпуску книг на языках коренных народов Дальнего Востока.

Областной музей в 1950-е – 1960-е гг. пополнял коллекции этнографическими и археологическими материалами, создавал новые экспозиции. Областная библиотека и методический

кабинет помогали учреждениям культуры в разработке культурных мероприятий, подготовке сценариев, проведении конференций и вечеров. Со второй половины 1960-х гг. одним из ключевых центров культурной жизни города и области стал областной Дворец культуры профсоюзов.

Однако не были решены вопросы строительства новых зданий для областных учреждений культуры, которые все еще размещались в ветхих помещениях дальстроевских времен. Количественный рост учреждений культуры сопровождался управленческими проблемами переселения организаций и объединений, найма сотрудников, подготовки помещений для работы и проживания работников. Помимо сложностей с набором квалифицированных специалистов, в учреждениях культуры в 1960-е гг. оставалась высокая текучесть кадров. Этот вопрос неоднократно поднимался и в отношении красных яранг. Несмотря на успехи красных яранг в работе с оленеводами и охотниками Севера-Востока, огромные расстояния и трудные условия работы не позволяли выполнять планы по привлечению квалифицированных специалистов из центральных районов страны.

Текущая деятельность учреждений культуры контролировалась облисполкомом и обкомом. Руководящие кадры учреждений культуры, председатели творческих союзов, руководители художественной самодеятельности, редакторы газет утверждались на бюро обкома. Планы газет, репертуар театров, программы мероприятий также обсуждались членами бюро и утверждались на заседаниях бюро обкома. Основной составляющей культурной политики в конце 1950-х – 1960-е гг. была установка на увеличение количества произведений, отражающих производственные проблемы и современную жизнь горняков, шоферов, специалистов колхозов, оленеводов и охотников.

Таким образом, первые годы после создания области были переходными для социально-культурной сферы, развитие учреждений культуры получило мощный импульс после смены руководства Магаданского обкома и третьей областной партийной конференции в 1958 г. В конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. в Магаданской области были введены в строй новые учреждения культуры, обновлено оборудование и инвентарь клубов, кинотеатров, библиотек и красных яранг, основаны региональные творческие союзы композиторов, писателей и худож-

ников, что наряду с открытием в г. Магадане педагогического и научных институтов создавало благоприятные условия для населения.

В целом, развитие учреждений культуры, сопровождавшееся интенсивными темпами жилищного строительства, было направлено на закрепление прибывающих в регион специалистов, создание нормальных условий для повседневной жизни людей. Несмотря на тяжелые условия труда и жизни, сложную социальную обстановку, изменения в культурной сфере, произошедшие на Северо-Востоке России к концу 1960-х гг., были значительными, особенно они были заметными для той части северян, кто начинал трудовой путь в Дальстрое еще в 1930-е – 1940-е гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зеляк В.Г. Валютный цех страны: история развития горнопромышленного комплекса Северо-Востока России в 1928-1991 гг. Томск, 2015.
2. История книжного дела Магаданской области: Сб. док. 1933-1994 гг. Магадан, 2004.
3. Каштанов И.Н. Культура Крайнего Севера: достижения, проблемы. Культурное строительство в Магаданской области. Магадан: Кн. изд-во, 1971.
4. Книжная культура Магаданской области: история, проблемы и перспективы: Материалы Первой межрегиональн. науч.-практ. конф., 16-18 апр. 2003 г., г. Магадан. Магадан, 2003.
5. Козлов А.Г. Огни лагерной рампы: из истории Магаданского театра 30-50-х гг. М.: Раритет, 1992.
6. Козлов А.Г. Театр на северной земле: Очерки по истории Магадан. муз.-драм. театра им. М. Горького (1933-1953 гг.). Магадан, 1992.
7. Левиновский В.Я. Десять театральных сезонов на Колыме: воспоминания и размышления режиссера. Магадан, 2014.
8. Леонтьев В.В. Хозяйство и культура народов Чукотки (1958-1970). Новосибирск: Наука, 1973.
9. Магадан: путеводитель-справочник. / сост. Л. Комарова. Магадан: Кн. изд-во, 1989.
10. Неведова С.П. Культурное строительство на Чукотке (1917-1958 гг.) // Из истории промышленного и культурного строительства Чукотки / отв. ред. А.И. Крушанов. Магадан: Кн. изд-во, 1971. С. 81-157.
11. Пайчадзе С.А. Об изучении книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Из истории издательства Советская Колыма // Книж-

ная культура Магаданской области: история, проблемы и перспективы: Материалы Первой межрегиональн. науч.-практ. конф., 16-18 апр. 2003 г., г. Магадан. Магадан, 2003. С. 20-33.

12. Понкратова И.Ю., Коновалова А.А. Деятельность Магаданского отделения союза художников РСФСР в 1957-1969 гг. // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2016. № 26. С. 86-94.

13. Филаткина И.В. Деятельность Магаданского книжного издательства по выпуску книг на языках коренных народов Дальнего Востока в 50-80-е годы XX века. // Книжная культура Магаданской области: история, проблемы и перспективы: Материалы Первой межрегиональн. науч.-практ. конф., 16-18 апр. 2003 г., г. Магадан. Магадан, 2003. С. 93-99.

14. Хазан Е.В. Историко-этнографические исследования Магаданского областного краеведческого музея (1934-1955 гг.) // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2016. № 26. С. 94-97.

15. Шпрау М. Магаданская пресса 1954-1959 гг. как фактор десталинизации Северо-Восточного региона СССР // Колымский гуманитарный альманах. 2007. Вып. 2. С. 171-187.

REFERENCES

1. Zelyak, V.G., 2015. Valyutnyi tsekh strany: istoriya razvitiya gornopromyshlennogo kompleksa Severo-Vostoka Rossii v 1928-1991 gg. [Currency workshop of the country: history of mining in Northeast Russia, 1928-1991]. Tomsk. (in Russ.)
2. Istoriya knizhnogo dela Magadanskoi oblasti: Sb. dok. 1933-1994 gg. [History of publishing in Magadan region: collection of documents. 1933-1994]. Magadan, 2004. (in Russ.)
3. Kashtanov, I.N., 1971. Kul'tura Krainego Severa: dostizheniya, problemy. Kul'turnoe stroitel'stvo v Magadanskoi oblasti [Culture of the Extreme North: progress and problems. Cultural development of the Magadan region]. Magadan: kn izd-vo. (in Russ.)
4. Knizhnaya kul'tura Magadanskoi oblasti: istoriya, problemy i perspektivy: Materialy Pervoi mezhregional'n. nauch. prakt. konf., 16-18 apr. 2003 g., g. Magadan [Book culture of Magadan region: history, problems and prospects. Proceedings of the First interregional scientific conference, April 16-18, 2003, Magadan]. Magadan, 2003. (in Russ.)
5. Kozlov, A.G., 1992. Ogni lagernoi rampy: iz istorii Magadanskogo teatra 30-50-kh gg. [Prison

camp's footlights: from the history of Magadan theatre, 1930s-1950s]. Moskva. (in Russ.)

6. Kozlov, A.G., 1992. Teatr na severnoi zemle: Ocherki po istorii Magadan. muz.-dram. teatra im. M. Gor'kogo (1933-1953 gg.). [A theatre on the northern land: essays on the history of M. Gorky Magadan music drama theatre, 1933-1953]. Magadan. (in Russ.)

7. Levinovskii, V.Ya., 2014. Desyat' teatral'nykh sezonov na Kolyme: vospominaniya i razmyshleniya rezhissera [Ten theatric seasons in the Kolyma: memories and reflections of a director]. Magadan. (in Russ.)

8. Leont'ev, V.V., 1973. Khozyaistvo i kul'tura narodov Chukotki (1958-1970) [Economy and culture of the peoples of Chukotka]. Novosibirsk. (in Russ.)

9. Magadan: putevoditel'-spravochnik [Magadan: a guidebook]. Magadan: Kn. izd-vo, 1989. (in Russ.)

10. Nefedova, S.P., 1971. Kul'turnoe stroitel'stvo na Chukotke (1917-1958 gg.) [Cultural development of Chukotka, 1917-1958]. In: Krushanov, A.I. ed., 1971. Iz istorii promyshlennogo i kul'turnogo stroitel'stva Chukotki. Magadan: Kn. izd-vo, pp. 81-157. (in Russ.)

11. Paichadze, S.A., 2003. Ob izuchenii knizhnoi kul'tury Sibiri i Dal'nego Vostoka. Iz istorii izdatel'stva Sovetskaya Kolyma [On the study of the book culture of Siberia and the Far East. From the history of "Soviet Kolyma" publishing house]. In: Knizhnaya kul'tura Magadanskoi oblasti: istoriya, problemy i perspektivy: Materialy Pervoi mezhregional'n. nauch.-prakt. konf., 16-18 apr. 2003 g., g. Magadan. Magadan, pp. 20-33. (in Russ.)

12. Ponkratova, I.Yu. and Konovalova, A.A., 2016. Deyatel'nost' Magadanskogo otdeleniya soyuza khudozhnikov RSFSR v 1957-1969 gg. [Activity of Magadan branch of the RSFSR painters union], Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta, no. 26, pp. 86-94. (in Russ.)

13. Filatkina, I.V., 2003. Deyatel'nost' Magadanskogo knizhnogo izdatel'stva po vypusku knig na yazykakh korennykh narodov Dal'nego Vostoka v 50-80-e gody XX veka [Magadan publishing house activity to produce books in the languages of indigenous peoples of the Far East, 1950s-1980s] In: Knizhnaya kul'tura Magadanskoi oblasti: istoriya, problemy i perspektivy: Materialy Pervoi mezhregional'n. nauch.-prakt. konf., 16-18 apr. 2003 g., g. Magadan. Magadan, pp. 93-99. (in Russ.)

14. Khazan, E.V., 2016. Istoriko-etnograficheskie issledovaniya Magadanskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya (1934-1955 gg.). [Historical and ethnographic research of Magadan regional museum, 1934-1955], Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta, no. 26, pp. 94-97. (in Russ.)

15. Sprau, M., 2007. Magadanskaya pressa 1954-1959 gg. kak faktor destalinizatsii Severo-Vostochnogo regiona SSSR [Magadan press as a factor of destalinization in the North-East region of USSR], Kolymskiy gumanitarniy al'manakh, no. 2, pp. 171-187. (in Russ.)



УДК 908 (571.65)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-2/89-97

С.Б. Слободин*

«... НАУЧНАЯ ПОМОЩЬ ВСЕМ ИНТЕРЕСУЮЩИМСЯ
ИСТОРИЕЙ НАШЕГО КРАЯ» (К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ВЫХОДА
ПЕРВОГО ВЫПУСКА «КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЗАПИСОК»
МАГАДАНСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

В 2017 г. исполняется 60 лет со дня выхода в свет первого номера «Краеведческих записок», одного из старейших гуманитарных периодических изданий на Дальнем Востоке. В статье представлен краткий анализ публикационной деятельности сборника, рассмотрена история его подготовки и выпуска, выделены основные тематические блоки статей, опубликованных за прошедшие годы. Автором отмечена их важная роль в научном изучении истории и культуры края и проживающих здесь народов, а также в распространении краеведческих знаний на Северо-Востоке России.

Ключевые слова: «Краеведческие записки», Магадан, Чукотка, Колыма, археология, этнография, история

“... Scientific assistance to all those interested in the history of our region” (To the 60th anniversary of «Kraevedcheskie zapiski», a scholarly periodical of Magadan Regional Museum). SERGEY B. SLOBODIN (N.A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

This year marks the 60th anniversary of “Kraevedcheskie zapiski” (“Notes of Local History”), one of the oldest scholarly periodicals in humanities in the Russian Far East, published by Magadan Regional Museum. The article examines the history of its establishment and development and presents a brief analysis of the articles published in the periodical over the past years, outlining the main thematic blocks. The author notes the important role of the publications in the development of research in the history and culture of the region, as well as their great contribution in the promotion of knowledge in local history among the population of Northeast Russia.

Keywords: «Kraevedcheskie zapiski», Magadan, Chukotka, Kolyma, archeology, ethnography, history

В 2017 г. исполняется 60 лет со дня выхода первого выпуска «Краеведческих записок» Магаданского областного краеведческого музея (МОКМ). Редкая научная работа по истории Северо-Востока России в наши дни обходится

без ссылок на статьи, размещенные в «Краеведческих записках» МОКМ, полностью, таким образом, подтверждая правильность выбранного формата публикации краеведческих материалов в новом сборнике, сформулированного в

* СЛОБОДИН Сергей Борисович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук.

E-mail: sslobodin@mail.ru

© Слободин С.Б., 2017

предисловии к его первому выпуску и вынесенного в название данной статьи. «Краеведческие записки» на протяжении уже более полувека являются одним из немногих широкодоступных источников знаний по истории Магаданской области. Некоторые сведения можно найти только в этом издании.

Попытки выпуска периодического издания предпринимались в Магадане с первых дней образования в 1934 г. Охотско-Колымского краеведческого музея, как ранее назывался МОКМ. В стенограммах заседаний бюро краеведения Охотско-Колымского краеведческого кружка, а затем и музейного совета в 1930-х – 1940-х гг. этот вопрос поднимался не раз, «... но военное время помешало это осуществить» (Государственный архив Магаданской области, далее – ГАМО. Ф. Р-50. Оп. 1. Д. 87. Л. 18). В 1947 г. Музейно-краеведческий совет принял решение обратиться в политуправление Дальстроя с просьбой «... утвердить план издания Колымского краеведческого сборника» (ГАМО. Ф. Р-50. Оп. 1. Д. 87. Л. 19). Но воплотить в жизнь издание «Краеведческих Записок» удалось далеко не сразу. Первый номер сборника был подписан «к печати» только в конце октября 1957 г., в год 23-летия образования МОКМ [3]. Решения о выпуске серийного издания, как и о начале работы над ним, были приняты, очевидно, не менее чем за год-полтора до его выхода. Большую роль в этом, несомненно, сыграло то, что 3 декабря 1953 г. была образована Магаданская область и здесь, как и во всех административных единицах, формировались органы государственной власти с соответствующими структурами. Уже в феврале 1954 г. исполнительный комитет Магаданского областного Совета депутатов трудящихся принял решение (№ 30) «О передаче Охотско-Колымского краеведческого музея в ведение Управления культуры Магаданского облисполкома» [2, с. 15]. 25 февраля 1954 г. приказом № 1 по Управлению культуры Магаданского облисполкома Охотско-Колымский краеведческий музей был преобразован в Магаданский областной краеведческий музей (ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 4. Л. 134). Этим же приказом директором МОКМ был назначен Н.Р. Ухатин, при котором была начата подготовка краеведческого издания. В том же году, приказом № 15а издательство Дальстроя «Советская Колыма» было предано в ведение Управления культуры Магаданского облисполкома и на его базе было образовано Магаданское областное книжное издательство

(ГАМО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 4. Л. 152), что позволило приступить к регулярному выпуску изданий гуманитарного характера.

Приказом директора МОКМ Н.Р. Ухатина от 12.11.1956 г. была «начата подготовительная работа по изданию краткого сборника «Магаданская область» по темам «... История открытий и исследований территории Магаданской области», «Борьба за установление Советской власти», «Население Магаданской области ...» и др., выход сборника был намечен на март 1957 г. (ГАМО. Ф. Р-50. Оп. 1. Д. 138. Л. 54). В конце ноября 1956 г. директором МОКМ была назначена А.С. Иванова (ГАМО. Ф. Р-50. Оп. 1. Д. 137. Л. 4; Д. 138. Л. 55), которая и завершила начатую ранее работу по подготовке к выпуску краеведческого сборника, приобретшего форму периодического издания «Краеведческие записки».

Выход «Краеведческих записок» явился важным событием в общественной жизни области, учитывая ограниченное число местной печатной продукции. Более того, это было одно из немногих на Дальнем Востоке послевоенных периодических гуманитарных изданий. До него, в 1946 г., в Хабаровске начал выходить литературный журнал «Дальний Восток». Выпуск в Магадане «Краеведческих записок» предшествовал появлению или возобновлению прерванных Великой Отечественной войной краеведческих изданий в других Дальневосточных регионах. На Камчатке, например, выпуск «Краеведческих записок» начался на 11 лет позже, в 1968 г., на Сахалине («Вестник Сахалинского музея») – только в 1995 г.

В Приморье выпуск краеведческого сборника «Записки Общества изучения Амурского края» (ОИАК), первый том которых вышел еще в 1888 г., прервался в 1936 г. (XXIII т.), и следующий том вышел только через 29 лет, в 1965 г. Как писал редактор Записок ОИАК И. Егорчев в аннотации к выходу очередного, XI выпуска сборника: «Это было долгожданное возрождение традиции, на которое практически никто уже не надеялся». Но в 1968 г. издание Записок вновь было прервано до 1992 г. Этих проблем не удалось избежать и «Краеведческим запискам» МОКМ, издание которых периодически прерывалось на 3-4 года, а после 1993 г. не возобновлялось на протяжении более 20 лет, вплоть до 2015 г.

Поскольку своего издания у музея до этого времени не было, краеведческие материалы приходилось публиковать в непрофильных из-

даниях, и они очень редко печатались. К тому времени в Магадане выходило только несколько периодических изданий и в них лишь спорадически появлялись статьи на краеведческие темы. Так, например, в научно-производственном бюллетене «Колыма» (издавался с 1935 г.) в 1939 г. была опубликована статья И. Симоненко «К вопросу археологических раскопок на Охотском побережье», в 1936 г. – «Декабристы на Колыме». В «Колымском альманахе» в 1940 г. вышел этнографический очерк К. Дидык о юкагирах. В литературно-художественном альманахе «На Севере Дальнем» (издавался с 1955 г.) в 1957 г. была напечатана статья А. Алексеева «Братья Шмалева – исследователи Крайнего Севера». В литературном журнале «Дальний Восток» за 1949 г. опубликован материал о Чукотском ревкоме. Периодически выходили краеведческие сборники, такие как «Колыма» (1934), «Преображенный край» (1956), но они даже частично не покрывали потребностей региона в издании работ гуманитарного характера.

Большинство краеведческих материалов в те годы печаталось в профильных центральных изданиях («Советская этнография», «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», «Вестник древней истории», «Советский Север» и др.), которые были труднодоступны не только для всех интересующихся историей края, но и для местных специалистов. Возможности печатать краеведческие материалы на постоянной основе в местном издательстве были ограничены, поэтому выход «Краеведческих записок» стал важным событием в общественной жизни Магаданской области, которая до 1992 г. включала и Чукотский автономный округ.

Объем первых сборников и публикуемых в них материалов был небольшой – до 7 печатных листов, впоследствии он увеличился почти в 2 раза, что позволило расширить число авторов и объем публикуемых материалов. Зато тиражи первых выпусков были, по сравнению с современными, очень большими – 1500 экз., и, хотя затем они сократились до 1000 экз., это позволяло распределять издание в достаточном количестве по всем районным и поселковым библиотекам, что полностью отвечало задачам пропаганды краеведческих знаний среди широких масс населения. Поступали «Краеведческие записки» и в свободную продажу. Ответственным редактором первого выпуска была сотрудник МОКМ, этнограф А.В. Беляева, активно

печатавшаяся в издании на протяжении четверти века, с их первого выпуска и до 1984 г., впоследствии заслуженный работник культуры РСФСР, директор МОКМ с 1967 по 1975 гг. и главный редактор многих последующих выпусков до 1975 г.

Во введении к первому номеру «Краеведческих записок» отмечалось, что «выпуск настоящего сборника музей рассматривает как один из видов научной помощи всем интересующимся историей нашего края. В нем печатаются материалы как научных сотрудников музея, так и любителей-краеведов. Читатели познакомятся со статьями, таблицами, рисунками, дающими яркое представление о природе края, его исторической прошлом». И действительно, на долгое время Записки стали единственным специализированным гуманитарным сборником, в котором на высоком научном уровне рассматривались проблемы краеведения¹.

Важным моментом в основании выпуска «Краеведческих записок», на наш взгляд, является и то, что редколлегия также приглашала читателей принять участие в последующих выпусках сборника и опубликовать статьи по вопросам «как из истории области, так и развития промышленности, сельского хозяйства, культуры и быта...» [3, I, с. 4]. Отвечая этому запросу, как в первом, так и в большинстве последующих сборников, печатались не только сотрудники музея, но и специалисты из других организаций Магадана и области, историки и краеведы, биологи, зоологи, геологи, педагоги и др.

Первый выпуск «Краеведческих записок» открывали материалы А.В. Беляевой и Г.А. Пытлякова «Археологические работы на Охотском побережье» – по сути первая в историографии этого вопроса развернутая статья об археологических исследованиях 1955-1956 гг. на северном побережье Охотского моря, с иллюстрациями и картой расположения стоянок. Материалы исследований в этом районе, проведенных М.Г. Левиным в 1939 г., стали известны значительно позже, только в 1965 г. [1]. Результаты работы А.П. Окладникова на Охотском побережье в 1946 г. были опубликованы хотя и быстро, уже на следующий год, но кратко, без иллюстраций [4; 5]. В статье А.В. Беляевой и Г.А. Пытлякова были представлены материалы двухлетних исследований совместной экспедиции Якутского филиала АН СССР и Магадан-

¹ В данном очерке преимущественно рассматриваются публикации в «Краеведческих записках» по археологии, истории, этнографии.

ского краеведческого музея, в ходе которой было обследовано 17 древних поселений и три могильника. В статье дана развернутая характеристика древней корякской культуры – представлены описания жилищ, охарактеризованы каменные и костяные изделия, керамика. Находки костей морских животных и гарпунов на стоянках позволили говорить о развитом морском зверобойном промысле населения этих мест. Выразительный многочисленный материал быта и охотничьего снаряжения, мощные культурные напластования и жилища позволили авторам сделать вывод о «прочной и длительно оседлости населения северного побережья Охотского моря». Исследования могильников дали первые антропологические материалы из этого региона. Представлены и выводы изучивших эти материалы антропологов, определивших их принадлежность юкагирам или ламутам (эвенам).

Этнографические материалы в сборнике представлены в статье У.Г. Поповой «О народностях Магаданской области», из которой массовый читатель мог получить краткие сведения о народах (чукчах, эскимосах, коряках, эвенках, керекках, юкагирах и чуванцах), проживающих в области, увидеть на фотографиях предметы их быта. Социально-экономические взаимоотношения на Чукотке у кочевых чукчей в XIX – начале XX в. рассмотрены в публикации М.И. Куликова. На обширном архивном и статистическом материале автор показал взаимоотношения бедных и зажиточных слоев населения дореволюционной Чукотки. Статья вызвала дискуссию и во II-м выпуске появился ответ автора оппонентам с комментариями редколлегии «Краеведческих записок».

В воспоминаниях председателя Ольского ревкома начала 1920-х гг. А.А. Кочерова приведены сведения о революционных событиях тех лет, об установлении в крае советской власти и происходивших социальных и хозяйственных изменениях в жизни местного населения в 1920-х – 1950-х гг. В очерке И.П. Лаврова об Уэленской косторезной мастерской на Чукотке представлены как сведения о роли государства в становлении (и восстановлении в 1955 г.) этого народного промысла на Чукотке, так и характеристики мастеров и их художественных изделий.

Блок о природе Магаданской области в I-м выпуске включал статьи И.Ф. Показаньева, В.Д. Яхонтова, А.Б. Николаева и А.П. Васьковского о растительности, соболе, водорослях и особенностях климата в Магаданской области.

Так, с первого выпуска определилась структура сборника, в котором и в дальнейшем давались блоки статей по археологии, этнографии, истории, биологии, географии. Периодически выходили тематические выпуски: VIII-й (1970) был посвящен 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, XVI-й (1989) и XVIII-й (1992) были полностью посвящены воспоминаниям ветеранов Севера и репрессивных 1930-х гг.

Заметное место в «Краеведческих записках» отводилось археологическим исследованиям на Северо-Востоке России. Они представлены работами практически всех ведущих археологов Севера Дальнего Востока. «Краеведческие записки» МОКМ стали стартовой площадкой для многих из них – Р.С. Васильевского, Н.Н. Дикова, М.А. Кирьяк, А.А. Орехова, И.Е. Воробья, С.Б. Слободина, А.И. Лебединцева. Как правило, это были одни из самых первых их публикаций.

Со II-го по V-й выпуск (1959-1965 гг.) в Записках активно публикуется известный впоследствии исследователь приморских культур Тихоокеанского Севера, д.и.н. Р.С. Васильевский, являвшийся в те годы сотрудником МОКМ. Им были опубликованы материалы разведочных работ на Охотском побережье в 1958 г. (1959) и раскопок жилища на стоянке Атарган (1960), результаты анализа изделий из металла со стоянки Атарган (1962), материалы неолитических стоянок в Тауйской губе, и особенно подробно – комплекс с о. Недоразумения (1965). Материалы этих исследований он обобщил в 1966 г. в кандидатской диссертации и опубликовал в книге «Происхождение и древняя культура коряков» (1971). Как часть более обширного исследования древних культур Тихоокеанского Севера они были использованы и в его докторской диссертации (1974). Позднее, перейдя в Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), Р.С. Васильевский возглавил сектор неолита, а с 1991 г. назначен заместителем директора по науке.

С 1959 г. в «Краеведческих записках» начинает публиковаться заведующий лабораторией истории, археологии и этнографии Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института (СВКНИИ) ДВНЦ, к.и.н. Н.Н. Диков, избранный в 1979 г. член-корреспондентом Академии наук СССР. В своих публикациях в издании он регулярно освещал результаты проводимых им исследований континентальных неолитических стоянок на реках Анадырь, Амгуэма, Майн и приморских (эски-

мосских) поселений (Сешан, Инчоун и др.) и могильников (Чегитунские, Уэленский) на Чукотке (1959, 1965, 1966, 1972). Рассматривались им на страницах «Краеведческих записок» и проблемы этногенеза народов севера (1972). Развернутую публикацию посвятил Н.Н. Диков Пегтымельским наскальным рисункам на Чукотке, в соавторстве с их первооткрывателем Н.М. Саморуковым (1972). В «Краеведческих записках» Н.Н. Диков (в соавторстве с Т.М. Диковой) представил первое подробное описание материалов исследований в зоне затопления Колымской ГЭС на Верхней Колыме (1975) и первые данные об исследованиях палеоземосской культуры на о. Врангеля (1977). Обращался Н.Н. Диков в своих публикациях и к проблеме охраны памятников древней культуры на территории Магаданской области (1968). Многие его публикации написаны в соавторстве с геологами (А.Е. Катенин, В.Н. Смирнов, С.Г. Бялобжеский, Ю.А. Колясников, О.Н. Иванов), открывшими древние стоянки на Чукотке (1975, 1977). Начаты Н.Н. Диковым исследования палеоземосской стоянки на о. Врангеля были продолжены первым в мире эскимосом-археологом Т.С. Теином, опубликовавшим в «Краеведческих записках» (1982) результаты раскопок стоянки Чертов Овраг.

В 1977 г. в «Краеведческих записках» вышла первая публикация А.А. Орехова по исследованию жертвенников Северо-Западного Берингоморья, где в дальнейшем он выделил древнекерекскую культуру, исследованию которой посвящены и материалы раскопок поселения Опуха (1986). Он также опубликовал в издании результаты исследований жилища на стоянке древнекорякской культуры Атарган в Тауйской губе (1984) и неолитических памятников на севере Чукотки (в соавторстве с С.В. Пановым, 1986). Эти и другие материалы стали основой его кандидатской (1980) и докторской (2001) диссертаций по приморским культурам Тихоокеанского Севера. В 2014 г. его назначили директором МОКМ.

В 1975 г. в «Краеведческих записках» была опубликована первая статья М.А. Кирьяк «Краеведы выходят в поиск». Впоследствии, являясь сотрудником музея, а затем СВКНИИ ДВО РАН, она регулярно публиковала в издании результаты археологических исследований на Западной Чукотке (1982, 1986, 1988), в том числе и по древней миниатюрной каменной скульптуре (1993), явившихся основой ее кандидатской (1989), а затем и докторской дис-

сертаций (2002). В 1982 г. в «Краеведческих записках» была опубликована одна из первых статей А.И. Лебединцева по неолиту Северного Приохотья, на основе чего позднее он выделил Токаревскую культуру. В дальнейшем в издании публиковались результаты его исследований археологических памятников в Тауйской губе (1986), керамические материалы которых указывали на их связь с Нижним Амуром и Сахалином, а также сделанный им анализ по проблеме раннего проникновения металла на Северо-Восток (1988). Все эти материалы он обобщил в 1989 г. в диссертации по древним культурам Северо-Западного Приохотья.

В 1991 г. в «Краеведческих записках» вышла одна из первых публикаций археолога МОКМ И.Е. Воробья, посвященная уникальному ритуальному памятнику континентальных неолитических культур верховий р. Омолон в виде каменной кладки с набором орудий. В последнем, перед длительным перерывом, XIX выпуске «Краеведческих записок» (1993) он представил раннеголоценовые материалы ряда стоянок с верховий р. Гижига. В 1988 и 1991 гг. в издании были размещены первые развернутые публикации С.Б. Слободина по археологии Колымских районов Магаданской области, которые в дальнейшем стали основой диссертации «Каменный век Верхней Колымы» (1996) и монографий, освещающих палеолитический и неолитический периоды развития этой территории.

Не менее представителен в «Краеведческих записках» и этнографический блок публикаций, включающий статьи многих известных этнографов и лингвистов. В них представлены различные аспекты изучения материальной и духовной культуры коренных народов Севера.

А.В. Беляева с первых выпусков издания опубликовала материалы по быту эвенов Охотского побережья и пос. Марково, чукчей сел Амгуэма и Ваеги, эскимосов селения Уэлен (1959, 1962, 1965, 1982, 1984), первой в послевоенное время начала исследования кереков на побережье Берингова моря (1968). У.Г. Попова, автор монографии «Эвены Магаданской области» (1980), дала в «Краеведческих записках» подробное описание типов жилищ эвенов (1977).

В.В. Леонтьев в ряде статей рассмотрел проблемы этнической истории пос. Уэлен (1972, 1977), происхождение этнонима «чукчи» (1982) и топонима «Камчатка» (1986). Его топонимические заметки, основанные на знании языков народов Севера, были обобщены в «Топонимическом словаре Северо-Востока СССР» (1989),

подготовленном в соавторстве с К.А. Новиковой, которая также публиковала в «Краеведческих записках» материалы по этнографии и топонимике эвенов и якутов. Вышедший в год смерти В.В. Леонтьева XV-й выпуск издания (1988) был посвящен его памяти.

Т.С. Теин, исследователь палеоэскимосской культуры, дал в «Краеведческих записках» выразительные описания эскимосских праздников кита и первого спуска байдары (1975, 1977). Эта тема нашла отражение и в заметке Д.А. Сергеева об охоте на кита современных эскимосов Чукотки (1959). Описанию семейных амулетов и их использованию, в том числе и при проведении чукотского праздника окончания летнего выпаса оленей, посвящена статья Р.М. Рагтытваль (1986). В статьях доктора филологических наук А.А. Бурькина представлены фольклорные материалы эвенов (1991), их религиозные воззрения (1993) и приемы художественной орнаментации одежды и предметов быта (в соавторстве с С.В. Будниковой, 1993). Детальное описание головных уборов эвенов, хранящихся в фондах МОКМ, дано в статье И.А. Захаровой (1972).

В ряде сборников печатаются фольклорные материалы эвенов, записанные А.В. Беляевой (1959, 1960) и А.А. Бурькиным (1991). Известный языковед, автор учебников эскимосского языка, д. филол. н. Г.А. Меновщиков опубликовал статью о различных названиях моржа и растений у эскимосов (1982). Он отметил, что ранее опубликованные материалы на эту тему малодоступны, и, чтобы позволить ознакомиться с ней не только узким специалистам, но и широкому кругу читателей «северных краев», он предоставил материалы в редакцию «Краеведческих записок». Истории формирования на крайнем Северо-Востоке этнической группы русского населения и русского старожильческого говора посвящена статья преподавателя МГПИ² Г.В. Зотова (1988).

В серии работ искусствоведа Л.В. Андреевой рассмотрены проблемы теории и творческой практики чукотских косторезных мастеров (1984), проанализированы художественные образы работ, представленных в фондах МОКМ (1982), описаны приемы обработки меха, кожи и художественной орнаментации колчанов стрел у народов Северо-Востока (1986, 1988). В результате этих исследований ею в соавтор-

стве с В.В. Горбачевой и Т.Ю. Сем были изданы книги, посвященные художественным приемам обработки меха и кожи эскимосами и эвенами.

Деятельности известного исследователя чукотского языка П.Я. Скорика посвящена статья С.П. Нефедовой (1977). Развернутый анализ изделий косторезных мастеров Чукотки из фондов МОКМ представил Ю.А. Широков (1977). Интересный аспект использования аборигенным населением севера в пищу съедобной глины рассмотрен в работе Ю.Ф. Нехорошкова (1977).

Исследования по истории края, начиная с его освоения первопроходцами и до наших дней заметно доминируют среди публикаций «Краеведческих записок», однако не все периоды представлены равноценно. Так, дореволюционный период истории края освещен лишь в нескольких публикациях, посвященных существованию Анадырского острога (И.С. Вдовин, 1959, 1960), плаванию С. Дежнева вокруг Чукотки (Г.С. Абакумов, 1977), административному устройству края в XIX в. (А.А. Орехов, А.Ю. Николаев, 1988), колымской ссылке декабристов (Э.Э. Титов, 1984), взаимовлиянию русского и коренного населения (А.А. Орехов, М.Г. Разборщикова, 1991) и развитию торговли на Северо-Востоке (А.Н. Исаков, 1977).

Послереволюционный период истории Северо-Востока рассмотрен значительно детальнее. Здесь следует отметить публикации по истории гражданской войны (Б.И. Мухачев, 1962, 1965, 1970, Н. Юн, 1966); промышленному освоению края (Г.Г. Рошупкин, 1968; Мухачев Б.И. 1970; Б.Х. Краснопольский, 1982; В.Б. Тимак, 1984; С.П. Ефимов, 1986; А.С. Навасардов, 1993; К.Б. Николаев, 1993); социально-экономической политике Российского государства на Севере (Е.Ф. Чуксина, 1962; В.И. Юхименко, 1965, 1968; В.С. Панышин, 1972; Г.Ф. Севильгаев, 1960; Б. И. Мухачев, А. П. Фетисов, 1966; И.С. Гарусов, 1968, 1970; А.А. Кочеров 1968; О.В. Ларионов, 1970; И.Н. Каштанов, 1970; И.В. Вдовин 1975; К.Г. Кузаков 1975; В.С. Никитин, 1986; А. Иванова, 1966; А.Т. Юн, М.Н. Юн, 1972; Ф.И. Врублевский, 1988); истории геологического изучения края (А.П. Васьковский, 1959; С.П. Ефимов, 1984; Г.Г. Волков, 1968); развитию угольной промышленности (И.Л. Глазунов, 1982, 1984, 1986), энергетике (Г.Г. Волков, 1977; В.В. Мищенко, 1984; В.М. Хлыпалов, 1986, 1991), истории дорожного строительства (А.С. Навасардов, 1988, 1991) и речного транспорта (С.В. Гунько,

1972), сельского хозяйства и колхозного строительства (А.А. Кочеров 1960; А.В. Беляева, 1966; М. Дьячков, 1966; И.С. Гарусов, 1975; Г.К. Бубнис, 1977; И.Д. Бацаев, 1991; М.И. Куликов, 1959).

Большое внимание в «Краеведческих записках» уделялось и публикациям о деятельности советских, хозяйственных и партийных органов (С.В. Гунько, 1977; А.Т. Хилобоченко, 1982; В.Ф. Лесняков, 1982; В.М. Хлыпалов, 1982; Т.П. Некрасова, 1982; А.Г. Козлов, 1982; Л.Г. Лагузинская, 1982, 1984; И.Ф. Лифенцев, 1984; К.Б. Николаев, 1988), комсомола (Д.И. Райзман, 1970; И.В. Лифенцев, 1977; Э.К. Куртаева, 1984) и профсоюзов (А.Ф. Курьянова, В.А. Ушкалов, 1982; В.А. Ушкалов, 1984, 1986); становлению и развитию народного образования, науки и органов печати на севере Дальнего Востока (Г.Ф. Севильгаев, 1962; С.П. Нефедова, 1968, 1986; С.П. Нефедова, Г.К. Бубнис, 1975, 1977; Т.Ю. Гоголева, 1988, 1991; С.В. Будникова, 1991; В.Ф. Лесняков, А.Т. Хилобоченко, 1977); деятельности Комитета Севера по ликвидации безграмотности на Чукотке (Н.А. Чистякова, 1982, 1986); культурному строительству на Севере (Н.А. Пономаренко, И.Я. Чуксина, 1968).

Вклад жителей области в победу в Великой Отечественной войне отражен в работах В.В. Мищенко (1977), Э.К. Куртаевой (1982), С.П. Ефимова (1986), А.Г. Козлова (1986), Е.В. Алтунина (1988), С.П. Ефимова и А.Г. Козлова (1986, 1988).

Начиная с конца 1980-х гг. в «Краеведческих записках» появляются статьи о «лагерях Гулага» и их узниках (Г.М. Луговая, 1991; С.Г. Козлов, 1991, 1993; Л.И. Комарова, 1991). В выпуске за 1989 г. были помещены воспоминания некоторых прошедших эти лагеря репрессированных.

Регулярно в издании освещалась и история возникновения г. Магадан, Восточно-Эвенской культбазы и Магаданской области (А.А. Кочеров, 1959; Е. Чуксина, 1966; С.В. Гунько, А.В. Галин 1977; Г.Г. Рошупкин, К.Г. Бубнис, 1972; С.В. Гунько, Л.И. Ковырзина 1977; Г.К. Бубнис, 1982; А.Г. Козлов, 1988).

Ряд публикаций в «Краеведческих записках» касается истории музея, представленных в нем экспозиций и коллекций по этнографии, нумизматике, палеонтологии, геологии (метеоритов) (Л.И. Комарова 1984; Т.П. Некрасова, 1984; С.П. Ефимов, 1982, 1984, 1988; С.И. Данилов, 1968; А.В. Беляева, С.В. Гунько 1975; В.М. Хлыпалов, 1977; Г.М. Луговая, 1991;

Т.А. Чемшит, 1993; В.И. Василенко и др., 1984; О.Я. Якубова, 1988).

В разделе «природы» в сборнике примечательно участие с первого выпуска и до 1975 г. известного колымского геолога и ученого, главного геолога Северо-Восточного геологического управления А.П. Васьковского. В его статьях рассматривались вопросы палеогеографии, геологии, палеонтологии, фенологии, флоры и фауны Магаданской области.

В статьях других авторов освещены различные аспекты растительного (А.Т. Реутт, 1962; М.А. Локинская, 1966, 1972; Г.В. Сныткин, 1975; А.В. Леонова, 1982, 1993) и животного мира (А.В. Яблоков, В.М. Белькович, 1962; А.Н. Полежаев, 1975; Н.И. Кондауров, 1959, 1960; В.Г. Кривошеев, Ф.Б. Чернявский, 1982) и ихтиофауны (О.А. Никулин, 1972; В.В. Волобуев, Ю.В. Сафьянов, 1972; Ю.В. Штундук, М.Б. Скопец, 1988) Северо-Востока. В ряде статей затрагиваются вопросы климата, гидрологии, лавинной опасности в области (Н.К. Клюкин, 1959, 1960, 1962; А.С. Кузнецов, 1962), охрана природы и заповедники области (М.Н. Градов, 1960; Л.В. Дорогая, 1982; Б.А. Тихомиров, 1960), а также история и экспозиции геологического музея Северо-Восточного территориального геологического управления (К.А. Соколова, 1975).

В 1960-е гг. сборник выходил достаточно регулярно, с периодичностью 1-2 года. В 1970-е гг. вышли 4 сборника, в 1980-е гг. – 5, в 1990-е гг. – только 2 сборника. Всего издано 20 номеров «Краеведческих записок». Последний, юбилейный, 20-й номер, посвященный 80-летию музея, был выпущен только в 2015 г., после 22-летнего перерыва. Первые номера «Краеведческих записок» стали уже библиографической редкостью и на букинистических развалах оцениваются наравне с красочно изданными энциклопедиями.

В XX-м выпуске «Краеведческих записок» в целом сохранилась прежняя структура, дополненная материалами в честь 80-летия со дня образования МОКМ. Авторами статей выступили в основном сотрудники музея, главный редактор сборника – директор музея, д.и.н. А.А. Орехов.

Открывают сборник публикации одного из старейших сотрудников музея, заместителя директора по научной работе С.В. Будниковой. В ее статье «Первый музей Колымы» содержится краткая история музея с момента его основания и до современности, охарактеризованы направления работы музея по истории, культуре, есте-

² МГПИ – Магаданский государственный педагогический институт (сейчас – Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан).

ствознанию и пропаганде краеведения, представлены сведения о фондах музея (библиотечном, художественном, археологическом, этнографическом и др.). Сообщается также об основных выставках и экспозициях музея за годы его существования, даны биографии работавших в музее сотрудников старшего поколения. В статье С.В. Будниковой «Судьба краеведа» сообщается биография директора МОКМ в 1936-1952 гг. А.П. Хмелинина, со дня рождения которого в 2015 г. исполнилось 125 лет. Автор рассмотрела обстоятельства его приезда на Колыму, участие в краеведческой деятельности и организованные им на посту директора музея мероприятия (музейные экспозиции, выставки, экспедиции, сбор экспонатов, создание ботанического сада).

Археологические исследования музея представлены статьей И.Е. Воробья об исследовании позднепалеолитической стоянки Апкиткич 1, расположенной в верховьях р. Омолон. Представленные в статье находки и проведенный автором их технико-типологический анализ убедительно свидетельствуют об освоении человеком этих территорий с самых ранних этапов его расселения по Северо-Востоку, начиная с позднеплейстоценового времени. Этнографические материалы из фондов музея (корякские кухлянки с капюшоном) описаны Л.Н. Хаховской. Определены типичные и специфические приемы их покроя, описаны конструкции и декоративные элементы. По назначению, материалу, наличию разных элементов автор выделяет четыре типа одежды. Охарактеризованы погребальные, праздничные и повседневные (зимние и летние) кухлянки.

В разделе истории – статья А.А. Орехова о социально-экономическом развитии Камчатской области в 1912 г., краткий конспект книжного раритета, первого камчатского издания, статистического исследования «Обзор Камчатской области за 1912 год» (с таблицами), изданного в Петропавловске-на-Камчатке в 1914 году. Приводятся сведения об административном делении Камчатской области, куда в начале XX в. входили и районы современной Магаданской области, количестве населенных пунктов, плательщиков ясака, церквей, жилых домов, школ, домашнего скота, охотничьих и рыболовных промыслов, о составе населения и др.

Исследование А.С. Навасардова, основанное на архивных материалах, посвящено истории развития речного транспорта на Колыме и Индигирке в 1938-1940 гг. Приводятся статистические данные о составе флота и численности работников, объеме и характере привезенных

грузов, условиях работы, размере заработной платы и вознаграждений. Отмечена важная роль Колымского речного управления в промышленном освоении Колымского края и решении хозяйственных задач, поставленных партийными и государственными органами страны перед руководством Дальстроя в предвоенные годы. В работе С.П. Ефимова показана история появления в 1940 г. наградного знака «Отличнику дальстроевцу», приведены положение о знаке, количество награжденных и краткие характеристики первых кавалеров этой награды.

Важному событию культурной жизни Колымы – второй Всеколымской выставке изобразительного искусства, состоявшейся в Магадане в 1945 г., посвящена статья К.И. Стельмах. В ней дается история организации этой выставки, тематики выставленных на ней работ и биографии репрессированных художников, участвовавших в выставке. Естественнонаучные материалы из фондов музея содержатся в обзоре А.В. Леоновой коллекции ископаемых растений, насчитывающей 142 образца. Эти материалы, собранные геологами на территории Охотского побережья, Колымы, Чукотки и Камчатки, дают представление о флоре эпох, отдаленных от нашего времени на сотни миллионов лет.

Ряд статей сборника освещает вопросы формирования информационно-справочного каталога музейного фонда МОКМ (Г.И. Гурьева), состояния хранения музейного фонда МОКМ (Г.И. Гурьева, Т.Н. Гладких, В.С. Орехова), культурно-просветительской деятельности музея (Г.А. Чемшит, Н.А. Костяева), в том числе и среди школьников и дошкольников (Н.В. Мальцева, О.В. Турулина, Н.Ю. Фатина).

Возрождение после долгого перерыва в 2015 г. издания «Краеведческих записок», несмотря на появление в период их длительного отсутствия в медийном пространстве Магаданской области значительного числа новых серийных краеведческих изданий («Диковские чтения», «Богоразовские чтения», «Колымский краевед», «Колымский гуманитарный альманах» и др.), будет, несомненно, играть позитивную роль в распространении краеведческих знаний на Северо-Востоке России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильевский Р.С. К истории древних культур Охотского побережья (по археологическим материалам коллекции М.Г. Левина с острова Завьялова) // Советская этнография. 1965. № 1. С. 117-123.

2. Козлов А.Г. История длиной в семь десятилетий // Чудная планета. 2004. № 6-7. С. 11-15.

3. Краеведческие записки / Управление культуры Магаданской области, Магаданский обл. краевед музей. Магадан: Кн. изд-во. Вып. I, 1957. Вып. II, 1959. Вып. III, 1960. Вып. IV, 1962. Вып. V, 1965. Вып. VI, 1966. Вып. VII, 1968. Вып. VIII, 1970. Вып. IX, 1972. Вып. X, 1975. Вып. XI, 1977. Вып. XII, 1982. Вып. XIII, 1984. Вып. XIV, 1986. Вып. XV, 1988. Вып. XVI, 1989. Вып. XVII, 1991. Вып. XVIII, 1992. Вып. XIX, 1993. Вып. XX, 2015.

4. Окладников А.П. Древние культуры Северо-Восточной Азии по данным археологических исследований в 1946 г. в Колымском крае // Вестник древней истории. 1947. № 1. С. 176-182.

5. Окладников А.П. Вклад советской археологии в изучение прошлого северных народов // Ученые записки ЛГУ. 1950. Вып. 1. № 115. С. 22-37.

REFERENCES

1. Vasil'yevskiy, R.S., 1965. K istorii drevnikh kul'tur Okhotskogo poberezh'ya (po arkheologicheskim materialam kollektsii M.G. Levina s ostrova Zav'yalova) [Towards the history

of ancient cultures of the Okhotsk coast (based on archaeological materials of M.G. Levin's collection from Zavyalov Island)], Sovetskaya etnografiya, no. 1, pp 117-123. (in Russ.)

2. Kozlov, A.G., 2004. Istoriya dlinoy v sem' desyatiletiy [A 70-year-long history], Chudnaya planeta, no. 6-7, pp. 11-15. (in Russ.)

3. Kraevedcheskiye zapiski [Notes on Local History]. Issue I, 1957. Issue II, 1959. Issue III, 1960. Issue IV, 1962. Issue V, 1965. Issue VI, 1966. Issue VII, 1968. Issue VIII, 1970. Issue IX, 1972. Issue X, 1975. Issue XI, 1977. Issue XII, 1982. Issue XIII, 1984. Issue XIV, 1986. Issue XV, 1988. Issue XVI, 1989. Issue XVII, 1991. Issue XVIII, 1992. Issue XIX, 1993. Issue XX, 2015. (in Russ.)

4. Okladnikov, A.P., 1947. Drevniye kul'tury Severo-Vostochnoi Azii po dannym arkheologicheskikh issledovaniy v 1946 g. v Kolym'skom krae [Ancient cultures of Northeast Asia according to archaeological research of 1946 in the Kolyma region], Vestnik drevney istorii, no. 1, pp. 176-182. (in Russ.)

5. Okladnikov, A.P., 1950. Vklad sovetskoj arkheologii v izucheniye proshlogo severnykh narodov [The contribution of Soviet archeology to the study of the past of the northern peoples], Uchenye zapiski LGU, vyp. 1, no. 115, pp. 22-37. (in Russ.)

УДК 94(571.6)
DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-2/98-102

В.Н. Чернавская, Е.С. Волкова*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ
НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1960-1991 гг.
(ИСТОРИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ. Т. 3. КН. 5)».
ВЛАДИВОСТОК: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 940 с.

В рецензии освещается содержание книги «Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960-1991 гг.», которая представляет собой продолжение третьего тома из серии «История Дальнего Востока России». Опираясь на обширную источниковую базу, книга повествует о трансформации общества и власти в дальневосточном регионе в позднесоветский и перестроечный период.

Ключевые слова: Дальний Восток, власть, общество, позднесоветский период, социальные процессы

Review of the book «Society and power in the Russian Far East, 1960-1991. (History of the Russian Far East, Vol. 3, Book 5)». Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2016. 940 P. VALENTINA N. CHERNAVSKAYA, ELENA S. VOLKOVA (Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The review covers the content of the book "Society and Power in the Russian Far East, 1960-1991", which constitutes a part of the third volume from the series "The History of the Russian Far East". Based on extensive source base, the book analyses the transformation of society and power in the Far Eastern region in the late Soviet period and Perestroika years.

Keywords: Soviet Far East, power, society, late Soviet period, social processes

Коллектив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН опубликовал новую книгу в формате интернет-издания¹ «Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960-1991 гг.».

Эта коллективная монография (25 авторов) – продолжение третьего тома фундаментальной серии «История Дальнего Востока России», которая стартовала в СССР в 1967 г. Проект выполнен коллективом Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН при участии коллег из других подразделений института, а также других научно-образова-

¹ Издание доступно по ссылке: <http://ihaefe.org/files/publications/full/dv-history-2016.pdf>

* ЧЕРНАВСКАЯ Валентина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории археологии Приамурья Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: tchernavskaya2011@yandex.ru

ВОЛКОВА Елена Сергеевна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: elenavolkova1@yandex.ru

© Чернавская В.Н., Волкова Е.С., 2017

тельных учреждений региона (ДВФУ, АмГУ, ДВГУПС).

Впервые в историографии авторы создали целостную картину трансформации общества и власти в дальневосточном регионе в период «зрелого социализма» и перестройки в СССР. Главная теоретическая посылка сформулирована так: «Советская система не была застывшим монолитом, опиравшимся исключительно на официально провозглашенную идеологию и мораль, а представляла собой противоречивое явление, внутри которого существовали неподконтрольные власти процессы, шедшие вразрез официозу» (с. 13). Авторы отказались от упрощенного концепта положительного и негативного в анализе исторического процесса и показали сложный путь развития советского общества, специфику регулирования и саморазвития общественных отношений, сценарий проявления событий по линии «центр-регион». Воплощение этих концептуальных идей представляется нам удачным исследовательским опытом.

Авторский коллектив прошел сложный путь научного поиска, работа над книгой заняла более десяти лет. Цель, которую поставили перед собой исследователи, – осмыслить путь, пройденный за последние 30 лет советской эпохи, ее социально-экономическое и культурное наследие; определить место и роль Дальнего Востока в советской истории, его исторический вклад и миссию, на наш взгляд, успешно достигнута.

Заслуживает внимания богатейшая источниковая база. Впервые вводится в научный оборот большой комплекс архивных данных (отметим, что многие источники с грифом для «служебного пользования» или «секретно» по инициативе авторов книги были рассекречены ведомственными комиссиями). Широко представлены мемуары и прочие источники субъективного характера, среди них – интервью с представителями различных социальных групп, а также сочинения простых людей, созданные в рамках проекта «Напишем историю вместе».

Книга содержит обширный статистический материал, но он не является самоцелью – все количественные и качественные показатели преломляются через исследовательскую оптику и в конечном итоге составляют цельный образ времени и места. Авторы показывают, как Дальний Восток вписывался в позднесоветскую систему, в каких условиях формировался тип «дальневосточника».

Хронологически монография разделена на две части: первая охватывает 1960 г. – первую половину 1980-х гг. (8 глав, с. 85-690), вторая – 1985 г. – начало 1990-х гг. (4 главы, с. 691-910). Вызывает научный интерес подход авторского коллектива к периодизации, в частности, критическая позиция по отношению к понятию «застой», которое впервые появилось в «перестроечной» литературе. А период, традиционно обозначаемый как «оттепель» (название, предложенное современниками и широко используемое историками 1970-х – 1980-х гг.), показан с учетом новых источников по взаимоотношениям власти и общества, современного исторического горизонта и социально-культурной ситуации на Дальнем Востоке. Таблицы и схемы приводятся непосредственно в тексте, фотоматериал – в конце глав. Завершает книгу раздел «Приложения». Особо следует отметить хорошее техническое оформление книги.

Открывает исследование историографический обзор, выполненный на высоком профессиональном уровне (с. 23-84). Авторы знакомят читателя и с работами отечественных авторов с 1970-х гг. до наших дней, и с западной историографией (она также показана в развитии, с глубоким анализом теоретико-методологической базы), и с оценками китайских ученых, для которых изучение позднесоветского периода остается весьма актуальным.

Структура монографии тщательно продумана, логично выстроена, четко и концептуально сформулированы названия глав и параграфов. Каждая глава настолько содержательна, что могла бы стать отдельной книгой. Первая глава части I «Политические процессы в СССР: центр и дальневосточный регион» рассматривает как события внутривосточной жизни страны и региона, так и внешнеполитический аспект, важный для советского/российского Дальнего Востока в силу его географического и геополитического положения. Впервые в работах такого рода представлен анализ взаимоотношений СССР с государствами Юго-Восточной Азии (часть I – с. 153-161; часть II – с. 791-793), в том числе со странами АСЕАН.

Важно, что социально-политические процессы рассматриваются через призму отношения руководителей страны к проблемам Дальнего Востока. Отмечается, что в позднесоветский период был взят курс на комплексное освоение региона, а это означало преодоление двух фундаментальных территориальных проблем – инфраструктурной и демографической.

Демографическим процессам в первой части книги посвящена целая глава. Авторы констатируют, что в 1960-е – 1980-е гг. «была продолжена линия демографического развития региона, исторически сложившаяся еще с конца XIX в.: численность жителей стабильно возрастала, и этот рост шел быстрее, чем в среднем по России» (с. 175). Специальное внимание уделяется миграционным процессам и формам трудоустройства. Наглядно показано, как в позднесоветский период трансформировались мобилизационно-принудительные методы управления трудовыми ресурсами. Дальневосточным ученым удалось вписать сухие статистические данные в канву исторического процесса и выйти на собственную базу исследования, не повторяя работы демографов и экономистов.

В главе 3 (часть I) показана роль региона в советской хозяйственной системе. Реализация государственной стратегии развития Дальнего Востока анализируется через базовые экономические показатели и характеристику основных отраслей хозяйства как южных (наиболее развитых), так и северных территорий. По мнению авторов, экономику советского периода нельзя измерять только рыночной концепцией и рассматривать исключительно с либеральных позиций экономической эффективности (что очень важно для исторического анализа в свете дискуссии с либерально-радикальным подходом), точно так же нельзя ее воспринимать и с чисто управленческой точки зрения.

Один из важнейших дискуссионных вопросов, поднимаемых в монографии, – развитие бюрократического рынка. По сути он представлял собой «торг высших и низших звеньев: высшие боролись за максимизацию заданий и минимизацию выделяемых ресурсов, а низшие преследовали прямо противоположные цели» (с. 330). Авторский коллектив приходит к выводу, что в 1960-е – 1980-е гг. роль Дальнего Востока была гораздо шире провозглашенной официально, он превратился в активный субъект экономических отношений: «региональный фактор и система бюрократического рынка позволяли Дальнему Востоку отстаивать свои интересы во внутригосударственном экономическом пространстве» (с. 337). Тем не менее, значение бюрократического рынка в рассматриваемый период не стоит абсолютизировать, считают ученые.

Анализируя состояние общества (глава 4 части I), авторы попытались отойти от классической советской «трехчленки» (рабочие–

крестьяне–интеллигенция), отмечая, что в тот период в партийном лексиконе активно использовались понятия «руководящие работники» и «трудящиеся». «Именно они отражали реальный и главный принцип деления советского общества, – заключают авторы. – Деление на руководящих работников (управляющих) и трудящихся (управляемых) подтверждается статистическими документами партийных организаций» (с. 348).

В ходе исследования выяснилось, что люди, занятые умственным трудом (служащие, или интеллигенция) являются самой аморфной социальной группой и, соответственно, труднее всего поддаются учету и комплексному анализу в рамках исторического исследования (прежде всего, это касается источниковой базы). В конечном итоге, авторский коллектив нашел нестандартное решение: если рабочие и крестьяне в рамках четвертой главы получили самостоятельные подразделы (4.3.1 и 4.3.2 соответственно), то служащие, в зависимости от профессиональной принадлежности (партийно-государственная номенклатура, ученые, врачи, учителя, творческая интеллигенция и пр.), были распределены по соответствующим тематическим разделам монографии.

Большое внимание уделяется социальной политике позднесоветского периода, направленной на стирание граней между центром и регионами (глава 5 части I). Авторы отмечают, что важную роль в этом процессе играли тарифы, ставки и коэффициенты заработной платы, инструкции-нормативы по численности учебных и лечебных мест, нормы по обеспечению жильем: «Хотя советские люди не интересовались этими бюрократическими стандартами и, если не были специалистами, не знали их, но именно стандарты, прописанные в документах, формировали жизнь населения через потребительские нормы и, соответственно, устанавливали социальные идеалы в СССР» (с. 350-351).

Еще один дискуссионный вопрос – зарождение потребительского общества в позднесоветский период. На основе анализа широкого круга источников авторский коллектив приходит к выводу, что в СССР формирование потребительского общества началось не в рыночных условиях, а в условиях распределительной системы, причем Дальний Восток является классической моделью этого процесса. Авторы отходят от упрощенных схем, показывая, как унификация социальных стандартов жизни и патерналистские настроения в позднесовет-

ском обществе сочетались с нарастающими признаками социального расслоения. В конечном итоге уравнительная политика вступает в противоречие с ценностями потребительского общества, повергая систему в глубокий кризис.

Не забыты в монографии и деструктивные социальные явления, а также связанная с ними реформа правоохранительной системы и попытки привлечения общества к борьбе с пьянством, туеядством, хулиганством (ДНД, товарищеские суды и пр.).

Безусловный интерес представляет глава 6 (часть I), посвященная развитию образовательного и научного потенциала. Здесь поднимается дискуссионный вопрос о провинциализме образования и науки на Дальнем Востоке. По мнению авторов исследования, 1960-е – 1980-е гг. характеризуются наибольшей интеграцией региона в общесоветское образовательное и научное пространство. «Высшая и средне-специальная школы Дальнего Востока стали способны выпускать специалистов-профессионалов не только для себя, но и для других территорий. Дальневосточные ученые в основном завершили «научную инвентаризацию» региона и по ряду направлений вышли на теоретический уровень. Наибольшие успехи были достигнуты в областях, отражающих местную специфику, – геологии, геофизике, океанологии и др.», – резюмируют исследователи (с. 549).

Культура позднесоветского периода (глава 7 части I) рассматривается в контексте перехода от моностилистической модели к полистилистической. Дальневосточные ученые придерживаются точки зрения А. Юрчака, отмечая, что «за редким исключением советские люди не были ни идейными коммунистами, ни диссидентами-антикоммунистами, они были нормальными обывателями, которые искали и находили возможности для самореализации, творчества, общения» (с. 559).

Впервые в историографии авторы собрали, обобщили и проанализировали источники по неофициальной культуре Дальнего Востока (речь идет об инакомыслии, бардовском движении, рок-культуре, молодежных субкультурах региона).

Полемизируя с концепцией «проточной культуры» Л. Бляхера, авторы монографии рассматривают Дальний Восток как «территорию смысла», отмечая, что до конца советского периода в литературе региона неизменно проявлялись «утопические представления о новом крае с первозданной природой, в котором возможно

построение общества и человеческих взаимоотношений, свободных от пороков и предрассудков «старого мира» (с. 33). Подобный концептуальный подход, безусловно, является новым словом в историографии культурных процессов на территории региона. Авторы рассматривают культуру не как отвлеченную субстанцию, а как смысловую доминанту исторической реальности: «Возможно, Дальний Восток — это последний рубеж, до которого дошел русский странник в своем стремлении уйти от греховного мира... И хотя утопия принципиально нереализуема в реальной жизни, она сохраняет свой культурный потенциал и влияет на региональную идентичность, экономические и политические процессы» (с. 33).

Что касается коренных народов Дальнего Востока (глава 8 части I), авторы приходят к выводу, что в рассматриваемый период они были полностью интегрированы в советский уклад жизни и последствия этого процесса далеко не однозначны (речь идет и о характере внутрисемейного общения разных поколений, и об утрате родного языка, и об ассимиляционных тенденциях). «Тем не менее в современном восприятии коренными народами региона исторические приобретения того времени перевешивают потери, и даже сейчас представители аборигенных этносов считают позднесоветский период лучшим в своей жизни», – отмечают исследователи (с. 915).

Часть II, меньшая по объему, главное внимание сосредоточивает на характеристике реформ перестроечного периода, результатом которых стало крушение единства и деформация общественных отношений в результате деконструкции идеологического канона. По сути, это первое масштабное исследование по истории региона, где дается взвешенная и, что немаловажно, комплексная характеристика перестроечного периода, без упрощенных схем и каких бы то ни было идеологических пристрастий (в тексте можно встретить имена либералов и коммунистов, которые высказывают свое мнение о перестроечных событиях).

Почти публицистический характер носят разделы «Социальный протест на российском Дальнем Востоке: тематика, участники, результаты» (1.5.3) и, безусловно, уникальный, раздел «Перестройка в исторической памяти дальневосточников» (1.6), написанный на материале сочинений дальневосточников, собранных в 2013-2014 гг. Это позволяет проанализировать «отложенное» (спустя четверть века) восприя-

тие перестроечных реалий людьми разных возрастов, профессий и политических взглядов и посмотреть на данный исторический период с нескольких точек зрения. Важно, что практически все респонденты оценивают перестройку как «резкий перелом привычного образа жизни и конец целой эпохи» (с. 759). Кроме того, тексты сочинений позволяют утверждать, что первоначальная оценка перестройки многократно изменялась и уточнялась.

В главе 2 части II рассматривается экономическая реформа и зарождение рыночных структур в регионе (кооперативное движение, совместные предприятия, биржевая торговля, СЭЗ). По признанию М. Харрисона, чье высказывание приводится в монографии, «ситуация, которую Андропов и Черненко передали Горбачеву, была не хуже, чем они получили от Брежнева, а в некоторых отношениях лучше. Советская экономика не была тогда еще гиблым делом» (с. 49). Но уже в 1991-1992 гг. авторы исследования констатируют начало экономического коллапса в регионе. И в том же 1991 г. численность населения здесь достигла своего исторического пика, после чего Дальний Восток вступил в полосу длительной демографической деградации.

Завершает вторую часть обзор эволюции основных культурных институтов в годы перестройки. Главной характеристикой эпохи в регионе, как и по всей стране, стало «взрыв-

ное расширение культурного пространства». Но у этого процесса была и обратная сторона, которую возможно стало оценить только *post factum*: в конечном итоге, освободившись от диктата власти, культура потеряла и государственную поддержку, что крайне негативно сказалось на развитии культурного процесса, констатируют авторы.

Во введении к монографии отмечается, что в центр исследования поставлены люди и социальные процессы, и это в полной мере соответствует действительности. В противовес обезличенному подходу к советской эпохе (где действует всемогущее государство и «совковая масса») авторы пишут историю с человеческим лицом. Помимо региональной управленческой элиты (В.П. Ломакин, В.Е. Чернышев, А.К. Черный предстают перед нами живыми людьми, а не номенклатурными единицами), в книге даны портреты рядовых управленцев, работников торговли, журналистов, деятелей культуры, многие имена впервые вводятся в оборот.

Подводя итог, отметим, что авторы проделали колоссальный труд – и научный, и технический – по подготовке этого тома, результатом их работы стало фундаментальное и, безусловно, оригинальное исследование. Рецензенты с интересом прочитали монографию и полагают, что она будет полезна не только специалистам, но и всем неравнодушным к истории российского Дальнего Востока как в нашей стране, так и за рубежом.

PHILOSOPHIA PERENNIS

УДК 87.3

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-2/103-108

И.В. Гребешев*

ВЛ. СОЛОВЬЕВ И РУССКИЙ ПЕРСОНАЛИЗМ: СПОР С Л. ЛОПАТИНЫМ

В статье рассматривается полемика между Вл. Соловьевым и Л. Лопатиным, связанная с выходом работы Соловьева «Теоретическая философия». Пафос соловьевской критики европейской метафизики XVII в. (прежде всего – Декарта и Лейбница) был связан с его восприятием русского лейбнизианства. Соловьев не был удовлетворен неолейбнизианской апологией личности, считая ее устаревшей и философски неубедительной. Он полагал, что философское оправдание личности возможно на путях метафизики всеединства. Тем не менее Соловьева и Лопатина, как метафизически мыслящих философов, объединяла критика сенсуализма, эмпиризма и позитивизма.

Ключевые слова: всеединство, метафизика, неолейбнизианство, субстанционализм, персонализм, спиритуализм

Vladimir Solovyov and Russian personalism: dispute with Lev Lopatin. IGOR V. GREBESHEV (Peoples' Friendship University of Russia)

The article discusses the polemic between Vladimir Solovyov and Lev Lopatin that appeared after the publication of Solovyov's "Theoretical philosophy". The pathos of the Solovyov's criticism of European metaphysics of the XVIIth century (first of all – Descartes and Leibnitz) was in strong connection with his perception of Russian Leibnitzianism. Solovyov was not satisfied with the neo-Leibnitzian apology of personality, considering it obsolete and philosophically unconvincing. He believed that philosophical justification of personality is possible on the way of absolute unity. Nevertheless, Solovyov and Lopatin, as metaphysically thinking philosophers, were united by criticism of sensationalism, empiricism and positivism.

Keywords: absolute unity, metaphysics, neo-Leibnitzianism, substantialism, personalism, spiritualism

Вл. Соловьев и русская метафизика конца XIX и начала XX вв. – одна из наиболее интересных и важных тем в истории отечественной мысли. Рассмотрим, какую роль сыграли идеи основоположника метафизики всеединства в отношении русского неолейбнизианства на примере творчества Льва Михайловича Лопатина (1855-1920).

Новый этап полемики между Вл. Соловьевым и Л. Лопатиным связан с выходом первой части незаконченной работы Соловьева, которая позднее получила название «Теоретическая философия» [5]. Непосредственно о Лопатине в ней говорится совсем немного. Так, в «Первых началах теоретической философии» Соловьев,

* ГРЕБЕШЕВ Игорь Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

E-mail: grebeshev.igor@yandex.ru

© Гребешев И.В., 2017

рассуждая о неправомочности перехода Декарта от «самодостоверности наличного сознания» к необходимости «подлинной реальности сознающего субъекта, как особого самостоятельного существа, или мыслящей субстанции», делает примечание, в котором поясняет: «В русской философской литературе талантливую и обстоятельную защиту этого спиритуалистического взгляда мы находим у московского профессора Л.М. Лопатина как в его диссертации “Положительные задачи философии”, так и в ряде последующих статей в “Вопросах философии и психологии”. ... И мне пришлось пройти через эту точку зрения, в которой я вижу теперь весьма существенное недоразумение» [7, с. 776]. Действительно, в своей магистерской диссертации «Кризис западной философии» (1874), отвечая на вопрос «Чье сознание?» Соловьев предлагал ответы: я, субъект, субстанция.

Лопатин не мог не обратить внимание на резкие выпады Соловьева против Декарта и, косвенно, против Лейбница: «Термины *res, substantia*, которые именно должны обозначать самого субъекта, поскольку он есть нечто большее, чем атрибут мышления <...> Декартовский субъект мышления есть самозванец без философского паспорта. Он сидел некогда в смиренной келии схоластического монастыря...». Тем более, что Соловьев в данном случае прямо указывает и на его собственную позицию: «Я есть некоторая сверхфеноменальная сущность, или субстанция, реальный центр психической жизни, имеющий собственное бытие независимо от данных своих состояний (мнение, смутно принятое Декартом и с большею ясностью и раздельностью защищаемое позднейшими спиритуалистами, у нас в последнее время проф. Лопатиным)» [7, с. 781-782, 796].

Для позднего Соловьева в полной мере самодостоверно лишь мышление. Мыслящее же я, как субъект собственных психических состояний, – не более чем феноменологическая реальность: «Чистый субъект мышления есть феноменологический факт, не менее, но и не более достоверный, чем все другие, т.е. он достоверен безусловно, но *только* в составе наличного содержания сознания, или как явление в собственном, теснейшем смысле этого слова». Различие между мышлением и мыслящим я – это «различие между подвижной окружностью сознания и его постоянным центром», при этом оно «не выходит за пределы феноменологической, или имманентной области». Соловьев последовательно и неуклонно отстаивает тезис

о недопустимости перехода от «наличного сознания» к выводу о субстанциональности я: «В порядке этого мышления первоначальная достоверность наличного сознания, в котором не даны никакие существа и субстанции, ни протяженные ни мыслящие, а разве только *мысли* о таких существах и субстанциях, – мысли, не содержащие в себе *заранее* никакого ручательства в особом действительном, вне данной мысли, существовании мыслимого и мыслящего». Философ не отрицает самой возможности души-субстанции, но категорически отказывается признать это в качестве самоочевидного факта: «Итак, всякий имеет философское право утверждать и доказывать, что душа есть реальное существо или субстанция, – что это есть истина; но никто без оскорбления логики не может утверждать и доказывать, что эта истина есть наличный факт» [7, с. 784, 800, 796].

Пафос соловьевской критики европейской метафизики XVII в. (прежде всего, Декарта и Лейбница) в существенной мере был связан с его восприятием русского лейбницианства как заведомо бесперспективной попытки реставрации архаических принципов догматического философствования. Поэтому он, в частности, с такой энергией настаивал на методологической универсальности сомнения как принципа философского знания: «Философ отличается от не-философа никак не содержанием своих убеждений, а тем, что он считает для себя непозволительным принимать окончательно в теории какое бы то ни было принципиальное утверждение без предварительного отчета и проверки разумным мышлением» [7, с. 761].

В дальнейшем (во второй главе «Теоретической философии») Соловьев обозначает возможные выходы за пределы «психической наличности», которую признает «точкой отправления действительно бесспорной». Философ настаивает, что «такой фактический переход в сверхфактическую область имеет такую же несомненную достоверность, как и всякий факт непосредственного сознания: если достоверно, что существуют различные ощущения, чувства, желания, представления, то не менее достоверно, что существуют мысли *всеобщего значения*, существуют понятия, суждения, умозаключения, то есть что существует разум». Так, например, «ощущается горький вкус во рту» и «мыслится философия Гегеля» «суть одинаково наличные состояния сознания». «Факт логического мышления» это также факт психической жизни, но существующей в форме

всеобщих положений, «так что самая их психическая наличность заключает в себе переход за пределы этой наличности» [7, с. 799, 801-802].

Достоверна общая логическая форма мышления, независимо от конкретного содержания. Разумное мышление, уже в виде отвлеченного понятия о конкретном чувственном явлении, «дано в непосредственном сознании, как некоторая его наличность, *перерастающая саму себя*... мышление имеет природу *универсальную*, или вселенскую» [7, с. 814, 816]. Каждый человек, вступая на путь познания, обнаруживает себя как «субъект логический», обладающий «умом».

В качестве важнейшего начала теоретической философии Соловьев признает «философский замысел» или «решимость познавать саму истину», что является «зародышем или семенем своего безусловного содержания». Замысел есть «предпоставленное назначение» мысли служить некоторой положительной цели, он создает мысль как необходимый путь к задуманной цели». Замысел в концепции философа – это, безусловно, творческое начало, «которое из хаоса фактических состояний сознания создает умственные мирки и миры». Однако, помимо самых разнообразных творческих «замыслов», существует «единый, единственный по своему предмету замысел – *знать саму истину*». Призвание и достоинство философии – «в замысле и решении познать саму истину, или то, что есть безусловно. Этот замысел, хотя как факт, или эмпирически, принадлежит субъекту, но по существу, как утверждение о самой истине, он выходит из пределов всякой субъективности, определяя философствующего субъекта тем, что больше его» [7, с. 829, 813, 826].

Таким образом, в качестве начала теоретической философии, наряду с «наличным сознанием» и мышлением, философ признает стремление к истине как таковой, к истине безусловной в качестве единственно возможного «оправдания философии». Философский замысел «уже заранее признан в своем абсолютном достоинстве, которое не отвергается и никаким скептицизмом». Соловьев неоднократно подчеркивал, что, в своем историческом существовании, философия – всегда есть «дело философов». Но при всем разнообразии философских путей их общей основой (или, иначе говоря, «основой теоретической философии») остается именно неискоренимое свойство человеческого духа стремиться к истине, к ее философскому познанию. «Достоинство философии... в ее беско-

нечности – не в том, что достигнуто, а в замысле и решении познать саму истину, или то, что есть безусловно» [7, с. 819, 826].

Завершая свою работу, Соловьев еще раз подчеркивает, что движение «вспять», возвращение к персоналистической метафизике Декарта и Лейбница (подобная тенденция, по его убеждению, проявилась в российском неолейбницианстве) философски неоправданно. Он был убежден в справедливости исторической логики развития европейской философии: Кант и Гегель смогли сделать то, что невозможно игнорировать. В то же время, философ полагал, что движение вперед (собственно говоря: постклассическое философствование) не только возможно, но и совершенно необходимо. Стремление к истине предполагает выход за собственные пределы: «Кто думает о самой истине, тот, конечно, не думает тут о своем я – не в том смысле, чтобы он *терял* самосознание, а в том, напротив, что он *приобретает* для своего пустого я новое и притом самое лучшее – безусловное содержание, хотя сперва лишь в замысле, в предварении» [7, с. 822]. Неудивительно, конечно, и то, что философ приводит в этой связи знаменитые евангельские строки: «И здесь имеет силу слово истины: кто хочет сберечь душу свою, тот потеряет ее, а кто «потеряет ее ради Меня, тот сбережет ее».

Движение к истине у Соловьева не безлично, а сверхлично: «Ясно, что истинная философия начинается тогда, когда эмпирический субъект поднимается сверхличным вдохновением в область самой истины». Таким образом, личность никогда не задана, ее бытие как субстанции ничем не гарантировано – она вся в созидании, в процессе достижения истины. Было бы слишком легкомысленно усматривать в соловьевском оправдании философии и философской истины некий апофеоз рационализма. Философ в данном случае отстаивал именно философский выбор, ни в каком смысле невозможный вне разума и его путей. Но истина, к которой эти пути устремлены, несоизмерима ни с какими рационалистическими системами, даже самыми грандиозными. Не случайно же в «Теоретической философии» Соловьев пишет о возникающей в гегельянстве «нелепой мысли о становящейся истине, о развивающемся абсолютном» [7, с. 822, 829]. Не стоит забывать и о том, что истина в метафизике всеединства имеет непосредственное отношение к добру и красоте, это живая истина. Только на пути к ней, не боясь пожертвовать собственной индивиду-

альностью (у Соловьева, фактически, псевдоиндивидуальностью), человек может стать личностью в подлинном смысле этого слова.

Л. Лопатин ответил на критику своего друга в статье «Вопрос о реальном единстве сознания». Он доказывал, что Соловьев искажил позицию Декарта, превратив тезис последнего: *я мыслю, следовательно, я существую*, в нечто принципиально иное: *я мыслю, следовательно, я есть мыслящая и бестелесная субстанция*. Лопатин настаивал, что мы не можем действительно сомневаться в «своем бытии как сознающих существ», но из этого еще не следует «вывод о теоретической и объективной достоверности нашего сознания», которое могло бы быть обозначено понятием «субстанция». С его точки зрения, «субстанциальность нашего духа есть истина выводная, хотя она и совпадает с непосредственным содержанием нашего сознания» [1, с. 227, 223, 224].

Лопатин считал, что источник разногласий состоит в истолковании Соловьевым «субстанции» как некой «трансценденции» и подчеркивал, что «субстанция никогда не бывает *трансцендентна* своим явлениям и своей жизни, она неизбежно *имманентна* им». Лопатин-лейбницианец склонен усматривать в феноменальном и субстанциальном неразрывные моменты единого жизненного процесса. И, конечно, его ни в коей мере не устраивала феноменологическая трактовка Соловьевым наличного сознания: «Я никак не могу принять правильности такого критерия: в психологической области более, чем в каких-нибудь других областях знания, оказывается *спорных* наличных фактов» [1, с. 218, 224]. Заметим, что автор «Теоретической философии», конечно, не питал никаких иллюзий по поводу *бесспорности* фактов душевной жизни, а настаивал лишь на том, что они в любом случае являются именно фактами, не больше, но и не меньше. Соловьев отказывался отнести мыслящую субстанцию к числу таких фактов, считая, что ее онтологическая реальность нуждается в философском обосновании, которого он не находил у Декарта, а также у Лейбница и его русских последователей.

Лопатин настаивал, что психическая жизнь не является потоком сознания, но «всегда испытывается некоторым сознающим и чувствующим субъектом». На тезис Соловьева, что осознание себя субъектом ни к какой субстанциональности не приводит, Лопатин отвечает вопросом: «Я спрошу на это, сознает ли он, однако, себя как *реального субъекта* своих

состояний? Если *да*, то феноменизм все-таки надо бросить». Лопатин считал, что соловьевский «феноменизм» признает лишь пассивного субъекта познания. В действительности же тот деятелен: «Едва ли мыслимо, чтобы реальный субъект испытывал состояния и в то же время никак на них не реагировал». Субстанциальное бытие имеет только то, что «обладает силой абсолютного творчества». При этом творчество «имманентно жизни нашего духа, а не трансцендентно ей». Писал Лопатин и о противоречиях в позиции Соловьева в «Теоретической философии», полагая, что тот выступает одновременно и как феноменалист, и как спиритуалист, когда пишет об «относительном упразднении времени» памятью, о «тождестве личности» и о «сверхвременных и сверхличных связях психических состояний» [1, с. 321-232, 236-237, 234-236].

На эти критические выпады Соловьев успел ответить лишь ироническими стихами в одном из своих последних писем: «Ночью, отходя ко сну, но уже весьма отягченный оным, я сочинил письмо моему другу Лопатину, довольно нелепо ополчившемуся на меня из-за какого-то «феноменизма» [4, с. 192].

Уже после смерти своего друга Лопатин, выступая на заседании Психологического общества в память Соловьева 2 февраля 1901 г., в последний раз обратился к персоналистической проблематике в творчестве покойного философа [3]. Он совершенно справедливо отметил изменения в позиции Соловьева в вопросе о субстанциональности. Действительно, в своей докторской диссертации «Критике отвлеченных начал» (1880) Соловьев готов был признать лейбницианские монады в качестве первичной онтологической реальности: «Подлинное бытие, или собственная самостоятельная действительность, принадлежит только невещественным центрам живых сил – монадам; все остальное есть лишь произведение, сложный результат их взаимоотношений и взаимодействий, и имеет, следовательно, лишь производное, а не первичное, или основное, лишь феноменальное, а не субстанциальное бытие». Впрочем, и в то время философ выступал против «догматического» признания «атомов-монад», подчеркивал невозможность их опытного познания и настаивал на необходимости перехода от «реализма субстанциального» к «реализму феноменальному» и, только после этого, к идеализму, а затем уже и к религиозному началу. Лопатину, естественно,

особенно близка была соловьевская критика «феноменального реализма» (в вариантах: сенсуализма, эмпиризма и позитивизма). В частности, он уделил особое внимание, отмеченному Соловьевым фундаментальному противоречию «феноменального реализма»: «Существуют явления сознания, но не моего, так как меня нет, а сознания вообще, без сознающего, равно как и без сознаваемого» [6, с. 211, 257]. Солидаризируясь с Соловьевым, Лопатин готов признать реальность явления лишь в его координации с сущим: «Явление в противоположность сущему в себе именно и значит то, что не есть само по себе, а существует только для другого». Соответственно, явление как «чистая феноменальность» само по себе никаким онтологическим статусом обладать не может: «Мир, состоящий из ощущений, в которых никто и ничего не ощущает, из представлений, никем и ни о чем не представляемых, из состояний, которых никто не переживает, есть нелепая фикция, образованная из понятий, логически неуловимых и явно противоречивых. С другой стороны, эта точка зрения представляет собой полный отказ от всякого знания: если вся действительность сводится к тому, что непосредственно нами в себе переживается, то нет никакого универсального знания, обязательного для всех умов. Да нет и никаких отдельных умов, потому что все содержится в моем единичном сознании. А в последнем результате оказывается, что нет и *моего* сознания. Все расплывается в ничто без остатка» [6, с. 123].

Как представляется, Лопатин был прав, акцентируя критическое отношение раннего Соловьева к любым вариантам абсолютизации феноменальности: от претендующего на универсальность сенсуализма до солипсизма. Однако проблема в том, что и в конце жизни (прежде всего, в «Теоретической философии») тот отнюдь не изменил этой своей позиции. Соловьев имел полное право иронически заметить, что никакого «феноменизма» он не знает. Его позиция была вполне последовательна: тотальному эмпиризму позитивистского типа неправомерно догматически противопоставлять положения докритической метафизики и, в первую очередь, принцип спиритуалистического субстанционализма. Было бы неверно видеть в позднем Соловьеве антиперсоналиста. Философ не был удовлетворен неолейбницианской апологией личности, считая ее архаичной и философски неубедительной. В историко-философских исследованиях его нередко характе-

ризуют как классического философа именно XIX в. Однако Вл. Соловьев не только оказал огромное влияние на русскую метафизику XX в., но и оказался способным предвидеть многие фундаментальные проблемы и тенденции философской мысли последующей эпохи. В том числе и то, что идея онтологической суверенности личности, личности-субстанции уже не сможет играть роль общезначимой метафизической аксиомы в мире рождающейся глобальной цивилизации (об этом процессе идет речь в «Трех разговорах» – последнем сочинении философа) и, соответственно, в серьезной и творческой философской рефлексии. Вл. Соловьев считал, что философское оправдание личности возможно на путях метафизики всеединства. Этот его «философский замысел» был воспринят и развит в творчестве последующих русских мыслителей, прежде всего, в учениях С.Л. Франка и Л.П. Карсавина. Спор же Вл. Соловьева с лейбницианским персонализмом (непосредственно с Л. Лопатиным) – это важный и плодотворный момент в истории русской метафизики конца XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лопатин Л.М. Вопрос о реальном единстве сознания // Аксиомы философии. Избранные статьи. М.: РОССПЭН, 1996. С. 203-238.
2. Лопатин Л.М. Философские характеристики и речи. М.: Academica, 1995.
3. Лопатин Л.М. Философское мирозерцание В.С. Соловьева // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 56. С. 45-91.
4. Письма В.С. Соловьева в 3 т. Т. 2. СПб.: «Общественная польза», 1909.
5. Соловьев В.С. Первое начало теоретической философии // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 40. С. 867-915.
6. Соловьев В.С. Полное собрание сочинений и писем. М.: Наука, 2001.
7. Соловьёв В.С. [Теоретическая философия] // Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 757-831.

REFERENCES

1. Lopatin, L.M., 1996. Vopros o real'nom edinstve soznaniya [The question on the real unity of consciousness]. In: Lopatin, L.M., 1996. Aksiomy filosofii. Izbrannye stat'i. Moskva: ROSSPEN, pp. 203-238. (in Russ.)
2. Lopatin, L.M., 1995. Filosofskie kharakteristiki i rechi [Philosophical characteristics and speeches]. Moskva: Academica. (in Russ.)

3. Lopatin, L.M., 1901. Filosofskoe mirosozertsanie V.S. Solov'eva [Philosophical worldview of V.S. Solovyov], Voprosy filosofii i psikhologii, Kn. 56, pp. 45-91. (in Russ.)

4. Pis'ma V.S. Solov'eva v 3 t. [Letters of V.S. Solovyov in 3 volumes]. T. 2. Sankt-Peterburg: «Obshchestvennaya pol'za», 1909. (in Russ.)

5. Solovyov, V.S., 1897. Pervoe nachalo teoreticheskoy filosofii [The beginning of

theoretical philosophy], Voprosy filosofii i psikhologii, Kn. 40, pp. 867-915. (in Russ.)

6. Solovyov, V.S., 2001. Polnoe sobranie sochineniy i pisem [Complete collection of works and letters]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

7. Solovyov, V.S., 1990. Teoreticheskaya filosofiya [Theoretical philosophy]. In: Solovyov, V.S., 1990. Sochineniya v 2 t. T. 1. Moskva: Mysl', pp. 757-831. (in Russ.)



УДК 340.12

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-2/109-117

М.А. Дидык, А.Н. Ерыгин*

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА Б.Н. ЧИЧЕРИНА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Философия права Чичерина неплохо представлена в литературе, но аспект ее восприятия в историческом контексте (в связи с Гегелем) допускает новые идеи и наблюдения по следующим пунктам: взгляд на всемирную историю государства и права; концептуальная апелляция русского философа к «Философии истории» (феномен права и ось истории в римском мире, тема гражданского общества в средние века) и к «Феноменологии духа» (идея «отчужденного духа» в цивилизационной периодизации истории государства и права). В качестве источника авторы привлекают «Дневник» Чичерина.

Ключевые слова: философия права, Гегель, Чичерин, гражданское общество, отчужденный дух, «образованность», основной исторический закон

Chicherin's philosophy of law in historical context. MARINA A. DIDYK, ALEKSANDR N. ERYGIN (Southern Federal University)

Chicherin's philosophy of law is well represented in the literature. But the aspect of its perception in the historical context – in connection with Hegel's works – admits new ideas and observations on the following points: a glance at the world history of state and law; the conceptual appeal of the Russian philosopher to the “Philosophy of history” (the phenomenon of law and the axis of history in the Roman world, the theme of civil society in the Middle Ages) and the “The phenomenology of spirit” (the idea of an “alienated spirit” in the civilizational periodization of the history of state and law).

Keywords: philosophy of law, Hegel, Chicherin, civil society, alienated spirit, education, basic historical law

К постановке проблемы

В предлагаемой статье философия права Чичерина будет рассмотрена со стороны исторического аспекта: как философия всемирной истории государства и права и, с другой стороны, в связи с некоторыми важными идеями «Философии права» Гегеля. При этом мы попытаемся зафиксировать ключевую концептуаль-

ную апелляцию Б.Н. Чичерина и к «Философии истории» Гегеля (подробнее об этом см.: [5]), и к его «Феноменологии духа» (подробнее об этом см.: [8; 10, с. 100-137]). Источниковой основой намечаемой реконструкции выступают не только главные произведения Б.Н. Чичерина, но и некоторые рукописные материалы из архива (Чичерин Б.Н. Дневник, 27 апреля – 21 ок-

* ДИДЫК Марина Александровна, кандидат философских наук, заведующий кафедрой истории русской философии и теоретического оссиеведения Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета.

E-mail: madidyk@yandex.ru

ЕРЫГИН Александр Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии и теоретического оссиеведения Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета.

E-mail: aerygin@philos.sfedu.ru

© Дидык М.А., Ерыгин А.Н., 2017

тября 1851 г.; 14 апреля – лето 1856 г. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, далее – ОР РГБ. Ф. 334. К. 17. Ед. хр. 5; Чичерин Б.Н. Вставки для 2-го издания: «Наука и религия». ОР РГБ. Ф. 334. К. 31. Ед. хр. 2; Чичерин Б.Н. Диалектика. ОР РГБ. Ф. 334. К. 33. Ед. хр. 3).

Можно сказать, что интересующему нас вопросу в историографическом отношении уделяется определенное внимание. Общее проникновение в существо мировоззрения и философских ориентаций Чичерина обнаруживают в рамках классической историографии истории русской философии В.В. Зеньковский и Н.О. Лосский¹; в сходной тональности рассматривается проблема «русского гегельянства» в классических работах по теме Б.В. Яковенко и Д. Чижевского².

В обобщающих зарубежных трудах – в работе «Развитие историографии» [16, pp. 351-354], в книге А. Мазура «Очерк современной русской историографии» [19, pp. VII–IX, 98-112] – отмечено влияние Гегеля на Чичерина. В монографии К.-Д. Гротхузена об «исторической школе права в России» указанный тезис перенесен на единую государственную (или юридическую) школу Кавелина – Соловьева – Чичерина [17]. Опыт целостной реконструкции политических взглядов Чичерина дан в книге С. Бенсона [15], а сравнительная характеристика философских систем Гегеля и Чичерина – в книге П.М. Груничем [18, pp. 8-156]. Анализу непосредственно философии права Чичерина посвящена специальная глава в книге А. Валицкого [20, pp. 105-164]. Последний оценивает его как наиболее последовательного представителя «классического либерализма на Востоке от Германии», стоящего «в одном ряду с самыми замечательными либералами XX века, включая Фридриха Хайека» [1, с. 29].

Сам Чичерин датировал рождение собственной философско-правовой концепции началом

1850-х гг. Правда, с изложением ее в печати он выступил только в конце 1860-х гг. в «Истории политических учений», где и попытался «свести к некоторым общим, простым и ясным началам совокупность явлений человеческой истории, философии и права, и на этом основании вывести общий закон развития человечества» [12], а затем в конце 1870-х гг. – в «Науке и религии», а в критической форме (в полемике с Вл. Соловьевым) – в работе «Мистицизм в науке». В 1900 г. выходит «Философия права» как одно из основных сочинений Б.Н. Чичерина, ставшее также «заметным этапом в развитии философско-правовой мысли в России» и «образцом высокого уровня теоретичности и системности в рассмотрении материала» [11, с. 632].

Если сравнивать две «Философии права», Гегеля и Чичерина, разделенные во времени восемью десятилетиями, то, по мнению В.Н. Жукова, они предельно близки по структуре и по названию глав. Вместе с тем стоит заметить, что принципиальная ориентация Гегеля на триады заменяется «тетрадами», по крайней мере, в самых решающих пунктах, в чем проявилась не менее принципиальная мировоззренческая и методологическая позиция Чичерина [7]. Поэтому комплексы «Абстрактное право – Мораль – Нравственность» Гегеля и «Личность и общество – Право – Нравственность – Человеческие союзы» Чичерина существенно различны.

Во-первых, у русского философа и теоретика права отсутствуют в единой связке нравственность и мораль. Во-вторых, праву предшествует общесоциологический очерк, правда, через призму личности (согласно Б.В. Емельянову, у Чичерина стыкуются нравственность и право, как выражение внутренней и внешней свободы человеческой личности [6, с. 64]). В-третьих, вместо трех общественных союзов – семьи, гражданского общества и государства, образующих у Гегеля три основные формы нравственного общежития, Чичерин вводит четвертый (церковь) и рассматривает их в иной исторической и смысловой последовательности (вряд ли прав Б.В. Емельянов, утверждавший, что, «как последователь Гегеля, Чичерин не выходит за рамки его схемы развития человеческой истории» [6, с. 84]). Чичерин, в-четвертых, ставит вслед за «государством» как общественным союзом «международные» (фактически – межгосударственные) отношения, тогда как «всемирная история» Гегеля вообще убирается из последней формы и переводится им в общий контекст учения об общественных союзах.

На историческом аспекте и сосредоточим основное внимание. Нас будет интересовать вопрос о месте права в социальной структуре общества и системе обеспечения его функционирования и воспроизводства. Такая акцентировка позволяет увидеть, как нам представляется, два довольно неожиданных обстоятельства, показывающих очень любопытный характер взаимосвязи мысли Гегеля и Чичерина о праве в его философии.

Отправным пунктом возьмем позднюю самооценку Чичерина: «Чтение Гегеля убедило меня в истине исторического закона, состоящего в движении духа от единства к раздвоению и от раздвоения обратно к единству. Но я не мог примириться с построением Гегеля, который эпоху раздвоения считал Римскую империю и в христианстве видел начало высшего единства» [13, с. 88-89]. Спросим: а где же у Гегеля формулируется эта подвергаемая критике Чичерина позиция? Надо полагать, что в «Философии права», а специально, с разработкой деталей, – в «Философии истории». Проверим эту первую версию.

Тема гражданского общества в философии права Б.Н. Чичерина

После Гегеля и Маркса гражданское общество обычно рассматривается в единой связке с государством, но между Гегелем и Чичериным по этому вопросу существует одно из самых серьезных расхождений. Используя термин «правовое состояние» для обозначения «римского мира» как третьей формы всемирно-исторического существования народов в «Философии истории» Гегеля, одновременно спроецируем его на «гражданское общество» Чичерина как частно-правовой общественный союз, исторически связываемый русским философом права с эпохой западно-европейского средневековья.

Начнем с Гегеля. Исходя из «Философии истории» сопоставим в характеристике Гегеля «правовое состояние» (римский мир) и «ось» истории (роль христианства)³. Факт христианства для Гегеля – один из самых значимых фактов всемирной истории: если восточный и античный миры, а тем более пять всемирно-исторических народов (Китай, Индия, Персия,

³ Обратим внимание, что в разных курсах лекций (и в разных их изданиях) христианство помещалось во всемирной истории далеко не одинаковым образом – оставляем здесь эту существеннейшую деталь для дальнейшего специального чисто философско-исторического анализа.

Греция, Рим) представлены как «частичные», то христианско-германский мир как раз и оказывается противопоставленным им всем своей целостностью, т.е. законченностью и завершенностью. И если бы Гегель в своих лекциях действительно настаивал на этом, доводя мысль об «оси» всемирной истории до ее концептуального выражения, как это ему приписывает К. Ясперс [14, с. 32], то пришлось бы принципиально выделять в истории не три или четыре, а два основных периода: до Христа и после него⁴: «Германский дух есть дух нового мира, цель которого заключается в осуществлении абсолютной истины как бесконечного самоопределения свободы, той свободы, содержанием которой является сама ее абсолютная форма. Назначение германских народов состоит в том, чтобы быть носителями христианского принципа» [2, с. 361].

Вместе с тем в «Философии истории» и прямо говорится об исторической «оси» – в третьем отделе, посвященном, однако, императорскому периоду римской истории (во второй из глав, помещенной между общей характеристикой империи и кратким очерком о Византии и названной «Христианство»): «Бог познается как дух лишь таким образом, что он признается триединым. Этот новый принцип есть ось, вокруг которой вращается всемирная история. История идет до этого пункта и направляется отсюда далее. «Когда исполнилось время, бог послал своего сына», – сказано в Библии. Это означает не что иное, как-то, что самосознание возвысилось до таких моментов, которые принадлежат понятию духа, и до потребности понимать эти моменты как абсолютные» [2, с. 339-340].

Пытаясь понять это место в плане интересующего нас вопроса о феномене права и «гражданского общества», кратко прокомментируем его. Осевой пункт или осевая точка истории, по Гегелю, есть, выстраивая, так сказать, *вертикаль* между земным и небесным, приход в мир Бога, явление Абсолютного как субъективности, но божественной субъективности, т.е. Субъективности (Иисуса Христа, Сына Божьего). С другой стороны, в юридическом, чисто светском измерении, представляемом философским образом, римская «партикулярная субъективность» характеризуется Гегелем, скажем

⁴ Так, например, следуя новозаветной христианской традиции, он и называет собственно христианскую эпоху во всемирной истории новым временем, новым миром.

так, в *горизонтальном*, плоскостном обнаружении противоречивости-противоположности крайних пунктов устройства социальности следующим образом: «индивидуумы полагаются как атомы, но в то же время они подчинены суровой власти одного лица, которая, как *monas monadum*, есть власть над частными лицами. Следовательно, это частное право оказывается и небытием, непризнанием личности, и это состояние права есть совершенное бесправие. Это противоречие есть несчастье римского мира» [2, с. 339].

Итак, первое как бы надисторическое событие и связанная с ним событийная историческая субъективность, соотносится Гегелем с некоторым общим правилом, порядком, устройством римского мира, в котором утвердилась, именно как принцип империи, «доведенная до бесконечности конечность и партикулярная субъективность». Это соотношение выражено словами: «благодаря тому же принципу субъективности родилось спасение мира; при этом оно родилось как этот единственный человек» [2, с. 339]. Иными словами, оба образа субъективности – светский и духовный, массовидный и неповторимо-единственный, чисто исторический и исторически-сверхисторический – представлены Гегелем в осевой точке истории, а хронологически – в эпохе римской империи.

Из этого следует: осевое время есть 1) время прихода Бога в мир, вхождения сверхистории в историю, соединения трансцендентного с имманентным, хотя и осуществляемое именно в формах исторических и имманентных (приход Бога в мир в человеческом облике, как субъективности, т.е. как личности Иисуса Христа) и 2) время рождения христианской религии в качестве принципа для самой имманентно-исторической действительности, т.е. время замены римского духа более высоким христианским духом, но вырастающим из реального римского мира (римский дух, римский мир, императорская эпоха римской истории есть порождающее основание для христианства).

В этой двойке (вертикально-горизонтально взаимосвязанной) двойности осевого пункта истории и самой социально-гражданственной противоречивости римской исторической эпохи – ключ для гегелевского понимания всемирной истории. А также и римского права, и римского христианства – осевого фона и осевого центра исторического развития.

А что у Чичерина в этой связи? Вспомним еще раз о его несогласии с гегелевским «постро-

ением», в котором он «эпоху раздвоения считал Римскую империю и в христианстве видел начало высшего единства». Первое, что бросается здесь в глаза, это неожиданное *навязывание* Гегелю такого понимания исторического развития через его «основной закон», как будто в «Философии истории» за эпохой *единства* следует эпоха *раздвоения*, приводящая к новому *единству*. Но ведь *такой триады* у Гегеля в его философском изображении всемирной истории просто нет, на что обратил внимание В.С. Соловьев в своей оценке «Философии истории» Гегеля. Она у него есть только история государства и права, а не общесоциальная и культурная история человечества), и при этом его четыре всемирно-исторических народа (или восточное, греческое, римское и германское «царства» «Философии права») изображаются на трех этапах исторического развития, включающего самостоятельные восточный, античный (без разделения на Грецию и Рим) и христианско-германский принципы (деспотия, республика и монархия) и соответствующие миры⁵.

Конечно, некоторая странность и особенность Рима (особенно в имперский период истории) в этой схеме налицо, но уж никак он не похож на вторую самостоятельную всемирно-историческую ступень раздвоения, без которой Чичерин не представлял себе действие основного исторического закона. Не похож, правда, с одной оговоркой: если не брать во внимание указанные выше моменты противоречия духовного и мирского, с одной стороны, и внутреннюю социально-государственную противоречивость граждан-атомов и гражданина-императора в юридически-мирском измерении. Точнее, если эту логически-диалектическую схематику вникновения Гегеля в существо римской эпохи не оторвать от исторически-правового и духовного компонентов римской действительности в виде некоторой идеальной модели, которую ничто не мешает перенести – без ее эмпирического сопровождения – в иную историческую среду.

А именно это и делает Чичерин, накладывая гегелевскую диалектико-логическую схему антагонизма (причем, в собственной жесткой и при этом плоскостной интерпретации) на европейские «средние века». Для этого, однако, пришлось построить самодовлеющее представление о «гражданском обществе» – не просто

⁵ О специфике различного рода периодизаций и классификаций хода (процесса) исторического развития у Гегеля см.: [10, с. 137-146].

как об одном из общественных союзов, но и как об элементе, заменившем древние формы государственности, не вышедшие еще за рамки «первоначальной слитности», подобно тому как и церковь обрела в средние века полную автономию. «Я увидел, – писал Чичерин в своих «Воспоминаниях», – что эпоху раздвоения следует признать не Римскую империю, а Средние века, где действительно являются два противоположных друг другу мира: с одной стороны, церковь, хранительница нравственного закона, с другой стороны, светская область, в которой господствовало частное право» [13, с. 88-89].

Итак, философия права у Чичерина (как философия истории) существенно иная, чем у Гегеля. Но сама идея противоречия (как антагонизма) – идея чисто гегелевская, правда, в метафизическом и методологическом смысле. Возникает вопрос: есть ли в этой идее и нечто от философии права в собственном значении? При такой постановке вопроса мы и обнаруживаем возможность увидеть все же чисто гегелевские истоки диалектико-исторического воззрения на право, но уже не в «Философии истории», а в «Феноменологии духа».

Тема «отчужденного духа» в философии права Б.Н. Чичерина

Вспомним, что именно в «Феноменологии духа» будущая философия права Гегеля (как и его философия истории) совпадает с философией духа, изложенной в шестом разделе «Феноменологии», предшествующем разделу «Религия». Но сначала – об «отчужденном духе», представляемом, правда, в «Феноменологии» еще и как «образованность» (об этом см.: [9]).

Двойственное чувство возникает всякий раз, когда, читая «Феноменологию духа» [3], снова и снова наталкиваешься на странное, но при этом, если быть внимательным, весьма любопытное обстоятельство: *Bildung* Гегеля передается в переводе Г.Г. Шпета то как «образование», то как «образованность». Причем речь идет не о той двойственности термина, которая в силу его явной полисемантичности непрерывно заявляет о себе в любой точке текста⁶,

⁶ То как явная соотнесенность процесса образования и его результата (или полного, завершеного или же на какой-то из предварительных ступеней развития), то как принципиальное двуединство мирового образовательного процесса в целом (объективного хода развития духовной субстанции к своему итоговому результату) и повторяющего это движение образования-формирования индивида.

но о некоей двойственности в отношении образовательных результатов – целостной системы образования или же ее отдельных структурных или составных элементов в виде единичных образований или формообразований духа.

Следовательно, в переводе Шпета зафиксирован какой-то очень важный разделительный знак между образованием и образованностью, на немецком терминологическом языке Гегеля не получивший ясного и отчетливого выражения. Второе – это историческая действительность, передаваемая термином «образованность», которая большинством исследователей и интерпретаторов «Феноменологии» почему-то упорно связывается с эпохой Просвещения и подготовкой Французской революции⁷.

Но для нас самый интересный вопрос, практически никем не поставленный, заключается в следующем: почему именно образованность, а не право ставится Гегелем между нравственностью и моральностью в качестве основного опосредствующего звена? Странность, неожиданность, если не парадоксальность заключается в том, что, как общеизвестно, в сложившейся системе Гегеля, например, в «Философии права» это место в триадической схеме основных объективно-практических духовных образований (в соответствии с чем и сама работа разделяется на три основные части) занимает «абстрактное право» [4, с. 96]. В «Философии истории» показано, как дух сумел «развиться до ... формы абстрактной всеобщности», что и произошло в Риме (с его «абстрактным государством, политикой и властью»), который (Рим), «в противоположность этой всеобщности, создает личность (вместо нравственной индивидуальности), являющуюся «основным определением права» [2, с. 303]. Наконец, и в самой «Феноменологии», по Гегелю, «нравственность» первоначально, на переходном отрезке от «истинного духа» к «отчужденному духу» (на этапе кризиса полиса и формирования эллинистических монархий – греко-македонских предшественниц имперского Рима – *прим.авт.*) «пропадает в формальной всеобщности права» [3, с. 235]. Причем краткая гегелевская характеристика «правового состояния» [3, с. 256-260] вполне созвучна с его более поздними характеристиками.

Представляя (в главе «Дух») ход развития субстанции, становящейся субъектом (в этом ее

⁷ Например, в работах А.В. Гулыги, Н.В. Мотрошиловой, Е.Б. Рашковского. Правда, есть и иное толкование – в знаменитых лекциях о «Феноменологии» А. Кожева и в книге В.А. Погосяна.

двуединстве Гегель находил принципиальную ее характеристику и определенность), как исторический процесс, философ обратил внимание на факт, практически не привлечший внимания исследователей. А именно: на своеобразную составленность единой истории субстанциального развития из двух самостоятельных эмпирических историй: 1) классической эллинской цивилизации, нашедшей свое завершение уже в условиях имперского Рима и 2) варварских германских народов, ставших завоевателями и наследниками этой империи. Момент христианства в этой исторической картине включен в общий исторический контекст (в «Философии истории» он будет выделен в третий самостоятельный элемент предстоящей в первые века нашей эры «стыковки» в целостность мирового исторического развития, уже перешедшего на европейскую почву, на его последнем, христианско-германском этапе). В общий – и потому, что он касается первой (классической эллинской и римской) эпохи, и потому, что оказывается начальной формой «образования» из германских варваров эпохи «великого переселения народов» цивилизованных народов эпохи европейского средневековья.

Одновременно с этой исторической схемой-моделью у Гегеля присутствует и собственно диалектическое понимание развития исторического процесса на почве европейской цивилизации (а быть может – и мировой истории). Имеется в виду его общая периодизация развития субстанциального процесса. Дух (в последующей терминологии – «объективный дух»), согласно Гегелю, проходит три ступени развития: 1) «истинный дух» (нравственность), 2) «отчужденный от себя дух» (образованность), 3) «Дух, обладающий достоверностью себя самого» (моральность) [3, с. 234-443].

Отчужденный дух в локально-европейском осмыслении исторического процесса предстает как классическая образованность и христианская образованность, стыкуемые с «невежеством» варваров, что каким-то образом позволяет упаковать в целостность два разных цивилизационных потока истории: 1) язычески-варварский, ставший язычески-классическим у греков и римлян (благодаря, прежде всего, праву и философии) и 2) язычески-варварский (у германцев), которому еще только представилась возможность обретения культурной формы – сначала через наполнение смыслом христианской формы образованности, а затем и приобщения к классике, а тем

самым – возвращению ей (вместе с правом и философией, свободой и разумом) наличного бытия в культуре.

А теперь – о Чичерине. Интересующий нас вопрос о влиянии философии истории Гегеля, представленной в «Феноменологии духа», и самого этого произведения на философско-исторические построения Б.Н. Чичерина, насколько мы можем судить сегодня, практически не рассматривался. Что же мы можем сказать по этому вопросу?

Момент первый. Чичерин, вспоминая об освоении гегелевского наследия, отмечал: «Вслед за философией истории он в течение нескольких месяцев изучал историю философии, а затем – логику и, наконец, засел за феноменологию и энциклопедию» [13, с. 73-74]. По вопросу о том, в какой мере это привело к оформлению философии религии, права и философско-исторических взглядов русского мыслителя, имеется свидетельство, сохранившееся в чичеринском «Дневнике» за 1851 г.

За двадцать восемь лет до написания «Науки и религии» и за полвека до «Философии права» Чичерин так изложил в дневнике существо основного закона духовного исторического развития человечества: 1) «Философия и религия одно и то же: религия есть воззрение на мир в форме постоянной и неизменной, философия в форме движущейся и изменяемой; религия есть человеческое мышление, установившееся в прочной системе, составляющей основу жизни целой эпохи, философия есть движение ума от одной религии к другой через ряд ступеней, составляющих особенную скоропреходящую систему»⁸; 2) «Поэтому религий может быть только три, хотя каждая имеет множество видоизменений: язычество, начиная от восточного пантеизма до греко-римского национального антропоморфизма, Христианство, которое как религия человечества собственно одно, ибо многочисленные секты, возникшие в новое время, суть признаки извращения и упадка,

⁸ И по общему смыслу, и в повторах-совпадениях отдельных терминов и характеристик («постоянная» и «неизменная» форма «Религии» у Чичерина в соотносительности со «спокойным» и «устойчивым» мышлением гегелевской «Веры»; «движущаяся» и «изменяемая» форма «Философии» – в соотносительности с «исчезанием» и «негативным движением» того философствования, которое характерно для «Здравомыслия») перед нами два фрагмента, явно связанных и по форме, и по содержанию, допускающих прямое сближение ходов и способов мысли Гегеля и Чичерина. Это – явная «приязка» к «Феноменологии духа».

наконец та религия, основанная на новой науке, которая установится в будущем, и составит предел человеческого развития» (Чичерин Б.Н. Дневник, 27 апреля – 21 октября 1851 г.; 14 апреля – лето 1856 г. ОР РГБ. Ф.334. К. 17. Ед. хр. 5.11. Л. 2об.).

По Чичерину, если исходить из верховного критерия философии религии, в рамках которой у него размещается философия права, первая ступень всемирной истории – развитие натуралистических религий, что и составляет так называемый «первый синтетический период, или период первоначального единства» (в своей высшей форме это эпоха великих цивилизаций Востока). Вторая ступень – христианство, представляющее «второй синтетический период, или период раздвоения» (это – европейское Средневековье). Наконец, третья ступень должна быть представлена в дальнейшем универсальной религией будущего (религией духа).

Формой перехода от первой ступени ко второй, т.е. формой разложения первоначальной слитности натуралистических религий и социальной общности, выступает в теории развитие греческой философии, а на практике – римского права и государства, составляющих содержание «первого аналитического периода» в истории человечества. В этой же роли, на переходе от второй ступени к третьей, выступает новоевропейская философия и государственно-правовые режимы эпохи централизации и абсолютизма, образующие «второй аналитический период». Синонимом раздвоенности средневековой промежуточной ступени на противоположности служит у Чичерина распадение христианского мира в средние века на церковь восточную и церковь западную, а в самом западном средневековом обществе – гражданского быта (государства здесь нет) и церкви.

Но подведем итоги. Отправная точка рассмотрения философско-правовой концепции Б.Н. Чичерина через призму «Феноменологии духа» – понятие «Bildung» у Гегеля, представляющее не только его концепцию «образования» в обычном смысле, но и (в виде «образованности») – взгляд на мир греко-римской культуры и социальности (до и после завоевания Римской империи германцами-варварами), что сразу же историзирует Bildung и показывает его в виде напряженного противоречия (диалектика «отчужденного духа») и, наконец, Bildung вместе с «правом» и «Революцией» – с двух исторических концов, его обрамляющих, – входящее у Гегеля и в историческое, и в системное взаимо-

отношение и единство с «Нравственностью» и «Моралью», историзируется у Чичерина существенно иначе.

Здесь важно второе наблюдение – предпочтение гегельянцем Б.Н. Чичериним не той периодизации мировой истории, которая дана в «Философии истории» (с четырьмя известными формами: Восток – Греция – Рим – Германский мир), но «феноменологической» – с «отчужденным духом» в центре европейской (и лишь потенциально, в использовании Чичериним, мировой) истории. Если во второй периодизации отчужденный дух (эпоха религии и образованности) был обрамлен у Гегеля нравственностью и моралью (от реально-субстанциальной греческой полисности до мыслительного «немецкого моралитета» конца XVIII – начала XIX вв. и располагалась гигантская по длительности полоса действия «отчужденного духа» с прелом выражения именно в средние века), то в чичеринской мировой интерпретации, во-первых, не осталось места для морали как всемирно-исторического образования, а место нравственности, во-вторых, по большому счету, заняла религия первого «синтетического» периода (первобытности и Востока) – со скромной аналитической добавкой из греческой философии и римского права. Последнее и переключалось у Чичерина в средние века в форме частно-правового гражданского быта или гражданского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX – начала XX вв. // Вопросы философии. 1991. № 12. С. 25-39.
2. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993.
3. Гегель Г.В.Ф. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа. СПб.: Наука, 2006.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.
5. Дидык М.А. Феномен права и ось истории в философии культуры Гегеля // Философия права. 2007. № 4. С. 134-138.
6. Емельянов Б.В. Борис Чичерин: Интеллектуальная биография и политическая философия. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2003.
7. Ерыгин А.Н. Традиционная и модернизирующаяся Россия в философии истории русского либерализма (К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин): Ч. 1. Философия истории русского либерализма второй половины XIX в.

(тема России). Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2004.

8. Ерыгин А.Н. Феномен права, отчуждения и образованности в истории (Б.Н. Чичерин и «Феноменология духа» Гегеля) // *Философия права*. 2008. № 4. С. 14-18.

9. Ерыгин А.Н. «Феноменология духа» Гегеля и философия истории в России (И.В. Киреевский и Б.Н. Чичерин) // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения / Отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М.: Канон; РООИ «Реабилитация», 2010. С. 550-567.

10. Ерыгин А.Н. Вокруг «Феноменологии духа» Гегеля: тема сознания и истории (1973-2013 гг.). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2016.

11. Жуков В.Н. Философия права // *Русская философия: Энциклопедия*. М.: Алгоритм, 2007.

12. Чичерин Б.Н. История политических учений: В 5 ч. Ч. 1. М., 1869.

13. Чичерин Б.Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1929.

14. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994.

15. Benson, S., 1975. The conservative liberalism of Boris Chicherin. *Forschungen zur osteuropaischen Geschichte*, no. 21, pp. 17-114.

16. Fitzsimons, M.A., Pundt, A.G. and Nowell, Ch.E. eds., 1954. The development of historiography. Harrisburg.

17. Grothusen, K.-D., 1962. Die Historische Rechtsschule Russlands. Ein Beitrag zur russischen Geistesgeschichte in der zweiten Halfte des 19. Jahrhunderts. Giessen.

18. Grujic, P.M., 1985. Cicerin, Plechanov und Lenin. Studien zur Geschichte des Hegelianismus in Russland. Munchen, 1985.

19. Mazour, A.G., 1958. Modern Russian historiography. Princeton.

20. Walicki, A., 1987. Legal philosophies of Russian liberalism. Oxford: Oxford University Press.

REFERENCES

1. Walicki, A., 1991. Nравstvennost' i pravo v teoriyakh russkikh liberalov kontsa XIX – nachala XX vv. [Morality and law in the theories of Russian liberals, late XIXth – early XXth century], *Voprosi filosofii*, no. 12, pp. 25-39. (in Russ.)

2. Hegel, G.W.F., 1993. Lektsii po filosofii istorii [Lectures on the philosophy of history]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russ.).

3. Hegel, G.W.F., 2006. Sistema nauk. Ch. 1. Fenomenologiya dukha [The system of sciences.

Part 1. The phenomenology of spirit]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russ.).

4. Gegel, G.W.F., 1990. Filosofiya prava [Philosophy of law]. Moskva: Mysl'. (in Russ.).

5. Didyk, M.A., 2007. Fenomen prava i os' istorii v filosofii kul'tury Gegelya [The phenomenon of law and the axis of history in Hegel's philosophy of culture], *Filosofiya prava*, no. 4, pp. 134-138. (in Russ.).

6. Emel'yanov, B.V., 2003. Boris Chicherin: Intellektual'naya biografiya i politicheskaya filosofiya [Boris Chicherin: Intellectual biography and political philosophy]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (in Russ.).

7. Erygin, A.N., 2004. Traditsionnaya i moderniziruyushchayasya Rossiya v filosofii istorii russkogo liberalizma (K.D. Kavelin, S.M. Solovyov, B.N. Chicherin): Ch. 1. Filosofiya istorii russkogo liberalizma vtoroi poloviny XIX veka (tema Rossii) [Traditional and modernizing Russia in the philosophy of history of Russian liberalism (K.D. Kavelin, S.M. Solovyov, B.N. Chicherin): Part 1. Philosophy of history of Russian liberals in the late XIXth century]. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuFU. (in Russ.).

8. Erygin, A.N., 2008. Fenomen prava, otchuzhdeniya i obrazovannosti v istorii (B.N. Chicherin i «Fenomenologiya dukha» Gegelya) [The phenomenon of law, alienation and education in history (B.N. Chicherin and Hegel's «The phenomenology of spirit»)], *Filosofiya prava*, no. 4, pp. 14-18. (in Russ.).

9. Erygin, A.N., 2010. «Fenomenologiya dukha» Gegelya i filosofiya istorii v Rossii (I.V. Kireevskiy i B.N. Chicherin) [Hegel's «The phenomenology of spirit» and philosophy of history in Russia (I.V. Kireevskiy and B.N. Chicherin)]. In: Motroshilova, N.V. ed., 2010. «Fenomenologiya dukha» Gegelya v kontekste sovremennogo gegelevdeniya. Moskva: Kanon; ROOI «Reabilitatsiya», pp. 550-567. (in Russ.)

10. Erygin, A.N., 2016. Vokrug «Fenomenologii dukha» Gegelya: tema soznaniya i istorii (1973-2013 gg.). [Around Hegel's «The phenomenology of spirit»: the issues of consciousness and history]. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuFU. (in Russ.)

11. Zhukov, V.N., 2007. Filosofiya prava [Philosophy of law]. In: *Russkaya filosofiya: Entsiklopediya*. Moskva: Algoritm. (in Russ.)

12. Chicherin, B.N., 1869. Istoriya politicheskikh uchenii: v 5 ch. Ch. 1 [History of political doctrines in 5 parts. Part 1]. Moskva. (in Russ.).

13. Chicherin, B.N., 1929. Vospominaniya. Moskva sorokovykh godov [Memories. Moscow

of the fortieth]. Moskva: Izdanie M. i S. Sabashnikovoykh. (in Russ.).

14. Jaspers, K., 1994. Smysl i naznachenie istorii [The origin and goal of history]. Moskva: Respublika. (in Russ.).

15. Benson, S., 1975. The conservative liberalism of Boris Chicherin. *Forschungen zur osteuropaischen Geschichte*, no. 21, pp. 17-114.

16. Fitzsimons, M.A., Pundt, A.G. and Nowell, Ch.E. eds., 1954. The development of historiography. Harrisburg.

17. Grothusen, K.-D., 1962. Die Historische Rechtsschule Russlands. Ein Beitrag zur russischen Geistesgeschichte in der zweiten Halfte des 19. Jahrhunderts. Giessen.

18. Grujic, P.M., 1985. Cicerin, Plechanov und Lenin. Studien zur Geschichte des Hegelianismus in Russland. Munchen, 1985.

19. Mazour, A.G., 1958. Modern Russian historiography. Princeton.

20. Walicki, A., 1987. Legal philosophies of Russian liberalism. Oxford: Oxford University Press.



УДК 130.2
DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-2/118-123

Г.А. Амкуаб (Миквабия)*

КОНЦЕПЦИЯ СЕМИОСФЕРЫ Ю.М. ЛОТМАНА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ЖУРНАЛИСТИКИ АБХАЗИИ

В статье проводится мысль о том, что концепция семиосферы Ю.М. Лотмана является эффективным методологическим инструментарием для исследования журналистики Абхазии как культурно-исторического феномена. Автор применяет концепт Лотмана «культурный взрыв» к истории развития средств массовой информации Абхазии, что позволяет ему осмыслить опыт исторического формирования и функционирования информационного (коммуникационного) поля Абхазии как опыт сохранения абхазской культуры в эпоху глобализации.

Ключевые слова: семиосфера, Ю.М. Лотман, культурный взрыв, журналистика, СМИ, абхазская культура, глобализация

Yu.M. Lotman's concept of semiosphere and its value for the study of journalism in Abkhazia. GURAM A. AMKUAB (MIKVABIA) (Abkhaz State University)

The article suggests that Yu.M. Lotman's concept of semiosphere is an effective methodological tool for studying journalism in Abkhazia as a cultural and historical phenomenon. The author applies Lotman's concept of «cultural explosion» to the history of the development of media in Abkhazia, which allows him to see the history of formation and functioning of Abkhaz communication field as an experience of preserving Abkhaz culture in the era of globalization.

Keywords: semiosphere, Yu.M. Lotman, cultural explosion, journalism, media, Abkhaz culture, globalization

Культура, как известно, – феномен по своей сути коммуникативный, и потому любые трансформации, происходящие в сфере человеческих коммуникаций, существенным образом сказываются на фундаментальных ценностных основаниях жизни общества. Сегодня эта сфера меняется радикально, причем происходящие в ней перемены затрагивают практически все ее измерения – технологическое, экономическое, политическое, социальное... И, соответственно, меняются цели и социальные функции человеческого общения, в основании которого лежит культура. При этом отчетливо обнаруживается, что важнейшим фактором, направляющим сегодня эти изменения, являются процессы, так или иначе

связанные с тенденциями мировой глобализации. Осмысление этих тенденций и порождаемых ими трансформаций сферы общественных коммуникаций – актуальная, имеющая очевидное практическое значение задача, решению которой подчинена и данная статья.

В данном случае непосредственным предметом рассмотрения является одна из составляющих общественных коммуникаций – область средств распространения массовой информации, область функционирования СМИ. Именно в этой области очень ярко проявляется влияние глобализационных процессов на систему общественных коммуникаций. Причем особенно остро и проблематично соответствующие процессы протекают в

СМИ небольших региональных обществ, жизнь которых основывается на своеобразной традиционной этнокультуре. Для них характер деятельности СМИ и адекватная информационная политика на фоне указанных процессов является важнейшим моментом сохранения этно-государственной идентичности. К числу таких обществ относится Абхазия. Опыт исторического формирования и функционирования ее информационного (коммуникационного) поля в современных условиях положен в основание данной статьи. При этом, подчеркнем, опыт этот имеет сегодня далеко не только внутриабхазское значение. Он позволяет экстраполировать ряд теоретических выводов, касающихся культурных аспектов функционирования современных СМИ в Абхазии на область общественных коммуникаций как таковых.

В этой статье формирование и развитие журналистики Абхазии представлено на основе семиотического подхода к феноменам культуры, предполагающего рассмотрение всех культурных явлений как знаков, имеющих значение и указывающих на значение; интерпретация культурных феноменов как определенной языковой системы, с помощью которой мы можем передавать информацию и осуществлять коммуникацию. При этом мы опираемся на методологические установки Ю.М. Лотмана¹, в рамках которых каждое культурное явление, рассмотренное как знак, требует обязательного соотносительного элемента. Оно может быть понято не само по себе, а в определенном пространстве (семиозисе, по Лотману): «...любой отдельный язык оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать. Неразложимым работающим механизмом – единицей семиозиса – следует считать не отдельный язык, а все присущее данной культуре семиотическое пространство. Это пространство мы и определяем как *семиосферу*» [3]. Вслед за Лотманом мы рассматриваем пространство абхазской культуры, выраженной в языке, как семиосферу.

Какими характеристиками обладает семиосфера, по Лотману? Прежде всего, это неоднородность внутреннего строения (различные элементы структуры обладают разной степенью организованности, в нее могут входить как открытые, так

и автономные – закрытые – элементы). Другой характеристикой семиосферы является ее принципиальная отграниченность. Причем понятию «границы» Лотман уделяет особое внимание, поскольку «...всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее («свое») пространство и внешнее («их»). Как это бинарное разбиение интерпретируется – зависит от типологии культуры. Однако само такое разбиение принадлежит к универсалиям. <...> Культура организует себя в форме определенного «пространства – времени» и вне такой организации существовать не может. Эта организация реализуется как семиосфера и одновременно с помощью семиосферы» [3].

Следующая характеристика семиосферы – неравномерность (каждый структурный элемент семиосферы имеет свой темп и ритм становления и развития). Не менее значимая характеристика семиосферы – ее бинарность и асимметрия. Они «... являются обязательными законами построения реальной семиотической системы. Бинарность, однако, следует понимать как принцип, который реализуется как множественность, поскольку каждый из вновь образуемых языков в свою очередь подвергается раздроблению на основе бинарности. Во всякую живую культуру «встроен» механизм умножения ее языков» [3]. В свою очередь асимметрия реализуется через отношение: центр – периферия. По Лотману, в центре семиосферы оказываются развитые языки культуры, на периферии оказываются структурные элементы, находящиеся в зачаточном состоянии.

Наконец, последней характеристикой семиосферы является разветвленная система памяти или «диахронная глубина»: любой культурный знак указывает не только на синхронно существующее значение, он требует исторического углубления для понимания функционирования культуры в вертикальном и горизонтальном срезах. Вот почему мы анализируем журналистику Абхазии (систему абхазских СМИ) не только как синхронию, но и как сложную диахронную систему исторически существующих знаков.

Проблематикой семиосферы Ю.М. Лотман занимался в последние годы жизни (1990-е гг.), т.е. в переломные, по сути, годы для российской культуры и истории. Именно поэтому его так интересует проблема культурных взрывов, принципиально изменяющих конфигурацию структурных образований культуры. Фактически, он продолжает спор в философии истории о способах развития и движущих силах истории. Он продолжает антидарвиновскую линию, полагая, что именно взрыв является ключевым моментом для

¹ Мы опираемся на концепцию семиосферы Ю.М. Лотмана, одного из основоположников структуралистского направления в культурологии. Для нас важно показать, что, следуя этой концептуальной установке, СМИ можно интерпретировать как структурный элемент семиосферы культуры.

* АМКУАБ (МИКВАБИА) Гурам Артемович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой журналистики филологического факультета Абхазского государственного университета.

E-mail: gurik2009at@mail.ru
© Амкуаб (Миквабия) Г.А., 2017

формирования новой структурной конфигурации и может изменить ход истории. Он выбирает в качестве основного концепта именно «взрыв», подчеркивая тем самым не только циклический характер движения культуры, истории и природы, но и целостность своей научной установки, и всеобъемлющий характер концепции семиосферы (мы также обозначаем ключевые переломные моменты – исторические события – в абхазской культуре «культурными взрывами»).

Мы обратились к концепции семиосферы именно потому, что Лотман подчеркивает роль сознательной компоненты в формировании культуры, компоненты, которая очевидным образом доминирует в деятельности СМИ. По Лотману, основополагающую роль в развитии культуры играет именно интеллектуальная деятельность человека, его способность мыслить, а, значит – не только передавать информацию, но и генерировать, создавать ее. Более того, он ищет некий «инвариант интеллектуальности», имеющий характеристики, которые можно также использовать и для определения функций СМИ:

- способность передавать информацию;
- способность создавать новую информацию;
- способность хранить и воспроизводить информацию.

При этом для нас важно указание Лотмана на то, что «...минимальной работающей семиотической структурой является не один искусственно изолированный язык или текст на таком языке, а параллельная пара взаимно-непереводимых, но, однако, связанных блоком перевода языков» [3]. Если развить мысль Лотмана, то можно представить СМИ как особый «мыслящий мир», т.е. как работающую семиотическую структуру, поскольку в их основании лежит не один изолированный язык или текст, но именно пара взаимно-непереводимых, но связанных блоком перевода языков. При этом язык понимается в самом широком смысле, как стихийно или сознательно складывающаяся в определенных культурных условиях произвольная знаковая система для решения коммуникативных задач. Применительно к нашей теме важно, что в деятельности СМИ всегда присутствует целый ряд различных языков: язык политики, язык жестов, язык искусства. Заметим, что для СМИ Абхазии этот бинарный механизм функционирования культурных феноменов особенно важен, поскольку они принципиально двуязычны. При этом важно, что взаимодействие нескольких языков создает новые смыслы, генерирует новые сообщения и тем самым превращает СМИ из простого посредника в порождающий смыслы культурный феномен.

Итак, вслед за Лотманом мы можем рассматривать СМИ Абхазии как культурный феномен, т.е. как мыслящую семиотическую структуру или язык. А это значит, что для нормального функционирования СМИ (как и любая подобная структура) требуют интеллектуального собеседника, ведь они передают, генерируют и сохраняют информацию для кого-то другого, для того, кому она нужна. Эта деятельность принципиально коммуникативна и соотносительна, а значит – является культурной.

Очевидно, что СМИ – это феномен, вовлеченный в разнообразные культурные события. В данном случае на передний план выступает опыт сохранения абхазскими СМИ исторических традиций народа. Отметим, что этот анализ мы осуществляем выборочно, подчиняя его исследовательским целям. Представляется, что одним из наиболее существенных факторов исторического развития республики остается стремление народа сохранить этническую идентичность и стать центром культурной самобытности. Эта идея укоренена в сознании абхазского народа и побуждает его к соответствующей деятельности на современном этапе (что особенно ярко проявляется в деятельности абхазских СМИ).

В данном контексте важно концентрировать внимание на фазе формирования отдельных элементов средств массовой информации именно потому, что всякий раз возникновение новой коммуникативной институции вызывалось к жизни благодаря общественно-политическим событиям, принимавшим порой острые формы. Необходимость передавать информацию в СМИ на абхазском языке осознается культурно-историческим сознанием в тот момент, когда возникает потребность в формировании государственных структур на национальной основе. Появление радио, в свою очередь, совпало по времени с размытием национально-государственного статуса республики, с движением в области политики и права в сторону ущемления народа и свертывания его национальной культуры. Телевидение пришло в республику как ответ правительства на требование народа утвердить собственное равноправие с представителями других национальностей, имевших сходную форму национально-государственного устройства. Именно поэтому необходимо рассмотреть этапы становления печати, радио и телевидения в контексте сложных культурно-исторических процессов.

Сегодня становится все более очевидным, что будущее культуры абхазского мира – возможность ее дальнейшего существования – зависит

от того, будут ли найдены пути для гармонизации глобальных и локальных процессов. И в этом плане очень важен обзор истории средств массовой информации республики, предпосылок их формирования и становления.

До появления печатных изданий информационные и культурные функции прессы в Абхазии выполняли народные сходы. Можно сказать, что они играли роль устной газеты и служили способом социального управления. Общественные сходы соединяли отдельную личность с обществом и с целым миром (в частности, в эпоху махаджирства на сходах распространялись сведения об уехавших родственниках (см.: [2]). Сходы способствовали формированию у абхазов интереса к культурной жизни и активной гражданской позиции. Информация вплеталась в абхазский фольклор и способствовала тому, что в народе появлялись «народные журналисты», толкователи прошедших событий, люди, владеющие словом. Среди них – Жан Ачба (1848-1918), чьи песни можно назвать «устными газетами», повествующими о новостях. В этих песнях выражалось общественное мнение, их смысл был понятен широким слоям абхазского населения.

К первым формам информационной печатной продукции в Абхазии можно отнести прокламации и листовую литературу. Они появились после 17 февраля 1810 г., когда Абхазское княжество присоединилось к Российской империи. Это историческое событие фактически стало первым «культурным взрывом» в плане истории абхазских СМИ. Распространению грамоты как основы национального просвещения способствовали русская интеллигенция и православное духовенство, которые по разным причинам оказались в Абхазии. Замечу, что культурные связи опираются в целом на личностный фактор. Так, под влиянием ссыльного декабриста А.А. Бестужева-Марлинского занялся этнографией офицер российской армии Соломон Званба. Он стал одним из абхазских ученых-интеллектуалов, внесших значительный вклад в сохранение традиционной культуры, публиковал в газете «Кавказ» этнографические этюды о жизни абхазов и убухов.

В конце XIX в. в Абхазии появляются первые типографии (первая типография открылась в 1895 г. в Сухуме, а затем частные типографии организовали А. Мгеладзе и П. Каландаришвили, В.Д. Захаров и А.М. Зайдшер). В них издавались первые частные издания, которые можно характеризовать как справочно-рекламные печатные органы. Они выходили в Абхазии на русском языке и носили прикладной характер, то есть преследо-

вали цели распространения сельскохозяйственных знаний. Этим задачам лучше всего отвечали журналы, которые и стали первой периодической печатной продукцией в Абхазии. Так, журнал «Черноморское сельское хозяйство» имел не только экономическое, научно-публицистическое, но и социокультурное значение. Прежде всего, это связано с обсуждением проблемы «земского самоуправления». Авторы статей обосновывали мысль о том, что земские учреждения должны организовываться с учетом местной специфики. В этом журнале печатались представители абхазской интеллигенции Н.С. Патеипа, А.И. Чукбар, К.И. Барциц, А.М. Эмха, Д.И. Гулиа, И.И. Гулиа, Н.В. Ладария, Д.Т. Маан, Н.Н. Маршан. Круг обсуждаемых ими проблем выходил за рамки чисто сельскохозяйственной тематики, они обсуждали проблемы национальной письменности, шрифта, печатного органа абхазской интеллигенции и др.

С 1908 г. в Абхазии начинает издаваться газетная периодика. Первая газета, издаваемая в Абхазии, – «Сухумский листок». А затем появляется целый ряд печатных изданий. Эти газеты стали своего рода основаниями, из которых впоследствии превратились в социокультурный институт абхазские СМИ (в том числе и периодика). При этом, во-первых, они дали местному населению само понятие «газета» как источник новостей, сообщений, информации. Во-вторых, они так или иначе привлекли к сотрудничеству местных деятелей, проявивших склонность и способность к литературному творчеству.

Однако в этот период еще не было возможности публиковать материалы на абхазском языке. Абхазские деятели культуры страдали от отсутствия печатного органа, в Сухуме не было абхазского шрифта, наборщиков, бумаги и т.д. Не было газеты, которая могла бы нести информацию своевременно и на страницах которой абхазы могли бы обсуждать на родном языке свои социально-политические, культурные и научные проблемы, обмениваться мнениями. И все-таки в этот период предпринимались попытки выпускать газету на абхазском языке (хотя впервые она появилась только через 11 лет).

В феврале 1917 г. происходят социально-политические изменения в России, которые, безусловно, повлияли на все регионы, в том числе и на Абхазию, в которой образовались свои партии и социальные группы. В типографии Захарова с 1918 по 1920 гг. печатается газета Сухумского Окружного и Городского Комитетов Социал-демократической Рабочей партии Грузии «Наше слово», а с марта 1920 г. она выходит под на-

званием «Голос труда». В марте 1918 г. выходит газета Совета рабочих и солдатских депутатов – гудаутская «Воля вольных», которая находилась под влиянием местной большевистской организации. С 8 апреля по 17 мая 1918 г. в Абхазии, за исключением Кодорского участка, большевиками была установлена Советская власть. По решению Военно-революционного комитета Абхазии с 16 апреля 1918 г. стала выходить «Сухумская правда» – орган Ревкома. Доминирующей темой на ее страницах было переустройство жизни на новых началах социальной справедливости. Воспользовавшись этим, абхазские деятели культуры потребовали разрешения на издание своей газеты. «Меньшевики, соглашаясь на издание абхазской газеты, разумеется, преследовали определенную политическую цель. Они готовы были даже объявить ее своим органом. Это им было нужно для лицемерного “доказательства” “правильного” разрешения национального вопроса в Абхазии» [1, с. 272]. Однако отсутствие абхазского шрифта не давало возможности «независимцам» сразу начать издавать газету. Шрифт этот с большим трудом был взят из типографии заместителя Кавказа и доставлен в Сухум народным учителем А.М. Чочуа. Первый номер газеты под названием «Апсны» вышел 27 февраля 1919 г.

Выход в свет демократической газеты «независимцев» «Апсны» – значительное событие в политической и культурной жизни народа. Газета стала трибуной общественной мысли. Народ получил возможность читать на родном языке рассказы, драмы, стихи абхазских поэтов и писателей. «Апсны» открыла дорогу писателям, чьи произведения создали затем славу абхазской литературе.

С первого номера «Апсны» было присуще высокое искусство слова, источником которого стали устное народно-поэтическое творчество и опыт мировой прессы. Они двигали молодую печать вперед, что проявлялось в формировании собственного стиля – стиля национальной печати.

Необходимо отметить, что в период с 1862 по 1954 гг. в абхазской культуре происходит неоднократное реформирование письменного языка. Первоначально был принят алфавит Услара (1862 г.) на основе русской графики. Затем в 1892 г. К. Мачавариани и Д. Гулиа создали новую азбуку. В 1909 г. – букварь А. Чочуа. Аналитический алфавит Н. Марра вводится в 1926 г. Через два года опять изменяется алфавит, уже на латинизированный. В 1938 г. создается алфавит на основе грузинской графики, и, наконец, в 1954 г. был введен ныне действующий алфавит на русской графике с добавлением диакритических знаков.

Конечно, эти волевые решения были идеологически фундированы. Резкие изменения письменного языка всегда приводят к разрыву поколений, молодежь теряет связи с культурным наследием, со своим литературно-историческим прошлым.

Многочисленные реформы письменности нанесли невосполнимый урон возникновению и развитию СМИ Абхазии: особенно это отражалось на необходимости модификаций материальной базы газет и переподготовке журналистов, наборщиков и других работников прессы. Усложнялось общение газеты с аудиторией, нарушались обратные связи. Появление газет в новом шрифтовом варианте вынуждало абхазский народ всякий раз переучиваться, чтобы иметь возможность удовлетворять потребность в информации. В связи с этим национальная журналистика, берущая свое начало в устном народном творчестве и народных сходах, несла серьезные потери.

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы: периодическая печать Абхазии, зародившаяся в начале XX в. в результате политики метрополии (в данном случае Российской империи) по отношению к народам присоединенных территорий, – это особый структурный элемент абхазской культуры. Аналогичным образом можно реконструировать историю развития радио и телевидения Абхазии как культурно-исторических феноменов.

И в заключение заметим, что концепция Лотмана важна для нас еще и потому, что он рассматривает семиосферу не как статическую структуру знаков-символов, но как структуру динамическую, движущуюся, саморазвивающуюся исторически. Его концепция культурного взрыва призвана объяснить не только генезис культурных структур, но и механизм их развития, становления. Опираясь на эти идеи, мы и попытались реконструировать историю формирования абхазских СМИ как социокультурного феномена, используя в качестве метаязыка именно концепцию динамически развивающейся семиосферы Лотмана. Нам представляется, что такого рода реконструкция является чрезвычайно важной в условиях острой проблемной ситуации, возникающей в результате воздействия глобализационных процессов. В данном случае, обратиться к истории и попытаться осмыслить ее опираясь на идеи Ю. Лотмана нас заставила ситуация, когда под вопрос ставится само существование абхазского культурного этноса. Такое обращение к истории позволяет лучше понять факторы, на которые сегодня может опираться культура. И, повторим, нам представляется это важным еще и потому, что осмысление

исторического опыта становления одной из сфер абхазской культуры будет далеко не лишним при обсуждении аналогичных проблем, возникающих на волне глобализационных процессов и в иных регионах современного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дзидзария Г.А. Очерки истории Абхазии (1910-1921). Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1963.
2. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум: Алашара, 1982.
3. Лотман Ю.М. Семиосфера // Бесплатная научная электронная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://disus.ru/knigi/403999-1-yumlotman-semiosfera-kultura-](http://disus.ru/knigi/403999-1-yumlotman-semiosfera-kultura-vzriv-vnutri-mislyaschih-mirov-stati-issledovaniya-zametki-sankt-peterburg-iskusstv.php)

[vzriv-vnutri-mislyaschih-mirov-stati-issledovaniya-zametki-sankt-peterburg-iskusstv.php](http://disus.ru/knigi/403999-1-yumlotman-semiosfera-kultura-vzriv-vnutri-mislyaschih-mirov-stati-issledovaniya-zametki-sankt-peterburg-iskusstv.php)

REFERENCES

1. Dzidzariya, G.A., 1963. Oчерki istorii Abkhazii (1910-1921) [Essays on the history of Abkhazia (1910-1921)]. Tbilisi: Sabchota Sakartvelo. (in Russ.)
2. Dzidzariya, G.A., 1982. Makhadzhirstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiya [Makhajirism and the problems of the history of Abkhazia of the XIX century]. Sukhum: Alashara, 1982. (in Russ.)
3. Lotman Yu.M. Semiosfera [Semiosphere]. URL: [http://disus.ru/knigi/403999-1-yumlotman-semiosfera-kultura-](http://disus.ru/knigi/403999-1-yumlotman-semiosfera-kultura-vzriv-vnutri-mislyaschih-mirov-stati-issledovaniya-zametki-sankt-peterburg-iskusstv.php)



ЗНАЧЕНИЕ АРГУМЕНТА ДЖ. МУРА ДЛЯ ФИЛОСОФИИ МОРАЛИ

Статья посвящена исследованию истоков познавательной активности в сфере морали. Исследуются аргументы против самой возможности дать определение Добру, т.е. сделать его объектом познания. В современной аналитической философии подобного рода аргументация известна как критика дескриптивизма в области морали. Автор обращается к истокам данной критики и рассматривает причины, по которым Д. Юм считал невозможным вывести суждение о должном из суждений о сущем. В статье проводится различие между логической и семантической трудностями, связанными с проблемой Юма. Показано, что семантический анализ Дж. Мура демонстрирует проблематичность определения Добра. Автор предлагает концепцию «парадоксального субъекта», в которой снимаются парадоксы дескриптивизма

Ключевые слова: добро, познание, мораль, Д. Юм, Дж. Мур, субъект

The importance of G. Moore's argument for moral philosophy. DARIA A. SHAMIS (National Research University Higher School of Economics)

The paper is devoted to the investigation of the sources of cognitive activity in the sphere of morality. This research is based on the analysis of arguments against the very possibility of giving the definition of the Good. Such impossibility would mean that the Good could not become an object of any cognition. Contemporary analytical philosophers call this argumentation the critic of descriptivism on the sphere of morality. The author addresses the foundations of the critic of descriptivism and attempts to find out the reasons for D. Hume to consider it impossible to derive conclusions whose parts are connected by «ought» from premises whose parts are connected only by «is». Then the author marks the difference between logical and semantic levels of this Humean problem and claims for the importance of the semantic issue. In this case Moore's open question argument shows us the deepest difficulty of the cognition of the Good. The author argues for this problem to be solved with the help of a concept of «paradoxical subject».

Keywords: good, knowledge, cognition, morality, D. Hume, G. Moore, subject

Данная статья посвящена исследованию истоков познавательной активности в сфере морали. С этой целью мы обратимся к критике дескриптивизма в сфере морали, ставшей одним из наиболее значимых шагов в области гносеологии. Для нашего исследования критика дескриптивизма имеет значение постольку, поскольку она направлена против возможности

определить Добро, то есть сделать его объектом научного знания.

Несмотря на тот факт, что критика дескриптивизма в сфере морали не встретила достаточной контраргументации, многими этиками она просто игнорируется. «Неприятие этих концепций проявилось не столько в их отрицании (ибо это означало бы отрицание

универсальности логических законов), сколько в негласном «саботировании» выводов, к которым необходимо должен прийти всякий непредвзятый исследователь, взглянувший на творения великих мыслителей прошлого с точки зрения соблюдения ими указанных логических требований» [12, с. 11]. Максимов комментирует эту устойчивость моральной философии к указанной критике тем, что «уже сам замысел – выявить логическую архитектуру метафизического или моралистического учения, редуцировать его к простому силлогизму и, таким образом, «поверить логикой метафизики нравственности», – сам этот подход чужд гуманитарному мышлению, хотя органически вписывается в методологию современной аналитической философии» [10, с. 126]. Гуманитарное же мышление органически предполагает парадигму когнитивизма [12, с. 12]. Однако, начало тому, что в современной философии было названо «критикой дескриптивизма», было положено еще задолго до появления аналитической философии.

Мысль о невозможности выводить моральные суждения из суждений о том, что имеет место в мире, высказал Дэвид Юм. Собственно, этот принцип и был назван «гильотиной Юма».

Опыт, согласно Юму, формируется под воздействием привычки многократного повторения впечатлений ощущения. Эти обобщенные впечатления складываются в идеи, которыми уже оперирует разум. Как полагает Юм, ни отношения между впечатлениями как, собственно, образующие мир опыта, ни разум не могут быть источниками морального долженствования. Отношения между внешними объектами и отношения между внутренними актами не являются специфически моральными. К примеру, камень, упавший с горы и убивший мыш, будет не менее порочным и достойным осуждения, чем человек, зарезавший другого, поскольку в обоих случаях отношения объектов с точки зрения причинно-следственной связи действие-результат будут примерно одинаковы. Кроме того, даже если бы было возможно найти особые «моральные» отношения, влияние таковых на волю, замечает Юм, необходимо еще доказать. Роль же разума в деятельности человека заключается в инструментальной функции сообщения о наличии или отсутствии предмета в действительности и о том, какие аффекты он мог бы вызвать, а также о подходящих средствах для достижения желаемой цели. К определению же самих целей разум отноше-

ния не имеет. Кроме того, оперируя идеями как слабыми копиями впечатлений, разум оказывается беспомощным не только в вопросе о познании морали, но и в вопросе о соответствующей мотивации.

К тому же, Юм выдвигает еще один аргумент против возможности выведения долженствования из разума, заключающийся в потенциальной бесконечности рефлексии по поводу оснований познания, которая чревата полной неспособностью к познанию и действию как таковым.

Таким образом, цели, согласно Юму, должны определяться таким же образом, каким мы получаем все прочие идеи, то есть в результате закрепления благодаря привычке впечатлений, но в случае морали впечатлений рефлексии, то есть аффектов, являющихся как раз проявлениями той или иной формы интереса к впечатлениям ощущения. Однако аффекты влекут людей не к моральным, а к эгоистическим целям. Удовольствие и неудовольствие, испытываемые при виде морального поступка, слишком слабы для того, чтобы бороться с себялюбием. Поэтому, как утверждает Юм, люди располагают симпатией как способностью переживать желания, страдания и счастье других людей как свои собственные [15, Т. 2, с. 55]. Именно симпатия позволяет человеку подняться над собственной точкой зрения и воспринять позицию другого как равнозначную своей [15, Т. 2, с. 383]. С помощью этого механизма симпатия перенаправляет эгоистические стремления каждого в сторону, указываемую на самом деле аффектом человеколюбия, в одиночку недостаточно сильным для того, чтобы пересилить себялюбие. А перенаправляя аффекты в сторону благожелательности к другим, симпатия порождает нравственное чувство, различающее добро и зло [15, Т. 2, с. 364], которое в свою очередь порождает удовольствие и неудовольствие от созерцания добродетели и порока [14, с. 337].

При этом, несмотря на приверженность теории происхождения морали из хотя и «перенаправленных», но все же эгоистических аффектов, Юм настаивает на важности добродетели как таковой, на ее самоценности. Доказывается это наличием аффектов благожелательности, дружелюбия и подобных, хоть и недостаточно сильных, но все же имеющих место вне зависимости от описанного Юмом перехода от эгоизма к морали. Таким образом, не нравственность выступает следствием эгоистических

* ШАМИС Дарья Алексеевна, аспирант Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: dasha.shamis@gmail.com

© Шамис Д.А., 2017

побуждений, как полагают утилитаристы, а эгоистические побуждения с помощью симпатии придают силу моральным стремлениям и обеспечивают почву для нравственности.

Только благодаря действию направленных симпатией эгоистических аффектов мы можем прийти к моральной точке зрения. Иными словами, познание моральных законов лишь тогда приводит к искомому результату, когда оно является одновременно мотивацией. С одной стороны, это можно объяснить описанным Юмом конструированием самой морали на базе чувств. Однако онтология Юма выросла из его гносеологии, из мучительной констатации ограниченности наших познаний о мире теми немногими способностями вроде привычки или симпатии, которые только и позволяют нам ориентироваться в мире. Причиной же, почему Юм считал, что познание добра и зла должно быть одновременно мотивацией к добродетели, была не теория формирования морали на основании аффектов. Важнее было то, что Юм не видел иного пути к должному кроме как через аффекты. Юм не рассматривал мораль как некую информацию о том, как должно поступать, напротив, он видел в должном способность подвигать к соответствующим поступкам. Иначе долженствование выглядело бы для Юма просто бессмысленным: зачем знать о добре и зле, если это никак не изменит поступков? Да и само добро как то, что должно быть, предполагает в себе некий интерес, некоторую активность, делающую информацию ценностью, превращающую ее, хотя бы потенциально, в действительность. Но обрести долженствование в результате познания невозможно, если не предположить его еще вначале, в самом истоке познавательной активности.

Позднее философы-аналитики сформулировали эту идею в виде логического принципа следования. Одним из таких современных последователей Юма, рассуждающих через исследование языка познания о невозможности вывести должное из опыта, является Ричард М. Хеар.

Хеар в «Языке и морали» выдвигает свое возражение против дескриптивизма в области морали. Как пишет Хеар, смысл выражения «Я должен сделать X» как выражающего ценность не исчерпывается никакими указаниями на общепринятость или индивидуальное чувство. Он предлагает представить две возможные расшифровки общей формы морального суждения, выражающие социологический и психологический подходы к интерпретации морали:

1. Существует следующий принцип поведения, который широко принят в обществе, а именно «Каждый должен делать X в обстоятельствах У». И я как раз в таких обстоятельствах.

2. Суждение «Я должен делать X» вызывает во мне ощущение убежденности / Я не могу сомневаться в суждении «Я должен делать X»

Хеар ссылается на то, что таким образом мы пытаемся из суждений, фиксирующих некоторое положение дел, вывести оценочное моральное суждение, содержащее в себе в качестве необходимого следствия категорический императив «Делай X». Попытки же эти не могут увенчаться успехом, поскольку невозможно из индикативов-посылок вывести императивность. Аргументирует Хеар это правило соображениями логики: ничто, в том числе и императивность, не может появиться в заключении силлогизма, если этого не было в его посылах [4, с. 32].

Попытка Хеара, как и других аналитиков, описать невозможность выведения должного из сущего с помощью логики выглядит вполне убедительно. Тем не менее, сводя всю рассматриваемую проблематику к логике языка, мы, акцентируя, как кажется, познавательный аспект, рискуем пренебречь самой сутью дела. Действительно, соображения логики играют важную роль в оценке наших познавательных возможностей. Однако сама по себе логика ничего не говорит о сущем и должном, а просто фиксирует отсутствие следования одного из другого, поскольку мы с самого начала задали для них принципиально разные значения. На каком основании мы их задали – это вопрос, выходящий за границы логики и погружающий нас в содержание проблемы сущего и должного.

Обратиться к семантике и предложил в начале XX века Дж. Мур: «Вопрос «Что такое добро?» может все же иметь и другое значение. Третья возможная интерпретация этого вопроса заключается не в проявлении интереса к тому, какой предмет или предметы являются хорошими (good), а в вопросе о том, каково определение «добра». Этому открытию должно быть уделено особое внимание, поскольку вопрос о том, что означает «добро», является самым фундаментальным вопросом этики» [5, с. 8].

Сделав это весьма впечатляющее заявление в начале «Principia Ethica», Мур переходит к критике таких теорий определения должного как гедонизм, утилитаризм и натурализм вообще, а также метафизическая этика.

Мур описывает как «натуралистическую ошибку» попытки определить добро указанием

на какие-либо факты. Критикуя гедонизм в его максимально общем виде в качестве подобной ошибочной теории, Мур замечает, что удовольствие не всегда ведет к тому, что мы можем назвать добром. Напротив, то, что приносит нам удовольствие, может быть вредно и даже губительно и может совершенно не совпадать с тем, что мы признаем как добро. Это указание Мура, тем не менее, не является аргументом, а служит скорее средством привлечения внимания к обсуждаемой проблеме. Яснее Мур формулирует свою мысль, когда пытается проанализировать ошибки самих гедонистов на примере теорий Милля и Сиджвика. Важнейшей ошибкой Милля Мур считал отождествление желаемого с тем, что достойно желания, то есть с добром [13, с. 135]. При этом Мур указывает на отсутствие логики в том, что гедонисты, по его мнению, из суждения «я считаю удовольствие добром» делают вывод о том, что удовольствие и есть добро [13, с. 127]. Иными словами, аргумент Мура против гедонизма заключается в демонстрации разрыва между фактическими желаниями и морально должным. Для этого Мур указывает на семантическую и логическую несостыковку в рассуждениях гедонистов.

Тот же способ аргументации применяется Муром также против утилитаризма и против натурализма как такового: «У нас нет никаких оснований считать единственным добром именно то, что эти [натуралистические – прим авт.] концепции представляют как добро» [13, с. 123]. Анализируя натурализм в частности Сиджвика и Сперсера, Мур приходит к выводу о непоследовательности попыток соотношения понятия «добро» с естественными предметами, то есть с природной реальностью, поскольку такие попытки основаны на приравнивании категории «есть» к категории «должно быть». Об этом же писал Юм до Мура и Хеар после. Из самих по себе фактов (или представлений о фактах) вроде закономерностей жизнедеятельности организмов, или эволюции, или наличия удовольствия от чего-то никак логически не следует их определение как добра.

Осудив натурализм за логическую и семантическую непоследовательность, Мур переходит к критике метафизической этики и вменяет ей ту же натуралистическую ошибку. Как полагает Мур, метафизическая этика, вынося мораль за пределы природного мира, создает просто дополнительную вторую сверхчувственную реальность. Критикует же Мур эту вторую реальность практически так же, как Аристотель

критиковал платоновский мир идей. К примеру, Мур считает проблематичными моральные поступки, поскольку не понятно, каким образом и в какой мере в них должно воплотиться добро. Прежде всего, не ясно, зачем вообще абсолютной сверхчувственной реальности воплощаться в поступках, являющихся менее совершенными. Отношения между первой и второй реальностью оказываются проблематичными. Однако и сама эта реальность оказывается под вопросом: Мур упрекает метафизическую этику в том, что она просто отождествляет добро со сверхчувственной реальностью. Иными словами, метафизики не находят предмет для определения добра в мире опыта, поскольку приходят к тому, что опыта существующего, существовавшего или того, что будет существовать, недостаточно для суждения о добре. Поэтому, желая все же иметь возможность указать на что-то при разговоре о моральном, как это делается в рамках суждений об опыте, метафизики изобретают дополнительную внеопытную реальность специально для такого рода референции. Таким образом, «быть добром» начинает обозначать «быть сверхчувственной реальностью», что явно семантически неверно. И Мур делает вывод о том, что и натуралистические, и метафизические теории морали совершают одну и ту же натуралистическую ошибку, а значит добро вообще невозможно определить, указав на ту или иную реальность.

Несмотря на возражения против его выводов, вкладом Мура в философию можно считать его «аргумент открытого вопроса», критикующего натуралистический подход к морали. «Аргумент открытого вопроса» Мура, как принято его называть в западных исследованиях, несмотря на свою кажущуюся простоту, заключает в себе значительный философский потенциал. Рассуждая о неопределимости добра и приводя все вышеописанные аргументы, Мур всегда имел в виду этот вопрос, ставящий под сомнение всякие попытки дать определение должному. Строго говоря, вся предпринятая Муром критика натуралистических подходов к этике, основанная на логике и словоупотреблении, выглядит более спорной, чем аргумент открытого вопроса. Интерес и главный фокус этого аргумента, в силу которого он и получил такое название, заключается в принципиальной невозможности дать ответ на предлагаемый Муром вопрос «Почему удовольствие (или что-либо иное) есть добро?» Мур пишет: «Какое бы определение не было предложено, всегда ос-

мысленно задать вопрос, является ли комплекс, определенный как добро, добром» [5, с. 16-17].

Чтобы лучше понять аргумент Мура, представим, что определить «доброе» вполне возможно, указав на форму действия, или на удовольствие как его результат, или на что-либо сходное, что здесь для простоты мы обозначим как X. Иными словами, предположим, что, определяя нечто как «доброе», мы просто приравниваем объект (например, удовольствие) к добру или находим в этом объекте некоторые свойства, которые и являются «добром». Однако здесь встает вопрос Мура: почему именно эти, а не другие свойства «добрые»? Почему именно удовольствие или иной X эквивалентно добру? Удивление, вызванное этим вопросом, связано с его принципиальной неустрашимостью: как бы хорошо ни была выстроена теория, этот вопрос всегда будет загонять ее автора в тупик. Поэтому, строго говоря, анализ каждого аргумента каждой из существующих концепций морали не имеет смысла – в любом случае эти концепции окажутся неспособными дать ответ на простой вопрос Мура. Но почему? В чем сила этого вопроса?

С одной стороны, в отличие от сложных доказательств вопрос Мура прост, лаконичен и сразу подводит к сути, а именно к тому, что нельзя сводить добро к некоторому X. И дело даже не в том, что основания для такого приравнивания недостаточны. Вернее было бы признать, что таких оснований просто не может быть. Путь, который в свете современной склонности к научным методам представляется наименее произвольным с точки зрения цели определить значение «доброе» – это провести анализ словоупотребления, выявив наиболее распространенные эквивалентности. Однако будут ли результаты этого или любого другого исследования доказательством определения добра? Ведь подобное изыскание – это следствие всего лишь нашего произвольного выбора метода исследования, а значит вопрос Мура все еще актуален. И даже если какой-нибудь ученый приведет нам в доказательство описание происхождения морали из элементарных природных склонностей или же из самого разума, мы все равно сможем задать тот же пресловутый вопрос – почему именно это и есть добро?

С другой стороны, как замечает сам Мур, говоря «X – добро», мы всегда хотим сказать больше, чем приравнять добро к удовольствию, или пользе, или еще чему-либо. Мур пишет: «Суждение «удовольствие есть добро (good)»

имеет смысл только тогда, когда добро есть нечто отличное от удовольствия» [13, с. 72]. С первого взгляда это кажется практическим аргументом, основанным на желании придать сообщению информативность. Однако Мур пытался показать, что, говоря о добром, мы всегда что-то добавляем в качестве характеристики к тому, о чем говорим.

Кажется, что сомнения Мура можно легко разрешить ссылкой на теорию Фреге о смысле и значении. Если предположить, что «удовольствие» (или одобрение, или какое-либо иное X, которое мы определяем как добро) и «добро» просто имеют разный смысл, но одно значение, и именно это вызывает ощущение сомнительности данного тождества, то аргумент Мура представляется неудовлетворительным. Ведь в таком случае тот факт, что под «добрым» мы имеем в виду нечто отличное от X, объясняется различием смыслов. Однако если в случае утренней и вечерней звезды тождество устанавливается эмпирически, то с добром эта операция выглядит гораздо проблематичнее. Действительно, ничто не мешает нам предположить, что «удовольствие» и «добро», обладая разными смыслами, имеют одинаковое значение. Таким образом мы спокойно приравняли бы «то, что желаемо» к «тому, что достойно желания». Тем не менее, на вопрос об основании такого предположения ответить нам нечего, поскольку значение «добра» остается для нас туманным: «Понятие морали (подобно многим другим) не имеет чувственно-наглядного коррелята» [11, с. 66]. Собственно, эту туманность мы и стремимся развеять, приравнивая добро к чему-то более достоверному, однако никогда основания для такого приравнивания не будут достаточными.

В свете всего вышеописанного становится понятной позиция Людвиг Витгенштейна в его «Логико-философском трактате». В частности, это касается вопроса о знаменитом витгенштейновском молчании. Стандартное объяснение этого молчания звучит так: Витгенштейн запрещает говорить о том, что не может быть высказано, то есть что не имеет логической формы утверждения о возможном положении дел. Однако о чем же именно мы должны молчать? В «Трактате» он утверждает, что ценность (здесь подразумевается значимость факта не внутри мира, то есть для другого факта, но для мира как целого, для смысла мира) любого факта никак не связана с самим фактом. Весь мир, согласно Витгенштейну, может быть описан «при помощи вполне обобщенных предло-

жений, т.е. не согласовывая заранее какое-либо имя с определенным объектом. Чтобы затем перейти к обычному способу выражения, нужно просто к выражению «имеется один и только один x, который...» прибавить: «и этот x есть а»» [9, с. 160]. Иными словами, факты не обладают никакой внутренней ценностью, но лишь характеристиками, которые суть формы логической комбинации объектов. Витгенштейн утверждает, что ценности могут присутствовать только за пределами фактов, то есть того, что происходит или может происходить в мире. В сфере морали это значит, что критерий должного не имеет отношения к тому, что происходит или может происходить в мире, то есть, если переходить уже к интересующей нас области фактического, к самому образу действия. Это становится очевидным, если взглянуть на структуру любого морального утверждения, к примеру, такого: «Нельзя убивать других людей». Сам по себе принцип действия, в данном случае «убивать других людей», может быть действительным фактом или возможным, но в своей фактичности ничем не будет отличаться от любого другого, даже от падения камня [8, с. 33]. Определяет же этот факт как недолжный, то есть делает его, собственно, «убийством», нечто вне самого факта, то есть вне языка и вне мышления, коль скоро оно лишь дискурсивно. Иными словами, Витгенштейн указывал, что причина, по которой человек следует моральному закону, лежит за пределами фактического. Закон содержит утверждение о том, что могло бы иметь место, но само его долженствование не является фактом.

Но почему мы всегда вправе задать вопрос Мура? Иными словами, что же именно мы имеем в виду, когда говорим о Добре? Как мы уже описали, закон логики на самом деле не может ничего объяснить нам относительно невозможности выведения должного из сущего. Чтобы прояснить этот принцип, нам необходимо обратиться к семантике. Тем не менее, как показывает Мур, предпринять такой шаг мы тоже не можем, поскольку сталкиваемся с проблемой невозможности дать определение Добру.

Тем не менее, многие философы, не обнаружив ценности в фактах опыта и отбросив попытки дать определение «Добру», сочли чувства вполне подходящим источником морали. Строго говоря, еще Юм упоминал о подобном муровскому вопросу в своем «Исследовании о принципах морали». Однако он предполагал, что если начать спрашивать человека об осно-

ваниях его суждений или действий, то процесс саморефлексии не будет бесконечным. Неизбежно рано или поздно такой человек придет к тому, что укажет на свое удовольствие в качестве причины и содержания морального долженствования [14, с. 336-337]. Таким образом, Юм предположил, что необходимым компонентом морали является желание, то есть личная заинтересованность, активность в том, чтобы реализовать должное. Как пишет Юм, «ни одного поступка нельзя требовать от нас в качестве нашей обязанности, если человеческой природе не присущ какой-нибудь побуждающий аффект или мотив, способный породить этот поступок» [15, с. 285-286]. При этом Юм добавляет: «Первичный добродетельный мотив, придающий ценность известному поступку, не может быть признанием добродетельности данного поступка, а должен сводиться к какому-либо другому естественному мотиву или принципу» [15, с. 238]. Смысл высказывания Юма заключается в следующем: определение поступка как доброго еще не ведет к его исполнению. Нравственное чувство есть признание добродетельности определенного поступка не в соответствии с аффектами и не в противоречии с ними, а независимо от них. Это вовсе не предполагает наличия субъективного согласия на следование должному. Долженствование должно иметь основания, из которых оно будет следовать, а именно, как тонко замечает Юм, в конечном счете, должно иметь место некоторое внутреннее чувство расположения, предпочтения того, что уже постфактум оценивается как должное. Этот мотив должен быть расположением по отношению к цели действия. В качестве такого изначального движущего мотива Юм и указывает на первичные эгоистические аффекты, правильно направленные симпатией.

Хеар во всех своих работах определяет прескрипции как выражения предпочтений. Он пишет: «Будет удобно, если мы продолжим говорить в терминах ни мотивационных состояний, ни даже предпочтений, но в терминах прескрипций, которые являются их выражениями (expressions) в языке» [3, с. 107]. Исходя из этого убеждения Хеара, его теорию принято классифицировать как экспрессивизм. При этом в разных своих работах Хеар определяет прескриптивность (выражающуюся в императивности) как такое свойство суждения, в силу которого согласие с таким суждением с необходимостью влечет за собой соответствующее действие [3, с. 21; 4, с. 12-16, 18-20].

Однако, как Юм, так и все прочие философы, пытающиеся указать на чувства в качестве источников морали (Т. Гоббс, Ф. Ницше, У. Джеймс, А. Айер, Р. Хеар, Дж. Принц и прочие), оказываются в сложном положении перед лицом невозможности вывести должное из сущего. В терминологии аналитической философии критика их позиций заключается в том, что из «Я хочу X» никоим образом не следует «Я должен сделать X» и тем более «Делай X». Дело в том, что аргумент против дескриптивизма может быть обращен и против разного рода желаний и побуждений, если их рассматривать как некоторые данности, например, как предмет психологии. Так и универсальные предпочтения, предположенные Хеаром, как и любые другие психологические или социологические факты являются всего лишь фактами. Иначе говоря, суждение «Все могут разделить предпочтение X», само по себе является обычным индикативом, который не может влечь за собой негипотетическую императивность. Эту проблему замечает и Мур, критикуя гедонизм и прочие этические теории, основанные на чувствах. Позиция же Юма представляется также непоследовательной в отношении самого источника мотивации, который одновременно является и источником моральности вообще.

Возможно, поэтому Хеар сужает до минимума содержание так называемого «предпочтения», не ассоциируя его ни с какими конкретными чувствами или эмоциями вроде удовольствия. Такой концепт чистого предпочтения, являющегося по сути лишь активностью субъекта, примененной к некоторому содержанию и делающей его значимым, должен бы был дать значительное преимущество в решении вопроса о моральном выборе.

Пытаясь не совершить той же ошибки, Мур, обосновав неопределимость добра, приходит к точке зрения так называемого интуиционизма – одного из наиболее популярных в Британии философских течений начиная с XVIII в. и до 1930-х гг., снова приобретаем сторонников уже в современной философии. На данный момент существует множество вариаций интуитивизма, однако общим для них является представление о морали как о постигаемой через интуицию, а не через рассуждение или эмпирический опыт, специфически моральной действительности, что бы это ни значило в той или иной интерпретации.

Прежде всего, Мур был реалистом, хотя и полагавшим мораль несуществующей в каче-

стве какой бы то ни было реальности, могущей обеспечить значение моральных суждений, в которых дается то или иное определение добра. Последнее следовало из обосновываемой Муром неопределимости добра. Однако Мур не мог на этом основании отказаться от морали, как сделали его последователи, и счел добро недискурсивно постижимым при помощи интуиции. Мур заключил, что моральность поступков и вещей узнается интуитивно как некоторое их неотделимое специфически моральное свойство, которое не может быть расчленено в определении на вне-моральные составляющие. Когда мы говорим «X есть добро», мы не имеем в виду, что X = добро, но что X обладает свойством быть добром. Однако само это свойство ничему не равно, то есть нет реальности, ни чувственной, ни сверхчувственной, которая бы обеспечила значение «добра». Иными словами, реальность добра оказывается у Мура такова, что, не имея в себе основания определения самого добра, она все же обеспечивает значение истинности прочих моральных суждений, определяющих что-то другое, будь то поступок или вещь, как добро. В силу такой удивительной особенности эпистемология и онтология Мура оказываются в сложном положении. Опровергая метафизическую этику с ее идеей сверхчувственной реальности, Мур прямо указывает на то, что мораль реальностью ни чувственной, ни сверхчувственной не обладает. Однако в каком-то другом смысле она существует, поскольку, рассуждая о свойстве поступка быть добрым, мы вполне понимаем, о чем говорим. Как утверждает Мур, мы говорим о «не-естественном» (non-natural), как его часто переводят, или «вне-опытном» качестве. Данный перевод нам представляется наиболее адекватным выражением самой идеи натуралистической ошибки, описанной Муром. Мур отрицает возможность свести мораль к какой бы то ни было реальности, чувственной или сверхчувственной. Всякая же реальность, так или иначе, выступает как предмет опыта, как объект нашего познания и выражения. Таким образом, Мур отрицает возможность для морали выступать предметом опыта, сохраняя за ней однако способность обеспечивать истинностные значения моральных суждений.

Подобная особенность теории Мура не могла не вызвать шквал критики, обрушившейся как со стороны противников когнитивизма и реализма как таковых, так и со стороны впечатленных идеей Мура, но разочарованных его

выводами. К последним, к примеру, относились логические позитивисты. В то время как семиотический метод анализа языка морали предполагался Муром в качестве средства для решения все тех же старых проблем этики, его последователи, доведя идею своего учителя до ее потенциального предела, сочли такой анализ самоцелью, элиминировав этическую проблематику из поля философской рефлексии ввиду ее невыразимости в языке или же, как сделали другие, такие как, например, У. Куайн, Д. Дэвидсон, С. Крипке, Р. Рорти или Ю. Хабермас, оставив ее исключительно в виде способа коммуникации. Обе эти тенденции были зафиксированы Л. Витгенштейном соответственно в его знаменитом «Логико-философском трактате» и в «Философских исследованиях». Иными словами, критики Мура пришли к заключению: о чем невозможно говорить, как утверждает сам Мур, о том следует молчать [9, с. 218], не поддаваясь очарованию призрачной идеи морального реализма, ставшей в интерпретации Мура совсем эфемерной.

Другим критиком Мура был Альфред Д. Айер и его последователи. Айер высоко оценил аргументы Мура против натурализма, однако счел и интуитивизм недостаточно удовлетворительным. Айер заметил, что интуитивизм плохо совместим с реализмом в эпистемологическом аспекте. Иными словами, проблема интуитивного познания заключается в том, что его результаты не верифицируемы [1, с. 66]. В силу этого мы можем лишь надеяться на то, что каждый «интуирует» ту самую «подлинную» мораль, а не что-то другое. Спор же двух разных интуиций рискует обернуться невозможностью прийти к заключению о том, кто же все-таки прав. В качестве решения проблемы Айер предлагает забыть о моральном реализме, как и, соответственно, о когнитивизме, и выдвигает предположение, что моральные суждения являются выражениями эмоций. Таким образом, Айер приходит ко второму возможному выводу из указанной Муром неопределимости морали: он не «схлопывает» мораль до плоскости языка, а, в отсутствие объекта (реальности) обращается к субъекту, правда в его психологическом измерении.

Последователи подобного рассуждения уточнили эмотивизм Айера, придя к выводу, что акцент стоит делать не на эмоциях или иных психологических состояниях, а на экспрессивной функции языка и в частности моральных высказываний, тем самым одновременно реали-

зуя и линию, намеченную еще поздним Витгенштейном, рассуждавшим о языке как средстве коммуникации. К примеру, если Айер говорит о моральных суждениях лишь как об описании эмоционального состояния говорящего, то уже Ч. Стивенсон указывает на то, что основной функцией моральных высказываний является воздействие с их помощью на других людей, побуждение их к определенному действию [7]. В результате Стивенсон предполагает возможность продуктивной коммуникации по вопросу о моральных нормах.

Однако, читая тексты Юма, можно предположить, что его идея была глубже, чем простое указание на аффекты в качестве истока морали. Еще в «Трактате» Юм писал о вере как о «некотором ощущении или особом способе представления, который нельзя устранить при помощи одних лишь идей или размышлений» [15, с. 270]. Иными словами, Юм, вероятно, предполагал в желаниях то, что принципиально не может стать объектом рассмотрения.

Но как это возможно, учитывая приведенный ранее в пример опыт психологии? Обратимся к Томасу Нагелю и его известному среди философов, исследующих психофизическую проблему, «аргументу летучей мыши» [6]. Нагель указывает нам на одно простое соображение о том, что, даже располагая полным знанием относительно эхолокации, нервной системы и прочих нюансов физиологического устройства летучей мыши, мы все же никогда не сможем воспринять мир так, как это делает летучая мышь. Тем самым Нагель пытается продемонстрировать нетождественность объективной и субъективной точек зрения: зная все об объекте своего исследования, мы, тем не менее, никогда не имеем доступа к нему как субъекту. Витгенштейн описывает эту проблему через аналогию с полем зрения и взглядом: сам взгляд не является частью поля зрения и никогда туда не попадет, однако именно он и существенен как трансцендентальная граница поля зрения [9, с. 176].

Мы можем предположить, что Юм, говоря о некоем нередуцируемом к объектным данностям «особом способе представления», имел в виду как раз точку зрения субъекта, его активной позиции, которая обеспечивает движущую силу мотивации и соответственно моральность, которая не может стать объектом рефлексии. Тогда вопрос Мура можно было бы просто отнести к сфере объектного знания, то есть просто ложной для самой сути описываемой активности перспективы. Иными словами, вопрос

«Почему Х является добром?» можно счесть просто принадлежащим точке зрения научного познания, которое рассматривает как свой объект то, что принадлежит сфере субъективного. Однако подобным образом спасти ситуацию не получится, поскольку вопрошает «Почему Х является добром?» не кто иной как тот же самый субъект, в этом вопросе как бы отходя на шаг от себя самого, от своей собственной позиции признания чего-то добром.

Таким образом, главный вопрос, заданный Муром, остается без ответа. Любые критерии, определяющие содержание моральных различий вроде общепризнанности или удовольствия, относятся опять же к дескриптивной составляющей. Так нельзя ничего сказать и о том, откуда появляются эти правила, поскольку описание этого генезиса так же окажется описательным суждением. Иначе говоря, вопрос Мура о том, почему именно это свойство/положение дел является добром, остается без ответа, поскольку последний лежит вне сферы того, что может быть в принципе рассмотрено как объект. Аналитическая философия с ее анализом языка и стремлением к понятийной определенности вряд ли способна помочь нам в этом, поскольку она может лишь констатировать невыразимость морали. Однако и просто забыть о вопросе Мура или же признать, что «о чем не можем говорить, о том следует молчать», мы не можем.

Наше предположение заключается в том, что эта трудность является сущностно значимой для понимания структуры самой субъективности как познающей. А именно, здесь мы вынуждены, кажется, говорить о такой гносеологии, которая никогда не приходит к онтологии познаваемого объекта, но тем самым указывает на онтологию познающего субъекта, обнаруживающего себя то уже сделавшим свой выбор, то удивляющимся этому выбору. Этот парадоксальный субъект ищет Добро как объективное и всеобщее, но встречает на своем пути лишь на те или иные определения, то есть критерии Добра, могущие быть пересмотренными. Но находя в основании этих критериев лишь свою собственную активную позицию, нерелевантную и поэтому наделяющую силой эти критерии, познающий субъект все же принимается за поиск вновь. Почему познающий, столкнувшись с подобным релятивизмом, все же не оставляет попыток найти несомненное Добро? Прагматисты, к примеру, выразили бы сомнение в этом и сочли бы вполне приемлемым сознательное принятие распространенных в обществе или иным обра-

зом полученных критериев моральности, коль скоро это способствует большему комфорту жизни. Однако прагматическая точка зрения основана на неотрафлексированном критерии удобства, что делает ее такой же сомнительной, как и любая другая критериальная теория морали. Так почему, разочаровываясь то в одном, то в другом определении Добра, мы все же снова и снова обнаруживаем себя в плену того или иного представления о должном? И если познающему субъекту по каким-то причинам необходима моральность, что вынуждает его всякий раз отступать на шаг назад от собственной уверенности и успокоенности на понятном и структурированном пространстве практики и видеть это пространство как всего лишь одно из возможных определений должного? Исследование природы и взаимного отношения этих стремлений к поиску Добра и к критике любого его определения является задачей дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ayer, A.J., 2001. *Language, truth and logic*. London: Penguin Books.
2. Hare, R.M., 1965. *Freedom and reason*. New York: Oxford University Press.
3. Hare, R.M., 1982. *Moral thinking: it's levels, method and point*. New York: Oxford University Press.
4. Hare, R.M., 2003. *The language of morals*. Oxford: Clarendon Press.
5. Moore, G.E., 2013. *Principia Ethica*. CreateSpace Independent Publishing.
6. Nagel, T., 1974. What is it like to be a bat? *The Philosophical Review*, Vol. 83, no. 4. pp. 435-450.
7. Stevenson, Ch.L., 1937. The emotive meaning of ethical terms. *Mind*, Vol. 46, no. 181, pp. 14-31.
8. Витгенштейн Л. Дневники 1914-1916. М.: Канон+, 2009.
9. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон, 2008.
10. Максимов Л.В. «Гильотина Юма»: pro et contra // *Этическая мысль*. Вып. 12. М.: ИФ РАН, 2012. С. 124-142.
11. Максимов Л.В. К проблеме определения морали // *Этическая мысль*. Вып. 3. М.: ИФ РАН, 2002. С. 61-74.
12. Максимов Л.В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. М.: РОССПЭН, 2003.
13. Мур Дж. Принципы этики. М.: Прогресс, 1984

14. Юм Д. Исследования о человеческом познании. Т. 4. М.: Канон+, 2009.

15. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Т. 2. М.: Канон+, 2009.

REFERENCES

1. Ayer, A.J., 2001. *Language, truth and logic*. London: Penguin Books.
2. Hare, R.M., 1965. *Freedom and reason*. New York: Oxford University Press.
3. Hare, R.M., 1982. *Moral thinking: it's levels, method and point*. New York: Oxford University Press.
4. Hare, R.M., 2003. *The language of morals*. Oxford: Clarendon Press.
5. Moore, G.E., 2013. *Principia Ethica*. CreateSpace Independent Publishing.
6. Nagel, T., 1974. What is it like to be a bat? *The Philosophical Review*, Vol. 83, no. 4. pp. 435-450.
7. Stevenson, Ch.L., 1937. The emotive meaning of ethical terms. *Mind*, Vol. 46, no. 181, pp. 14-31.
8. Wittgenstein, L., 2009. *Dnevniky 1914-1916 [Diaries, 1914-1916]*. Moskva: Kanon+. (in Russ.)

9. Wittgenstein, L., 2008. *Logiko-filosofskiy traktat [Tractatus logico-philosophicus]*. Moskva: Kanon. (in Russ.)

10. Maksimov, L.V., 2012. «Gil'otina Yuma»: pro et contra [Hume's guillotine: pro et contra], *Eticheskaya mysl'*, Vyp. 12. Moskva: IF RAN, pp. 124-142. (in Russ.)

11. Maksimov, L.V., 2002. K probleme opredeleniya morali [Towards the problem of the definition of morality], *Eticheskaya mysl'*, Vyp. 3. Moskva: IF RAN, pp. 61-74. (in Russ.)

12. Maksimov, L.V., 2003. *Kognitivizm kak paradigma gumanitarno-filosofskoi mysl'i [Cognitivism as a paradigm of thought in humanities and philosophy]*. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

13. Moore, G., 1984. *Printsipy etiki [Principia ethica]*. Moskva: Progress. (in Russ.)

14. Hume, D., 2009. *Issledovaniya o chelovecheskom poznanii [An enquiry concerning human understanding]*. T. 4. Moskva: Kanon+. (in Russ.)

15. Hume, D., 2009. *Traktat o chelovecheskoi prirode [A treatise of human nature]*. T. 2. Moskva: Kanon+. (in Russ.)



